

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

ПЕРИОДИЧЕСКИЙ НАУЧНЫЙ СБОРНИК

ПО МАТЕРИАЛАМ XXIII МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
Г. БЕЛГОРОД, 28 ФЕВРАЛЯ 2017 Г.

2017
№ 2-5

АГЕНТСТВО ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(АПНИ)

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

2017 • № 2, часть 5

Периодический научный сборник

*по материалам
XXIII Международной научно-практической конференции
г. Белгород, 28 февраля 2017 г.*

ISSN 2413-0869

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

2017 • № 2-5

Периодический научный сборник

Выходит 12 раз в год

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-65905 от 06 июня 2016 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Учредитель и издатель:

ИП Ткачева Екатерина Петровна

Главный редактор: Ткачева Е.П.

Адрес редакции: 308000, г. Белгород, Народный бульвар, 70а

Телефон: +7 (919) 222 96 60

Официальный сайт: issledo.ru

E-mail: mail@issledo.ru

Информация об опубликованных статьях предоставляется в систему **Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)** по договору № 301-05/2015 от 13.05.2015 г.

Материалы публикуются в авторской редакции. За содержание и достоверность статей ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей. При использовании и заимствовании материалов ссылка на издание обязательна.

Электронная версия сборника находится в свободном доступе на сайте: www.issledo.ru

По материалам XXIII Международной научно-практической конференции «Современные тенденции развития науки и технологий» (г. Белгород, 28 февраля 2017 г.).

Редакционная коллегия

Духно Н.А., д.ю.н., проф. (Москва); *Васильев Ф.П.*, д.ю.н., доц., чл. Российской академии юридических наук (Москва); *Винаров А.Ю.*, д.т.н., проф. (Москва); *Датий А.В.*, д.м.н. (Москва); *Кондрашихин А.Б.*, д.э.н., к.т.н., проф. (Севастополь); *Котович Т.В.*, д-р искусствоведения, проф. (Витебск); *Креймер В.Д.*, д.м.н., академик РАН (Москва); *Кумехов К.К.*, д.э.н., проф. (Москва); *Радина О.И.*, д.э.н., проф., Почетный работник ВПО РФ, Заслуженный деятель науки и образования РФ (Шахты); *Тихомирова Е.И.*, д.п.н., проф., академик МАН, академик РАН, Почетный работник ВПО РФ (Самара); *Алиев З.Г.*, к.с.-х.н., с.н.с., доц. (Баку); *Стариков Н.В.*, к.с.н. (Белгород); *Таджибоев Ш.Г.*, к.филол.н., доц. (Худжанд); *Ткачева А.А.*, к.с.н. (Белгород); *Шановал Ж.А.*, к.с.н. (Белгород)

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»	6
<i>Акопова Ю.А.</i> АНДРЕЙ БЕЛЫЙ О РОЛИ ГОГОЛЯ В САМОСОЗНАНИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ.....	6
<i>Аллахверанова Т.Ф.</i> ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА В ТЕКСТАХ СОВРЕМЕННОЙ ПЕРИОДИКИ.....	9
<i>Андреева А.В.</i> ОБУЧЕНИЕ МОНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РКИ В ГУМАНИТАРНЫХ ВУЗАХ.....	11
<i>Бардухинова У.В., Ксенофонтова Х.М.</i> АНАЛИЗ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ МЕТАФОР В НЕФТЕГАЗОВОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ.....	13
<i>Бекетова Е.Н.</i> РАЗВИТИЕ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПЕДАГОГОВ ...	15
<i>Булюбаш А.Ю., Четверикова О.В.</i> СЕМАНТИЧЕСКОЕ РАЗВЕРТЫВАНИЕ ЛЕКСЕМЫ «БЕЛЫЙ» В ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ ИВАНА БУНИНА	17
<i>Буцаева А.Н., Моор М.В.</i> БЛЮДА НАЦИОНАЛЬНОЙ КУХНИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ....	22
<i>Веденяпина Э.А.</i> К ВОПРОСУ О ПАРАДОКСАЛЬНОСТИ ТВОРЧЕСТВА А.С. ПУШКИНА	24
<i>Величко А.А.</i> КОНФЛИКТОГЕНЫ КАК ЯЗЫКОВАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ И ОБЩЕЙ КАРТИНЫ МИРА В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ	32
<i>Волошина Т.Г., Гурьева И.А.</i> КОСВЕННЫЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ.....	38
<i>Волошина Т.Г., Гурьева И.А.</i> ПРИНЦИП ВЕЖЛИВОСТИ В КОСВЕННЫХ РЕЧЕВЫХ АКТАХ.....	40
<i>Годзевич В.А., Сураева Т.А.</i> АЛМАЗ КАК ИЗОБРАЗИТЕЛЬНО-ВЫРАЗИТЕЛЬНОЕ СРЕДСТВО В СТИХОТВОРЕНИЯХ РУССКИХ И ЯКУТСКИХ ПОЭТОВ.....	42
<i>Идразова Э.С-А.</i> НАЗВАНИЯ МЕР ИЗМЕРЕНИЯ, ВСТРЕЧАЮЩИЕСЯ В ЧЕЧЕНСКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ	44
<i>Идразова Э.С-А.</i> ТЕМАТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ЛЕКСИКИ ЧЕЧЕНСКИХ СКАЗОК.....	46
<i>Казанцева Е.А.</i> ВЛИЯНИЕ ЭМОЦИОГЕННОГО ПОТЕНЦИАЛА ТЕКСТА НА КОГНИТИВНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АДРЕСАТА.....	48
<i>Камышинская А.Е., Федорова И.А., Сахарова О.С.</i> ПРИРОДА ЗЕВГМЫ. ЕЕ ПОЯВЛЕНИЕ И УПОТРЕБЛЕНИЕ В РЕЧИ	52

Караева А.А. ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ЯЗЫК ЮРИСПРУДЕНЦИИ	54
Кирюхина Л.В. КИТАЙСКАЯ НАУКА О ЯЗЫКЕ В КОНЦЕ XIX ВЕКА	57
Кожоева Г.Ж. ПОВТОР И ПЛЕОНАЗМ В КИТАЙСКО-КИРГИЗСКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ СООТВЕТСТВИЯХ	60
Кожоева Г.Ж. РЕДУПЛИКАЦИЯ В ДУНГАНСКОМ ГОВОРЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА.....	64
Кравец Е.Е. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МАТЕРИАЛЬНЫХ И НЕМАТЕРИАЛЬНЫХ ФОРМ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ УЧЕБНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕМ ВУЗА НА ЗАНЯТИЯХ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА	66
Ли Ян ОСОБЕННОСТИ МЕТАФОР В ЭКОНОМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	71
Ли Ян СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕТАФОР ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЫ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ.....	74
Ни О.П. ОПТИМИЗАЦИЯ РАБОТЫ НАД СЕМАНТИЗАЦИЕЙ ЛЕКСИКИ В УСЛОВИЯХ БИЛИНГВАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ.....	79
Поликарпова О.Н. СООТНОШЕНИЕ ПРОПОЗИЦИИ И РЕФЕРЕНТНОЙ СИТУАЦИИ В ВЫСКАЗЫВАНИИ.....	82
Семенова Т.В. ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И МАНИФЕСТАЦИИ ИНДИВИДУАЛЬНО- АВТОРСКОЙ КАРТИНЫ МИРА	85
Семёнова И.П. ОБ ИМЕНОВАНИИ ВОЛКА В ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ	89
Сердийчук Л.П. ФАКТОР ПРАГМАТИЧЕСКОЙ ПОТРЕБНОСТИ В АВТОРСКОМ ДИСКУРСЕ ТВОРЧЕСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ	91
Стародубцева З.Г. ОБ ОДНОМ ОРИГИНАЛЬНОМ ПОДХОДЕ К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА.....	95
Судакова Я.Г. МОТИВ ОДИНОЧЕСТВА И СРЕДСТВА ЕГО ВЕРБАЛЬНОЙ МАНИФЕСТАЦИИ В ЛИРИКЕ ВЕРОНИКИ ТУШНОВОЙ	98
Суркеева В.Б. ОБ УРОВНЯХ ТЕКСТОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	102
Суркеева В.Б., Эшманова С.К. ТЕОРИЯ ТЕКСТА И ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ	106
Таджибоев Ш.Г. ПРИНЦИПЫ СОЗДАНИЯ ЭПИТЕТОВ В «ШАХНАМЕ» ФИРДОУСИ	108

Тилляходжаева М.Н. ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ГЛАГОЛОВ И ИХ КОММЕНТИРОВАНИЕ В «НЕПОЛНОМ ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ» С. АЙНИ.....	110
Ткачева Ю.Г. ЯВЛЕНИЕ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В ПЕРЕВОДЕ	113
Тотиева А.Н. ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ РОМАНА-ЭССЕ АНАТОЛИЯ ДЗАНТИЕВА «НЕБЕСНЫЕ ШАХМАТЫ»	117
Фасоля В.В. КОНЦЕПТ «BEAUTY» В РОМАНЕ ОСКАРА УАЙЛЬДА «ПОРТРЕТ ДОРИАНА ГРЕЯ».....	120
Федорова А.В. ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ФУНКЦИИ МОТИВА ВОСКРЕСЕНИЯ В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»	123
Федорова О.О. ЖАНРОВО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МАЛОЙ ПРОЗЫ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО	125
Фортуна Н.А., Четверикова О.В. СРЕДСТВА ЯЗЫКОВОГО ОЗНАЧИВАНИЯ МОТИВА «ПАМЯТЬ» В ПОВЕСТИ С.Т. АКСАКОВА «ДЕТСКИЕ ГОДЫ БАГРОВА-ВНУКА».....	128
Хакимова Ш.И. ЛЕКСИЧЕСКИЕ СИНОНИМЫ И ИХ ПРИМЕНЕНИЕ В ПОЭЗИИ ЛОИКА ШЕРАЛИ ...	131
Чуб А.С. СТРУКТУРНО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АНГЛИЙСКИХ ВОЕННЫХ ТЕРМИНОВ.....	134
Шохина Е.В. МОТИВЫ МОЛОДОСТИ И ВОЗРОЖДЕНИЯ В ВЕСЕННИХ ТЕКСТАХ РУССКОЙ ПОЭЗИИ НАЧАЛА XIX ВЕКА	138

СЕКЦИЯ «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ О РОЛИ ГОГОЛЯ
В САМОСОЗНАНИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ*Акопова Ю.А.*

доцент кафедры журналистики, канд. филол. наук, доцент,
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
Россия, г. Ростов-на-Дону

В статье поднимается проблема роли русских писателей, в частности, Н. Гоголя, в развитии самосознания русской культуры. Автором анализируется оригинальный взгляд Андрея Белого на роль личности и творчества Гоголя в возникновении глубинного рефлексивного начала русской литературы. С «кризисного» «жизнетворчества» Гоголя в русской культуре начинается интенсивный поиск пути духовного совершенствования личности.

Ключевые слова: самосознание русской культуры, феноменология культуры, самосознание личности, антропософия, стиль, художественная концепция, реализм, кризис культуры, жизнетворчество.

«Живой» диалог Белого с русской классикой – замечательный повод поговорить о едином пространстве культуры, все составляющие которого – необходимые звенья в истории развития человеческого самосознания.

В отличие от радикально настроенных авангардистов, пытавшихся «бросить» классиков с «Парохода современности» [9], Белый всем творчеством и литературно-критическими рефлексиями подчеркивает свою укорененность в русской классической литературе, демонстрирует свое «сыновство» [1, с. 16-20].

Проблема «Гоголь и Андрей Белый» одна из самых обсуждаемых в беловедении. Если смотреть на эту проблему изолированно, вне контекста всего творчества Белого и своеобразия его личности, то возникает ощущение, что Белый был одержим Гоголем. На этом акцентирует внимание В. Паперный, когда говорит о «комплексе Гоголя» в художественной системе Андрея Белого, повлиявшем на особенности «самосознания художественного видения, поэтики, стиля» [8, с. 113].

В работе И. Делекторской делается вывод о том, что в жизнетворчестве Белого «гоголевский сюжет» играл колоссальную роль, хотя «сложная, разветвленная «игра в Гоголя», как замечает автор статьи, в основном была рассчитана на закрепление в сознании читателей мысли о том, что Белый – главный творческий наследник Гоголя [7].

Однако столь вдохновенно Белый «играл» не только в Гоголя: Белый – «практик», занимаясь «гимнастикой упражнений духа» [6, с. 194], «играл» и в Ницше, вживаясь в идеи философа на глубинном, стилистическом уровне (симфония «Возврат»).

Белый «всерьез» «играл» в Рудольфа Штайнера, в буквальном смысле практически пытаюсь реализовать его идеи в собственном «жизнетворчестве» [2]. Белый «играл» в Гераклита, Канта, Шопенгауэра, Риккерта, Достоевского, Ибсена... «Включаясь» в самосознание деятелей культуры различных эпох и народов, Белый тем самым бесконечно «расширял» свое собственное самосознание. Вселенский диалогизм Белого мотивирован священным заданием: поиском пути духовного вознесения личности, открытию в глубине личного – «сверхличного».

«Что есть линия человеческого развития?» – спрашивает в одной из статей Белый и отвечает: «Вечная смена мгновений и жизнь во мгновении» [4, с. 22]. Жизнь есть существование (пребывание в миге сознания, из этих же «мигов» складывается цепь времен – вот исходный постулат философских построений Белого. Человек же лишь едет на времени, принимая в разные мгновения своей жизни ту или иную «форму»; совокупность этих «форм» и есть условная форма его существования. По Белому ничто не исчезает бесследно, история есть «система возвратов», память – и человека, и человечества в целом, истоки которой таятся в глубинах подсознания. И Белый отчаянно, испытывая благоговейный ужас, окунается в проблемы, художественные образы, концепции и нравственные системы, созданные до него; они для него – пророчества о сегодняшнем, о его времени, об эпохе рубежа веков.

Какую роль, по мнению Белого, сыграла личность Гоголя в самосознании русской культуры?

Родовая черта русской классики, по Белому, – устремленность к проповедничеству. Суть «проповеди», – «сплошной призыв к преобразению жизни» [6, с. 351].

Этап русского реализма в феноменологии культуры Белого отразил острейший кризис перехода к высшему – духовному – состоянию человечества. Русские «титаны реализма» – Гоголь, Достоевский, Толстой – каждый по-своему, запечатлели кризис сознания, длящийся по сей день.

Ракурс прочтения Белым творчества трех русских классиков в трактате «История становления самосознающей души» (1926) – антропософский по своей сути [3, с.449], – задается общей логикой развития человеческого самосознания: от тела – к душе – к духу. Путь развития реализма – это «крестный путь души самосознающей... для восстания ее в духе» [3, с. 257].

Диалог Белого с Гоголем, «самой утонченной душой XIX столетия» [6, с. 371], открыл Белому трагедию русского мироощущения, осознание которой, по Белому, началось именно с Гоголя. Почему не с Пушкина? Ответ на это вопрос дается Белым в книге «Мастерство Гоголя» (1934). Белый подчеркивает «гармоническое равновесие» Пушкина, «замкнутость», «статуарность» его произведений [5, с. 8]. «Производственный процесс» Гоголя совершенно особого рода: Гоголь «размыкает» «круг бытия одного произведения» в другие, в саму жизнь, в творческое сознание других художников [5, с. 320].

Трагедия самосознания личности, воплощенная в «жизнетворчестве» Гоголя многократно отразится затем в творчестве самого Белого, Достоевского,

Булгакова... Именно Гоголь, по мысли Белого, первым взглянул на мир под особым углом: «На мир реала до Гоголя литература вполне не глядела; но в нем закосилась впервые она; этот скос мировой и классический, – скос в первый раз, – неповторимый, ужаснейший – выявлен в Гоголе» [3, с. 261]. Гоголь первым «оторвался» от действительности и ужаснулся увиденному.

Опыт Гоголя не искусственно сконструированный, умозрительный, а «вывернутый» из его собственной души опыт «болезненного» мироощущения человека в «астрале». В Гоголе, замечает Белый, в первом «выкристаллизовалось» сознание, что «Я» не есть тело, что даже оно не душа», что путь «конкретного тела» в «царство духа» отрезан, что «невозможно духовным сознанием укорениться в остывшей и мертвой душе» [3, с. 257].

Опыт Гоголя – живой символ грядущей «борьбы роковой». В этом, по мнению Белого, великая «правда» гоголевского реализма.

Однако трагический опыт Гоголя открывает и его «неправду»: неправда его – «перепуги сознания» на труднейшем пути «ковки духовности», в гипертрофии всех «страхов» и «ужасов» [3, с. 261]. Гоголь вышел за пределы своего «Я», но вместо того, чтобы соединить эмпирическое «я», пребывающее в ужасе от созерцания «шпонек и редек», с «я» мировым, космическим, Гоголь, как замечает Белый, разорвал связь между обоими «я». Отсюда двойственность восприятия Белым Гоголя: «песню» Гоголя он называет одновременно «родной» и «страшной».

Таким образом, именно с «кризисного» гоголевского творчества, по мнению Белого, начинается глубинная рефлексия русской культуры, ее духовное восстание. К гению Гоголя, «провидцу будущего и прошлого» [6, с. 365], нужно идти, долго и трудно, для того, чтобы выполнить главное «задание» русского реализма: преодолеть кризис сознания и найти путь к духовному возрождению личности.

Список литературы

1. Аكوпова Ю.А. Андрей Белый и Лев Толстой // Филологический вестник Ростовского государственного университета. 2006, №1. С. 16-20.
2. Белый А. Воспоминания о Штейнере. [Электронный ресурс]: URL: <http://bdn-steiner.ru/modules.php?name=Books&go=page&pid=220> (дата обращения: 24.02.2017).
3. Белый А. Душа самосознающая / Составление и статья Э.И. Чистяковой. М.: Канон+, 1999. 560с.
4. Белый А. Линия, круг, спираль символизма // Труды и дни. 1912. № 4-5. С. 13-22. [Электронный ресурс]: URL: http://www.v-ivanov.it/issledovaniya_i_materialy/trudy_i_dni/ (дата обращения: 25.02.2017).
5. Белый А. Мастерство Гоголя: Исследование / Предисл. Л. Каменева. М.; Л.: Гос. изд-во художеств. лит-ры, 1934. XVI, 324 с. С.8. <http://feb-web.ru/feb/gogol/critics/mgb/mgb-001-.htm> (дата обращения: 0.02.2017)
6. Белый А. Символизм как миропонимание / Сост., вступ. и прим. Л.А. Сугай. М.: Республика, 1994. 528 с.
7. Делекторская И. «Гоголевский сюжет» в житнетворчестве Андрея Белого: (к проблеме реконструкции) // Toronto Slavic Quartely. № 33. University of Toronto. Academic J. in Slavic Studies. [Электронный ресурс]: URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/31/delektorskaya31.shtml> (дата обращения: 25.02.2017).

8. Паперный В.М. Андрей Белый и Гоголь. Статья первая // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. Единство и изменчивость историко-литературного процесса. Ученые Записки Тартусского Университета. Тарту, 1982. Вып. 604.

9. Пощечина общественному вкусу//Энциклопедия футуризма [Электронный ресурс]: URL: <http://www.futurism.ru/a-z/manifest/slap.htm> (дата обращения: 20.02.2017).

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА В ТЕКСТАХ СОВРЕМЕННОЙ ПЕРИОДИКИ

Аллахверанова Т.Ф.

высшая школа социально-гуманитарных наук и международной коммуникации,
Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова,
Россия, г. Архангельск

В статье рассмотрена проблема анализа семантических моделей публицистических метафор и особенностей их употребления в текстах современной периодики.

Ключевые слова: СМИ, язык, тропы, метафора, семантическая модель, общественное мнение, анализ.

Актуальность работы заключается в значимой роли газетных СМИ в современном обществе. Язык СМИ активно исследуется лингвистами (В. Н. Базылев, А. Н. Баранов, Н. А. Безменова, О. И. Воробьева, О. П. Ермакова, Е. А. Земская и др.). Под данной разновидностью языка понимается особая подсистема национального языка, предназначенная для пропаганды тех или иных идей, воздействия на публику и выработки определённого общественного мнения [1].

Цель работы – анализ семантических моделей публицистических метафор, а также особенностей их употребления в текстах современной периодики по результатам изучения лингвистической литературы и частичной выборки текстовых фрагментов, содержащих метафоры, из публицистических текстов.

Объект исследования – тексты современной периодики 2010-2016 годов, содержащие метафоры, а предмет – публицистические метафоры, их семантические модели и особенности употребления в текстах СМИ.

В связи с поставленной целью были определены следующие задачи:

1. Изучить лингвистическую литературу по теме исследования.
2. Сделать частичную выборку публицистических метафор из отдельных номеров региональных и центральных газет за 2010-2016 гг.
3. Рассмотреть понятие метафоры, основания классификации метафор в современной лингвистике.
4. Выявить семантические модели публицистических метафор и особенности их употребления в текстах современной периодики.

Источниками материала для исследования являются отдельные номера центральных и областных газет (Комсомольская правда, Аргументы и факты,

Экспресс газета, Жизнь, Собеседник, Поморская вечерка, Российская газета и др.), а также официальные сайты газет: arh.mk.ru, aif.ru, rg.ru, eg.ru. Всего в результате выборки было отобрано 87 текстовых фрагментов, как правило, это тексты социально-политической и финансово – экономической тематики.

В работе используются следующие лингвистические методы: частичная выборка текстовых фрагментов, контекстуальный анализ, анализ семантических моделей метафор и степени их узуальности.

Теперь непосредственно перейдём к понятию метафоры. Метафора – "троп или фигура речи, употребление слова, обозначающего некоторый класс объектов, явлений, действий или признаков, для характеристики или номинации другого, сходным с данным класса объектов или индивида, а в широком значении данный троп считается любым видом использования слов в переносном значении" [6]. Система параметров классификации метафорических наименований определяется следующими обстоятельствами: своеобразием планов содержания и выражения, сильной зависимостью от контекста, функциональной спецификой метафорического знака [3].

В семантической классификации различаются анималистическая, антропоморфная, пространственная и ключевая метафоры. Например, метафора «револьверный лай» относится к анималистической, потому что в данном случае звуки выстрелов уподоблены собачьему лаю. Выражение "низкая температура" относится к пространственной метафоре, так как здесь проводится аналогия с измерением пространства, а метафоры огня, воды ("волны информации", "потоки беженцев") относятся к ключевым, потому что принадлежат к отдельным тематическим зонам [4]. Существуют многообразные характеристики различных вариантов классификации метафор, например, в работах В.П. Москвина, А.П. Чудинова [3, 5]. В анализе семантических моделей публицистических метафор главным принципом выступает общепринятое деление этих тропов на внешние и внутренние. Анализ семантических моделей метафор показал, что среди публицистических текстов доминируют внутренние метафоры (83 из 87). В текстах социально-политической и экономической проблематики практически отсутствуют внешние метафоры (сходство по форме, цвету, расположению частей и др.) [2]. Наиболее продуктивным основанием переносов являются перенос с конкретных физических явлений на социально-политические, экономические отношения (50 метафор из 87).

В результате частичной выборки можно привести примеры продуктивных семантических моделей внутренних метафор: метафорические переносы со сферы медицины (названия болезней, диагнозов и др.) на социально-политические и экономические отношения, например: Все без исключения социологические службы указывают на деградацию морального облика россиян (АиФ. 2007. № 46). Также был отмечен перенос с мира животных на мир человека: Мне кажется, что огромное количество людей, с которыми Путин общается ежедневно, они все являются ястребами, и на их фоне Путин, действительно, голубь (Независимая газета. 26.10. 2015). Ср.: Однако госсек-

ретарь США традиционно подаёт голубиные сигналы планете, как подобает министру иностранных дел, в то время как министр обороны и президент подают жёсткие, ястребиные сигналы (Известия. 05.02.2016). В результате исследования было выявлено перенос с конкретных физических явлений на социально-политические, экономические отношения: 1. Не стоит убаюкивать себя словами об инертности и пассивности народа (АиФ. 09.02.2011. № 6).

Таким образом, анализ семантических моделей публицистических метафор в текстах современных СМИ показал, что среди них преобладают тропы, в основании переноса которых лежит сходство по внутренним качествам. Тематическими сферами – «донорами» для образной характеристики явлений современной социально-политической и экономической ситуации в стране, в международных отношениях являются «Медицина», «Строительство», «Мир животных», «Конкретные физические предметы, признаки, действия». Внутренние метафоры в текстах современной периодики, обладая высокой степенью экспрессивности, воздействуя на эмоции читателей, играют огромную роль в формировании общественного мнения.

Список литературы

1. Баранов А.Н. Парламентские дебаты: традиции и новации / А.Н. Баранов, Е.Г. Казакевич. М.: Знание, 1991.
2. Котцова Е.Е. Лексическая семантика в системно – тематическом аспекте / Е.Е. Котцова. – Архангельск: Помор. гос. ун-т, 2002. – С. 58-60.
3. Москвин В.П. Русская метафора: Очерк семиотической теории. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: ЛЕНАНД, 2006. – 113 с.
4. Москвин В.П. Русская метафора: параметры классификации. Научные доклады высшей школы: Филологические науки. – 2000. – № 2. – С. 66-74.
5. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале. Русская речь. – 2002. – № 1.
6. Ярцева В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. – 296 с.

ОБУЧЕНИЕ МОНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РКИ В ГУМАНИТАРНЫХ ВУЗАХ

Андреева А.В.

магистрант 2 курса, институт иностранных языков,
Московский педагогический государственный университет,
Россия, г. Москва

В данной статье предпринимается попытка анализа основных методических принципов, используемых при развитии умений монологической речи на занятиях по русскому языку как иностранному, приводятся необходимые для достижения учащимися цели, выделяются этапы обучения, обуславливается использование визуальных и аудитивных опор.

Ключевые слова: русский как иностранный, монологическое высказывание, этапы обучения, опоры обучения.

Занятия по русскому языку как иностранному в гуманитарном вузе направлены на формирование у студента коммуникативных умений и навыков, позволяющих активно реализовывать себя в учебном процессе и успешно овладевать специальностью.

В аспекте обучения устной форме продуктивной речевой деятельности иностранных студентов конечным продуктом является монологическое высказывание, процесс порождения которого сопряжен с целым рядом трудностей, обусловленных содержанием высказывания, его языковым оформлением и условиями воспроизведения. По мнению А. Н. Щукина, цели говорения реализуются в процессе достижения учащимися следующих задач:

- быстро и правильно ориентироваться в условиях общения;
- последовательно и логично выстраивать высказывание в соответствии с коммуникативной интенцией;
- находить грамматически и стилистически правильные языковые средства для передачи семантики высказывания;
- аргументировать собственные мысли;
- выразить свое отношение к предмету обсуждения [3, с. 278].

Таким образом, в основе вышеперечисленных умений лежат произносительные, лексические и грамматические навыки. Показателями сформированности этих навыков служат количественные и качественные параметры речи. Количественными параметрами речи следует считать темп речи и объем высказывания. К качественным показателям относится ситуативная обусловленность, логичность, экспрессивность, морфо-синтаксическая грамотность.

Монологическое высказывание, получаемое в результате самостоятельного решения учащимся коммуникативной задачи, представляет собой логическую последовательность предложений, которые связаны при помощи специальных языковых средств. Объем так называемых монологических текстов на начальном этапе обучения составляет 6-7 фраз и возрастает на последующих этапах до 15 фраз.

В методике преподавания РКИ процесс обучения монологическому высказыванию традиционно выстраивается на основе сверхфразового единства и дифференцируется на три этапа.

На первом этапе вырабатывается умение высказать одну законченную мысль, ответ на вопрос или описание по теме на уровне одной фразы.

На втором этапе повышенное внимание уделяется логической связанности фраз, а также их разноплановой грамматической структуре, использованию синонимов, фразеологических оборотов, эпитетов, метафор.

Третий этап характеризуется усложнением коммуникативных задач, углублением тем и обязательным увеличением объема высказывания. Здесь от учащегося требуется включение элементов рассуждения и приведение аргументов.

Для обучения монологическому высказыванию на уровне сверхфразового единства также можно использовать подготовительные упражнения, ко-

торые способствуют развитию логического мышления, формированию навыков и умений логического структурирования речи. Например, попросить учащихся составить сложноподчиненные предложения из простых, самостоятельно закончить высказывания, объяснить причинно-следственную связь, придумать потенциальные варианты развития ситуации.

Кроме того, в обучении РКИ в гуманитарных вузах широко используются различные виды опор. Они призваны опосредованно способствовать порождению речевого высказывания путем зрительной или аудитивной актуализации ассоциативных связей с жизненным и речевым опытом учащихся. За счет опор возможно смысловое или содержательное управление высказыванием, таким образом, оно перестает быть творческим продуктом индивидуального ментального содержания. При этом также возможно проявление культурно обусловленной реакции с последующим включением в высказывание. Поэтому необходимо соблюдать методический принцип: чем конкретнее тема высказывания, тем меньшее количество опор предоставляется для его порождения.

На основании проведенного анализа становится возможным сделать вывод о важности правильной организации обучения монологической речи, необходимости соблюдения последовательности методических действий, учета психологических особенностей и культурной принадлежности учащихся для адаптации учебных занятий по РКИ, оптимизации используемого материала и в результате этого – мотивационного роста и проявления когнитивной активности студентов.

Список литературы

1. Васильева Г. М. Русский язык как иностранный. Методика обучения русскому языку : учеб. пособие для высш. учеб. заведений; под ред. И.П. Лысаковой. М.: ВЛАДОС, 2004. 270 с.
2. Китайгородская Г. А. Методика интенсивного обучения иностранным языкам. М.: Издательство Московского университета, 1986. 175 с.
3. Щукин А.Н. Методика обучения речевому общению на иностранном языке. М.: ИКАР, 2011. 454 с.

АНАЛИЗ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ МЕТАФОР В НЕФТЕГАЗОВОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Бардухинова У.В.

студентка 2 курса, Мирнинский региональный технический колледж,
Россия, г. Мирный

Ксенофонтова Х.М.

преподаватель иностранного языка,
Мирнинский региональный технический колледж, Россия, г. Мирный

Перевод технических текстов является важной частью программы по иностранному языку в любом техническом учебном заведении наряду с приобретением коммуникатив-

ных навыков по специальности. На перевод отдельных языковых единиц обращается особое внимание. Поскольку метафора является часто употребляемым стилистическим средством в любом тексте, в том числе и научном, у студентов возникают определенные трудности при их переводе, поскольку метафоры нельзя переводить дословно, т. к. буквальный перевод метафор часто бывает неверно понят.

Ключевые слова: метафора, нефтегазовая и экономическая терминология.

Предметом исследования является семантика языковых единиц, обладающих метафоричным значением в современном английском языке. Объектом исследования являются метафорические термины нефтегазовых и экономических специальностей, взятые из различных печатных изданий на английском языке последних лет методом сплошной выборки.

Целью исследования является анализ метафор в нефтегазовой и экономической терминологии.

В ходе исследования нами найдено 474 метафор из различных источников: пособий по английскому языку, интернет – ресурсов и большого англо-русского словаря нефтегазовых и экономических терминов из АВВYLINGVO. Все метафоры разделили на тематические категории, основываясь на формальных признаках метафоры. В нашей работе метафоры анализируются в свете теории концептуальной метафоры, предложенной Лакоффом и Джонсоном, то есть в анализе области источника и области цели, между которыми происходит метафорическая проекция.

Рассмотренный материал позволил обнаружить, что концептуальная метафора в английских нефтегазовых и экономических текстах часто становится фактором, обеспечивающим связность, целостность и выразительность научных текстов. Красивая метафора не просто концептуализирует реальность – она делает текст красивым, выразительным и запоминающимся.

На основании данного лингвистического анализа мы создали абсолютно новый ресурс, аналогов которого больше нигде нет – Электронный двуязычный словарь метафор в нефтегазовой и экономической терминологии. Данный словарь может быть использован для перевода научных текстов студентами нефтегазовых и экономических специальностей.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Языковая метафора (Синтаксис и лексика). – // лингвистическая поэтика: Сборник научных статей. – М., 1979. – 140 с.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов [Текст] / О. С. Ахманова. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 310 с.
3. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю. М., 1991. – 216 с.
4. БЭС – Большой энциклопедический словарь. Под ред. В. Н. Ярцева. СПб: Норинт, 1999. – 1456 с.
5. Васильева Э.В. Метафорическая мотивация в свете языковой картины мира // Актуальные проблемы дериватологии, мотивологии, лексикографии. Томск, 1998. С. 111-113.
6. Вендина Т.И. Словообразование как способ дискретизации универсума // Вопросы языкознания. 1999. № 2. С. 27-49.

7. Вершинина Т.С. Метафора в политическом дискурсе: традиции и новаторство // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. Т.6. Екатеринбург, 2001.

8. Гринев-Гриневиц С.В. Терминоведение :учеб.пособие для студ. высш. учеб. Заведений/ С.В Гринев-Гриневиц. – М.: Издательский центр «Академия», 2008.

9. Демьянков В. З. Когнитивизм, когниция, язык и лингвистическая теория [Текст] / В. З. Демьянков. – М.: 1992. – 186 с.

РАЗВИТИЕ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПЕДАГОГОВ

Бекетова Е.Н.

магистрант 2 курса, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Архангельск

В статье выполнен анализ понятия терминологической культуры, рассмотрена его структура, ведущие основы развития терминологической культуры. Владение терминологией является важным критерием профессиональной культуры преподавателя, в том числе и англоязычного педагога.

Ключевые слова: терминология, терминологическая культура, профессиональная педагогическая терминология, англоязычные педагоги.

Современный этап жизни мирового сообщества характеризуется активным межкультурным взаимодействием, обменом профессиональной информацией, в процессе которого существенную роль играет использование терминологии. Термин представляет собой неотъемлемый компонент научной сферы, выступает средством кодирования профессиональной информации и функционирует в качестве смысловой опоры в понимании профессионального дискурса.

Современные процессы глобализации требуют эффективного профессионального взаимодействия в различных областях знаний, в том числе и в педагогической сфере. Общение с иностранными коллегами приобретает всё большую профессиональную ценность, влияет на стабилизацию и развитие основополагающих, профессиональных качеств педагогов, обеспечивая тем самым, в значительной степени их конкурентоспособность.

В сфере педагогической деятельности владение профессиональной терминологией выступает показателем качества и уровня профессиональной подготовки педагога. Известно, что данная терминология (как русскоязычная, так и иноязычная) многозначна, синонимична, дублируется иноязычными терминами, усложняется и пополняется новыми терминами, характеризуется «размытостью», изменчивостью их значения и трактовки. Иноязычная профессиональная педагогическая терминология более неоднородна, открыта, динамична, «нестрога» по сравнению с русскоязычной терминологией [1, с. 99].

Таким образом, развитие терминологической культуры как важной составляющей профессиональной компетенции, профессиональной культуры

педагогов является крайне важным вопросом в настоящий момент. Использование понятия «терминологическая культура» и его синонима «понятийно-терминологическая культура» в научно-педагогической литературе можно встретить в публикациях таких авторов как В.З. Демьянков, Ж.Е. Ермолаева, К.В. Новохатняя, Т.А. Силич, И. Холявко, О.Н. Шилова.

Традиционно терминологическая культура трактуется как «владение понятийно-терминологическим аппаратом на уровне, позволяющем использовать знания с учетом развитости компетенций аудитории: умение объяснять, используя упрощенные или усложненные определения, не меняя при этом содержательной составляющей, делая таким образом знание доступным любому собеседнику; умение точно и свободно употреблять термины в сфере научного, профессионального и повседневного общения» [2, с. 4].

О.Н. Шилова, используя термин «понятийно-терминологическая культура», относит ее к части информационной культуры педагога и выделяет ряд компонентов, среди которых наиболее значимы: знание и освоение научных понятий, выражаемых и формулируемых терминами [3, с. 148].

Также под терминологической культурой понимают комплекс языковых знаний и речевых навыков специалиста, которые являются основой профессиональной теории и практики [4].

Таким образом, терминологическая культура англоязычного педагога выступает неотъемлемым, значимым аспектом его профессиональной культуры. Она выражается в совокупности интеллектуальных способностей, профессиональных знаний и умений, обеспечивающих не только правильное употребление русскоязычных и иноязычных терминов в сфере научного и профессионального педагогического общения, но и включающих понимание генезиса и динамики развития педагогических терминов, связей терминосистемы педагогики с терминосистемами смежных наук и профессиональных областей.

Развитию терминологической культуры способствует работа моно – и билингвальными словарями, с текстами профессиональной тематики, использование учебных терминологических задач, которые включают, например, задачи на соотнесение термина и его дефиниции, выбор термина из ряда предложенных, выбор и формулировку синонимичных терминов, поиск ложных терминов. Русскоязычные тексты могут служить основой для составления терминологических тестов. Работа с иноязычными профессионально ориентированными текстами требует, как правило, опираться на свой опыт и словари. Здесь могут быть такие задания как составление глоссария текста, ролевые игры на основе иноязычных текстов, перевод и анализ представленной в тексте терминологии.

Список литературы

1. Игна О. Н., Игна Я. Д. Учебные методические задачи для обучения англоязычной терминологии лингводидактики // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2016. Вып. 2 (167). С. 98-101.

2. Ермолаева Ж. Е. О формировании терминологической культуры обучающихся в вузах МЧС России // Интернет-журнал «Технологии техносферной безопасности». 2014. Выпуск № 5 (57). С. 1-6. Режим доступа: <http://ipb.mos.ru/ttb> (дата обращения: 25.02.2017).

3. Шилова О. Н. Информационная культура в профессиональной подготовке современного педагога // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2004. Вып. 9. С. 148-158.

4. Холявко И. Терминологическая культура как ресурс эффективной научно-профессиональной коммуникации // Актуальні проблеми лінгводидактики. 2015. № 1. URL: <http://www.didling.org.ua> (дата обращения: 26.02.2017).

СЕМАНТИЧЕСКОЕ РАЗВЁРТЫВАНИЕ ЛЕКСЕМЫ «БЕЛЫЙ» В ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ ИВАНА БУНИНА

Булюбаи А.Ю.

аспирант кафедры иностранной филологии и методики её преподавания,
Армавирский государственный педагогический университет,
Россия, г. Армавир

Четверикова О.В.

профессор кафедры отечественной филологии и журналистики, д-р филол. наук,
доцент, Армавирский государственный педагогический университет,
Россия, г. Армавир

В статье зрительное восприятие реалий и их образное представление в результатах эстетически направленной деятельности рассматривается как художественная когниция. Доказывается, что моделирование ситуации зрительного восприятия соотносится с эстетическими и коммуникативными установками автора речи, образно воплощёнными в тексте посредством знаков языка.

Ключевые слова: познание, когнитивная ситуация, когнитивные схемы, зрительное восприятие, поэтическая речь, перцептивные предикаты, семантическая структура, ассоциаты, модель.

Зрительное восприятие – основной способ познания мира и пространственной ориентации. Как утверждает П.В. Яньшин, специфика цветовой семантики отражает бытие человека в мире, его контакты с миром и обеспечивает адекватное отражение объективной реальности на различных уровнях репрезентации субъекту образа этой реальности [9, с. 15-16].

Ядерными глаголами, реализующими модус «воспринимать с помощью зрения» являются предикаты *видеть*, *смотреть*, *глядеть*, в которых перцептивное значение является первичным. Отметим, что системность концептуализации форм зрительного восприятия в глагольной лексике базируется на оппозиции семантики состояния (*видеть*) и действия (*смотреть*; *глядеть*). В лирике И. Бунина встречаются такие глаголы зрительного восприятия, как *видеть* (*вижу*), *смотреть*, *глядеть* (*погляди*), *различать*, *следить* (*слежу*), фразеологизм *кинуть взор*, демонстрирующий отношение субъекта восприятия к объекту.

В бунинской поэтическом речи моделирование ситуации зрительного восприятия опирается на определённый когнитивный образ внеязыковой действительности, позволяющий рассматривать языковую модель цвета как явление, связанное с процессами языкового сознания, с познавательной деятельностью личности в целом. Семантическая структура языковой единицы – это воплощение когнитивного образа, который есть и результат познавательной и номинативной деятельности, и средство познания и концептуализации действительности.

Представим в схеме модель когнитивного образа ситуации зрительного восприятия (рис. 1):

Рис. 1. Модель когнитивного образа ситуации зрительного восприятия

Наблюдатель в лирике И. Бунина – человек (лирический герой), реже – субъект, лишённый коммуникативной способности (змея, цветы и др.). Предикативный компонент ситуации зрительного восприятия представлен преимущественно глаголами *видеть*, *увидеть*, *следить*, формами глаголов: *вижу*, *видел*, *увиджу*, *гляжу*, *слежу*: *Видят они* (полевые цветы. – А.Б.) *не теплицы зеркальные,/ А небосклона простор голубой* («Полевые цветы»); *Слежу я в море парус бригантины,/ А в небесах – круги орлов* («Развалины»); *А я глядел на клёны у балкона,/ На вишеник, красневший под бугром...* («Запущение»).

Глагол *видеть* имеет следующие значения: ‘иметь зрение, обладать способностью зрения’; ‘воспринимать зрением’; ‘мысленно представлять, воображать’; ‘сознавать, понимать, чувствовать’; ‘считать, признавать кого-л. чем-л., принимать за кого-л.’ [6, с. 173]. *Смотреть* – ‘устремлять, направлять взгляд куда-л.’, ‘иметь глаза направленными на кого-, что-л.’; ‘глядеть’; ‘осматривать, рассматривать кого-, что-л. с целью ознакомления’; ‘виднеться, выглядывать откуда-л.’; ‘иметь какой-л. вид, выглядеть как-л.’ [6, с. 158-159]. *Глядеть* – ‘устремлять, направлять взгляд, иметь глаза направленными на кого-, что-л. или куда-л.’; ‘смотреть’; ‘пристально, с вниманием смотреть на кого-, что-л.’; ‘осматривать, рассматривать’; ‘быть видимым, виднеться, выглядывать’; ‘иметь какой-л. вид, выглядеть как-л.’ [6, с. 318-319]. Предикаты *смотреть*, *глядеть*, в отличие от глагола *видеть*, предполагают активное действие со стороны субъекта восприятия. И. Бунин отдаёт предпочтение активному типу зрительного восприятия, что свидетельствует о результативно-

сти и динамичности процесса мировосприятия. Частотны у И. Бунина императивы *смотри, погляди, гляди*, которые служат средством воздействия на читателя, побуждая его к действию и инициируя читательские зрительные ассоциации и впечатления: *Гляди смелее в сумрак звёздный – / Предвечный свет таится в нём!* («Из тёмной пропасти ущелья»); *Погляди:/ Уж за ближайшей межою по жнивью / Ничего не видать впереди* («Как печально...»).

Взор бунинского героя чаще всего обращён к небу, что маркирует особенности аксиологической вертикали авторского сознания: *Остановясь на лестнице отвесной,/ Гляжу в окно* («На маяке»); *В бездонном небе лёгким белым краем/ Встаёт, сияет облако... Давно/ Слежу за ним...* («Вечер»).

И.П. Карпов отмечает «картинность» бунинского видения, статичность предмета, что характеризует установку автора на изображение мира через реально воспринимаемые предметы – крыши, волны, листья, цветы, поля, лес, облака, море, горы и т.д.: *Беру большой зубчатый лист с тугим/ Пурпурным стеблем* («Щеглы, их звон...»); *В окно я вижу груды облаков, /Холодных, белоснежных, как зимою* («Отрывок»). Мир природы является для И. Бунина самым важным объектом творческой рефлексии. Видеть для поэта – это не только наблюдать, но и размышлять, анализировать, понимать, знать, вспоминать. Таким образом, ситуация зрительного восприятия и ментальная сфера личности, её мыслительная деятельность связаны и представляют собой «единый когнитивный механизм» [4, с. 71].

Рассмотрим особенности вербализации семантики белого цвета в бунинской лирике. Заметим, что в художественной модели мира ведущая роль отводится эмоционально-оценочной стратегии, которая обуславливает специфику когнитивных схем, пропозиций в ходе текстовой интерпретации того или иного концепта. Когнитивные схемы играют важную роль в выборе лексемы цвета, а её семантическое наполнение определяется когнитивными операциями, «которые выступают связующим звеном функционирования результатов и процессов, индивидуального и коллективного, познания и общения» [5, с. 21]. В процессе речетворчества происходит вербализация ассоциатов к лексемам цвета, так как мотив целенаправленной речевой деятельности (который всегда эмоционально окрашен. – А.Б.) и продуцирование смыслов объективируются в ассоциативных процессах. Такой путь исследования цветообозначений даёт основания для трактовки значения колоратива как инструмента выхода на парадигматическое, синтагматические и смысловое поля текста, которые, как «продукты» перцептивной и когнитивно-аффективной деятельности творческой личности, увязываются индивидом с определённым цветообозначением. Семантическая структура цветообозначения формируется в результате взаимодействия когнитивных, внутрисистемных и экстралингвистических факторов, а все текстовые их реализации опосредованно связаны друг с другом, ибо семантика каждого из них базируется на компонентах прототипической ситуации [7; 8].

Ахроматичные цвета служат в лирике И. Бунина интерпретации концептов ПРИРОДА, СМЕРТЬ. Частотны в его лирике лексемы «белый» (*белые*

березы, белое поле, белый лепесток, белый пар, белый дым, белая мгла, белый день, белый свет, белый мел стены, белая одежда, белая мастерская, белый храм); «млечный» (*млечный свет*); «молочный» (*молочный дым; меловой: меловой городок*); «светлый» (*светлая пора*); «снежный» (*снежная пустыня*); «седой» (*седое небо*); «бледный» (*бледные звезды*); «серебряный» (*серебряная пыль*); «жемчужный»: *жемчужная краса*; «туманный» (*туманный нимб*). Чаще других встречается в поэтической речи И. Бунина перцептив «белый» (166 употреблений).

В словаре семный состав лексемы «белый» представлен так: БЕЛЫЙ – 1) ‘цвета снега, молока, мела’; 2) ‘очень светлый’; 3) ‘ясный, светлый (о времени суток, о свете)’; 4) ‘чистый’ [6, с. 78]. Индоевропейский корень лексемы «белый» (*bha-/bhe-*) имеет значение ‘светить, сиять, блестеть’. Данные словарей дают представление о понятийной составляющей перцептивного концепта. В Словаре символов белый цвет «символизирует собой чистоту, свет, мудрость, добро, высоту духа; он нередко выступает связанным с сферой сакрального, а также считается атрибутом верховной власти. В символической традиции белый цвет соотносится с солнцем и золотом и олицетворяет центр. В то же время такая его разновидность, как «мертвенно-белый» включает в себе негативную оценку, соотносясь со смертью и луной. На Среднем и Дальнем Востоке белый цвет выступает в качестве цвета траура» [1, с. 217]. В Словаре символов представлено образно-метафорическое осмысление лексемы «белый», актуализирована её ценностная составляющая.

Через перцептивный образ автор речи реализует определённую идею, которая обусловлена характером художественной когниции. Так, связывая воедино образ льда, белого цвета, сверкание света маяка, формы глаза, И. Бунин в стихотворении «Норд-остом жгут пылающие зори...» означает мотив гибели рыбаков: *Ледяно-белым, страшным глазом // Маяк сверкает на косе*. Стереотипный перцептивный образ разрушается и создаётся образ индивидуальный, авторский, в объективации которого участвуют окказиональные (*ледяно-белым*) и узуальные перцептивные лексемы (*глазом, сверкает*). Лексема *белый* в предложении «Мнится мне ночью: меж белых берёз /Бродит в туманном сиянье Мороз» указывает на зрительное восприятие реалии и включает в себя сему ‘цвета снега, молока, мела’. В предложении «И белый пар лугов, холодный и душистый, // Как фимиам, плывёт перед зарёй» актуализирована сема ‘очень светлый, прозрачный’. Здесь белый цвет – репрезентант смысла ‘духовное, возвышенное’.

Синтагматические связи цветообозначений особенно важны для анализа: связывая признак и объект, носитель признака уточняет и одно, и другое: *Бывает море белое, молочное, / Весь зримый Апокалипсис, когда / Весь мир одно молчание полночное, / Армады звёзд и мёртвая вода* («Бывает море белое...»); *Звездами вышит парус мой, / высокий, белый и тугой, / Лик богоматери меж них / Сияет, благостен и тих* («Парус»). В условиях контекста перцептивы начинают осознаваться как единицы одного смыслового поля, участвуют в реализации авторского замысла, т.е. проявляют текстообразующие и смыслообразующие функции.

Художественные образы, созданные на основе лексемы «белый», служат у И. Бунина экспликации эвристической перцептивной деятельности автора и формируются на основе когнитивных операций сравнения, уподобления, метафорического осмысления, которые типичны для бунинского процесса познания и вербализации результатов этого познания: *Белеет снега мишстая постель,/ В сугробах стыннут траурные ели.// Ночное небо низко и чёрно, – / Лишь в глубине, где Млечный Путь белеет,/ Сквозит его таинственное дно/ И холодом созвездий пламенеет* («Морозное дыхание метели»). Репрезентируемый в тексте когнитивный образ включает в себя чувственные образы различных модусов: представление о цвете (*белый*), осязательном ощущении (*мишстый, холод*). Перцептивная деталь отражает авторское видение мира как результат когнитивного опыта: *...лунный свет ложится,/ Как льняные белые холсты* («Далеко на севере Капелла»); *Он (ветер. – А.Б.) влажной пылью воздух наполняет/ И снежных чаек носит над волнами* («Отрывок»). Цветобозначение «белый» у И.А. Бунина – компонент антропоморфной метафорической модели: *...и ветер меж берёз/ Уж веет ласково, а белые берёзы/ Роняют тихий дождь своих алмазных слёз...* («Как дымкой даль полей...»). В семантике белого цвета востребовано также значение слабой силы цветовой окраски, например, «бледный»: *А хата бледно-белую была* («Бог»). Белый цвет – цвет высоты, чистоты, святости: *Какая тишина и радость в белом цвете!* («Белый цвет»). Отражим в схеме, как представлены у И. Бунина парадигматические связи лексемы «белый» (рис. 2):

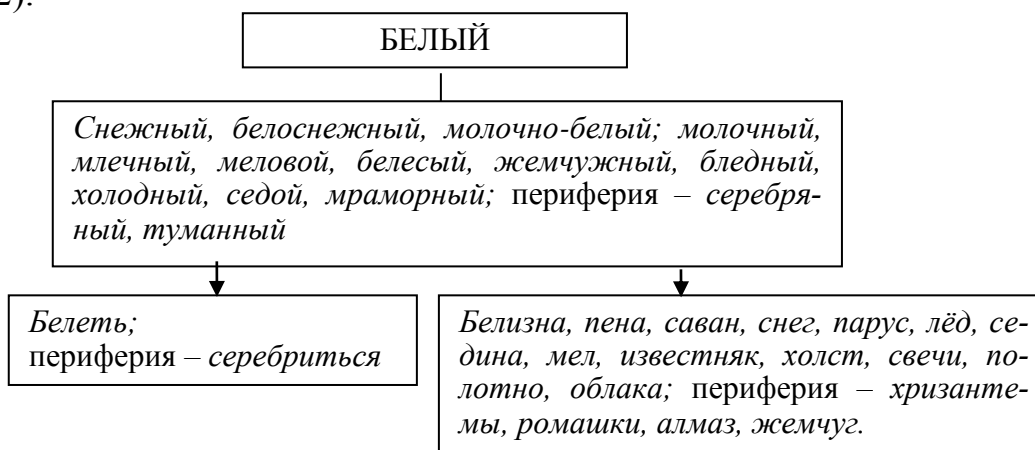

Рис. 2. Парадигматика лексемы «белый» в поэтической речи И.А. Бунина

Таким образом, эстетический принцип перцепции (духовно-нравственные, ценностные ориентации) реализуется в поэзии И.А. Бунина в движении от понятия «прекрасное» к понятию «сущностное» как основы художественной перцепции.

Список литературы

1. Адамчик В.В. Словарь символов и знаков. М.: АСТ; Мн.: Харвест, 2006. 240 с.
2. Бунин И.А. Собр. соч.: в 4 т. Т.1. М.: Изд-во: Правда, 1988.
3. Двизова А.В. Ситуация чувственного восприятия и способы её языковой репрезентации в поэзии Б.Л. Пастернака: дис. канд. филол. наук. Томск, 2014. 399 с.

4. Карпов И.П. Авторология русской литературы (И.А. Бунин, Л.Н. Андреев, А.М. Ремизов): монография. Йошкар-Ола: Изд-во «Марево», 2003. 448 с.
5. Курганова Н.И. Смысловое поле при моделировании значения слова: монография. Мурманск: МГГУ, 2012. 296 с.
6. Словарь русского языка: в 4 т. Т. 1. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1985-1988.
7. Четверикова О.В. Знаки авторства как средства вербальной манифестации смысловой сферы творческой языковой личности: монография. Армавир: РИО АГПА, 2013. 236 с.
8. Четверикова О.В., Булюбаш А.Ю. Средства языкового маркирования перцептивного модуса «слух» в лирике И. Бунина // «Есть некий свет, что тьма не сокрушит...»: мат-лы междунар. научно-практ. конф. (Армавир, 22-23 октября 2015 г.). Армавир: РИО АГПУ, 2015. С. 225- 230.
9. Яньшин П.В. Психосемантический анализ категоризации цвета в структуре сознания субъекта: дис. докт. психол. наук. М., 2001. 389 с.

БЛЮДА НАЦИОНАЛЬНОЙ КУХНИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Буцаева А.Н.

студентка группы ПНиГ 15/9,

Региональный технический колледж в г. Мирном, Россия, г. Мирный

Моор М.В.

преподаватель русского языка и литературы,

Региональный технический колледж в г. Мирном, Россия, г. Мирный

В работе проводится анализ использования темы кулинарии в литературных произведениях XIX века. Читая классику, мы сохраняем духовную культуру, неотъемлемой частью которой является кухня. Талантливые мастера пера оставили для нас на страницах своих произведений много описаний вкусных и полезных блюд. Результатом работы является сборник рецептов некоторых блюд русской национальной кухни и викторина по произведениям русской литературы XIX века для использования на уроках и во внеурочное время в самостоятельной работе студентов. Данное исследование способствует сохранению традиций русской кухни.

Ключевые слова: тема кулинарии, кулинарные предпочтения русских писателей XIX века, описание блюд русской кухни, рецепты старинных русских блюд.

Каждый народ имеет свой особый уклад жизни, обычаи, свои национальные песни, сказки, обряды, танцы. В каждой стране есть свои любимые кушанья, особые традиции в убранстве стола и приготовлении пищи. Есть такие особенности и у русского народа.

Древнерусская кухня появилась задолго до принятия христианства на Руси. Уже тогда выпекали в печи русский каравай из ржаного теста, другие виды русских хлебобулочных и мучных изделий: блины, оладьи, баранки, пышки, пироги. Все эти изделия готовились на основе дрожжевого кислого теста, и это было особенностью всей русской кухни на протяжении долгих веков. Любили на Руси готовить кисели: овсяный, пшеничный, ржаной – бы-

ли не такими, как мы сейчас варим кисель, походили скорее на холодные каши, и появились задолго до известных нам сейчас киселей из ягод. Важное место занимали каши и кашицы, сначала это были обрядовые блюда.

Мясо наши предки употребляли в пищу в разном виде: жареном на костре, варёном, печёном и тушеном, его варили в щах, в кашах. Молоко пили прямо из-под коровы, сырым, а также томили его или проквашивали, делали творог и сметану.

Традиционными приправами в пище наших предков были лук, чеснок, хрен, петрушка, укроп, гвоздика. Другие приправы доставлялись из дальних стран и стоили очень дорого.

Большое влияние на русскую кухню оказало христианство, принятое в 988 году. В православном календаре более 200 дней в году являются постными, когда нельзя употреблять в пищу мясные и молочные продукты, а также ограничено употребление рыбы и масла. Наши предки в период постов умели готовить вкусные блюда из продуктов растительного происхождения – зерна, овощей, грибов, лесных ягод и трав. Капусту, редьку, репу, огурцы, горох готовили и употребляли по отдельности друг от друга, не смешивали, поэтому салатов не было в классической русской кухне.

Сколько описаний вкусных блюд оставили на страницах своих книг для нас известные нам с детства Александр Сергеевич Пушкин, Иван Андреевич Жуковский, Николай Васильевич Гоголь, Иван Александрович Гончаров, Иван Сергеевич Тургенев и многие другие мастера русской литературы.

Попробовав приготовить блюда русской кухни, названия которых повстречались в произведениях литературы, я решила провести опрос среди студентов 1 курса ГАПОУ РС(Я) МРТК. Меня заинтересовал вопрос: знакомы ли моим ровесникам блюда русской кухни? Любят ли они русскую кухню или предпочитают иностранную? Для этого было проведено исследование. Результаты опроса показали, что русская кухня на первом месте, но многие любят суши, роллы, гамбургеры, пиццу и пасту с разными соусами.

Таблица 1

Предпочтения студентов

	Русская кухня	Японская кухня	Европейская кухня	другое
Количество студентов	56%	32%	20%	12%

Таблица 2

Блюда русской кухни, которые студенты готовят чаще всего

	борщ	блины	вареники	пельмени
Количество студентов	53%	30%	22%	15%

Таблица 3

Знание блюд, упоминающихся в произведениях русской литературы

	курник	шаньги	ботвинья	затируха
Количество студентов	44%	32%	24%	10%

Данное исследование было попыткой совместить два увлечения: хорошую литературу и вкусную еду. Гипотеза, выдвинутая нами в начале исследования, подтвердилась: в век прогресса и всеобщей занятости сама жизнь подталкивает к неким стандартам, что многие предпочитают иностранное, в том числе и пищу, забывая не только о традициях исконно русской кухни, но и о своих исторических корнях.

Изучив вопрос о взаимосвязи литературы и кулинарии, можно сделать вывод, что рецепты, а также описание самих трапез и традиций в произведениях художественной литературы, выступают не только материальными свидетелями культуры быта народов, различных социальных групп, но и раскрывают многообразие эстетических представлений людей о красоте окружающего их мира и об их вкусах. Результат моей работы – небольшая книга рецептов некоторых блюд русской национальной кухни.

Список литературы

1. <http://www.poldnika.net/russkay.html>
2. <http://supercook.ru/russian/rus-74.html>
3. <http://dugward.ru/library/cern.html>
4. <http://www.pushkins-poems.com/Yev313.htm>
5. <http://rvb.ru/18vek/derzhavin/>
6. <http://rvb.ru/saltykov-shchedrin>
7. <http://rvb.ru/gogol/>
8. http://lit-helper.com/Sochineniya/Goncharov_I_A/Oblomov

К ВОПРОСУ О ПАРАДОКСАЛЬНОСТИ ТВОРЧЕСТВА А.С. ПУШКИНА

Веденяпина Э.А.

канд. филол. наук. Россия, г. Москва

Если судить о творчестве Пушкина по его собственному определению: «... гений – парадоксов друг», то парадоксальность самого гениального русского поэта является несомненным признаком и неотъемлемой частью его творчества. В чем это заключается и как выражается в стихах и прозе – предмет данного рассуждения.

Ключевые слова: парадокс, конфликт, страсть, чувство, гармония.

*О сколько нам открытий чудных
Готовят просвещенья дух
И опыт, сын ошибок трудных,
И гений, парадоксов друг,
И случай, бог изобретатель...
А.С. Пушкин*

«...Гений, парадоксов друг». Так А.С. Пушкин, в сущности, по нашему мнению, сформулировал суть своего собственного творчества.

На первый взгляд, любой парадокс может показаться приемом занимательности, способом привлечения читателя, что и наблюдаем в остросюжетных произведениях. Парадокс может выглядеть и странностью, контрастом с нормой, с привычным представлением о чем-либо, что может явиться свидетельством появления неких процессов, которые вопиют о себе отмеченной странностью и должны быть раскрыты и поняты, так как могут оказаться симптомами новых явлений, а то и новых перспектив развития личности и общества. В творчестве Пушкина наблюдаем парадоксы разного рода: кроме парадокса как приема повествования, – парадоксы поступков героев, парадоксы характеров. Общее здесь – ломка стереотипов, новый взгляд на то или иное явление.

С парадоксальностью в произведениях Пушкина встречаемся чаще, чем мы, в силу привычки к его текстам, это осознаем. Вспомним хотя бы некоторые названия: «Каменный гость», «Пир во время чумы», «Барышня-крестьянка». Парадоксальность, в той или иной степени, присуща пушкинским произведениям разных жанров. Что касается главного его произведения – романа в стихах «Евгения Онегина», то не на парадоксах ли основан его сюжет. Онегин убивает Ленского на дуэли, не желая того и страдая после нее. Отвергнув признание Татьяны Лариной в девичестве в деревне, он страстно влюбился в нее, замужнюю, в Петербурге. Не парадоксальна ли вариантность судеб Ленского, Ольги? О Ленском сказано: «Поэта, / / Быть может, на ступенях света // Ждала высокая ступень» [гл 6, XXXУ11], но тут же читаем: «А может быть и то: поэт // Обыкновенный ждал удел. // Прошли бы юношества лета: // В нем пыл души бы охладел...» [гл. 6, XXXУ111-XXX1X]. Что касается Ольги, то после призыва ее жениха накануне смерти: «Сердечный друг, желанный друг, // Приди, приди: я твой супруг!..» [гл. 6, XX11] возникает вопрос: на что намекают пропущенные строфы ХУ.ХУ1.ХУ11 – после встречи влюбленных накануне дуэли. При чем тут «супруг», когда свадьбы еще не было? Или были основания для сильного беспокойства ее матери и сестры перед скоропалительным венчанием Ольги с уланом (гл. 7)? Чего стоит одна только характеристика Зарецкого: «Отец семейства холостой» [гл. 6, 1У].

Самыми парадоксальными выглядят произведения из циклов: «Повести Белкина» и «Маленькие трагедии». Так, в «Выстреле» подчеркнута парадоксальны и характер, и поведение Сильвио: «Один только человек принадлежал нашему обществу, не будучи военным... Какая-то таинственность окружала его судьбу; он казался русским, а носил иностранное имя... жил он вместе и бедно и расточительно». В «Метели» парадоксальным выглядит поведение Марьи Гавриловны утром после ночного венчания с незнакомцем. «Но возвратимся к добрым ненарадковским помещикам и посмотрим, что-то у них делается. А ничего». Позже парадоксальными выглядят их отношения с Бурминым. В другой повести парадоксально благополучие дочери стационарного зрителя, о судьбе которой сокрушается отец – в свете картинок на стене на тему притчи о блудном сыне.

Повести из «Белкинского» цикла так просты, неприязнительны, воспринимаются как безыдейные, что Пушкин опасался: «Булгарин заругает» – и потому издал их анонимно, за авторством Белкина. Секрет этих повестей стремились раскрыть многие исследователи, но смысл их становится ясным лишь при сопоставлении с «Маленькими трагедиями», которые создавались в то же время – знаменитой болдинской осенью 1830 года.

Основной парадокс повестей заключается в неожиданно счастливом разрешении конфликтных ситуаций. Сильвио, страдавший непомерным честолюбием, отказался от права застрелить своего счастливого соперника. Герои «Метели» сохранили верность обету венчания в безнадежной ситуации. Очевидно, что благополучный исход тех драматических ситуаций стал возможен благодаря высокой нравственности, скрытой за внешней бравадой, и способности испытывать искренне, глубокое чувство. В основе *чувства* (в отличие от *страсти*) находится желание не владеть, а быть сопричастным судьбе другого человека. Проблема чувства и страсти, может быть, – основная проблема человечества. Разница наглядно видна из сравнения «Повестей Белкина» с «Маленькими трагедиями», парадокс которых совсем иного рода. Он кроется в том, что душой героев трагедий владеет не осознанная ими страсть, которую сами они мотивируют благородно. Барон, герой «Скупого рыцаря», стяжавший несметные богатства путем безжалостного ростовщичества, парадоксально не ощущает несоответствия своего занятия благородному титулу и не сомневается в справедливости своего образа жизни. Барон видит себя не жалким стяжателем, скупцом, а повелителем людей, готовых за деньги на любой поступок вплоть до преступления.

Что не подвластно мне? как некий демон
Отселе править миром я могу;
Лишь захочу ...
Я свистну, и ко мне послушно, робко
Вползет окровавленное злодейство...

Его разоблачает сын Альбер:

О! мой отец не слуг и не друзей
В них видит, а господ; и сам им служит.
И как же служит? как алжирский раб,
Как пес цепной. В нетопленной конуре
Живет, пьет воду, ест сухие корки.

[«Скупой рыцарь», сцена 1].

Парадоксальные ощущения переживает Барон при виде сундуков с сокровищами:

Нас уверяют медики: есть люди,
В убийстве находящие приятность.
Когда я ключ в замок влагаю, то же
Я чувствую, что чувствовать должны

Они, вонзая в жертву нож: приятно
И страшно вместе.

[«Скупой рыцарь», сцена 2].

Если Барон мысленно господствует над всеми людьми, то дон Гуан – над женщинами, а пирующие во время чумы – над смертью: «Есть упоение в бою // И бездны мрачной на краю». Это по сути протестное и самоутверждающее поведение. Влюбленный Дон Гуан не сомневается в своих правах и, не колеблясь, начинает решительно ухаживать за молодой вдовой убитого им Командора, добиваясь абсолютной победы над ним.

Все предрассудки истребя,
Мы почитаем всех нулями,
А единицами – себя.
Мы все глядим в Наполеоны;
Двуногих тварей миллионы
Для нас орудие одно,
Нам чувство дико и смешно.

[«Евгений Онегин», гл. 2, XIУ].

Трагичные исходы событий этих маленьких пьес обусловлены активной позицией безнравственных людей, уверенных в своей правоте. Так убедительно показана губительная сила страсти, изображенная как внутренняя стихия человека, разрушающая и самого носителя этой страсти. Зависть заставляет Сальери убить Моцарта, но вместо чувства удовлетворения им овладевает сомнение в правоте своего поступка, он спрашивает себя: «Но ужель он прав, // И я не гений? Гений и злодейство // Две вещи несовместные». Столь же парадоксально звучат последние слова Барона в пьесе «Скупой рыцарь». После обвинения сыном во лжи Барон восклицает: «Ты мог отцу такое слово молвить!... Я лгу! и перед нашим государем!... Мне, мне.... иль уж не рыцарь я?» – произносит Барон приговор самому себе и, не в силах пережить, может быть, внезапное озарение, понимание того, что его поведение очень далеко от рыцарского, умирает.

Парадоксален конфликт в повести «Дубровский», о котором мы в школе узнаем, что он заключается в обиде бедного дворянина его богатым другом. На самом деле наоборот. Богатый генерал-аншеф в отставке Троекуров любил говорить Дубровскому, что готов отдать свою дочь Машу за его сына Володьку, если в том будет толк. В основе ссоры соседей лежит зависть Дубровского-отца, перешедшая в ненависть после того, как возмущенный Троекуров отнял его имение. Узнав, что Дубровский заболел, Троекуров раскаялся в своем поступке и едет к нему с желанием примириться, едет с угощением и с известием, что он возвращает имение, но был прогнан. Непримирым зачинщиком смертельной ссоры является не богатый, а завистливый бедный.

Парадоксально звучит мнение автора о решении суда в пользу Троекурова, овладевшего имением Дубровского. Имея в виду этот судебный доку-

мент, Пушкин пишет: «Мы помещаем его вполне, полагая, что всякому приятно будет увидеть один из способов, коими на Руси можем мы лишиться имени, на владение коим имеем неоспоримое право».

Еще больше парадоксов находим в романе «Капитанская дочка». Прежде всего, парадоксален образ Пугачева, когда он предстает как воплощение лучших качеств русского национального характера. Если бы Пушкиным сначала был написан роман, а потом – «История Пугачевского бунта», можно было бы понять... Но не так! Сначала Пушкин, объездив места пугачевских сражений, описал все зверства пугачевцев, поименно перечислил всех пострадавших офицеров и их жен в «Истории Пугачевского бунта» – а потом, после всего этого, перед читателем «Капитанской дочки» предстал великодушный, милостивый и благородный, щедрый на жизненно важные подарки Пугачев. За тулупчик, когда-то на постоялом дворе полученный им от Гринева, он простил ему и публичный отказ поцеловать его руку под эшафотом на грани смерти, и не признание его царем, и то, что не обещал не сражаться против него. Пугачев даже не стал настаивать на своем желании сыграть свадьбу Гринева.

Парадоксально и воздействие бунта на жизнь Гринева. Для него и Маши всё произошло по парадоксальному принципу: не было бы счастья, да несчастье помогло. Влюбленному Гриневу отец запретил жениться, чем поверг его в глубокое уныние. «Жизнь моя сделалась мне несносна. Я впал в мрачную задумчивость, которую питали одиночество и бездействие. Любовь моя разгоралась в уединении и час от часу становилась мне тягостнее. Я потерял охоту к чтению и словесности. Дух мой упал. Я боялся или сойти с ума, или удариться в распутство. Неожиданные происшествия, имевшие важное влияние на всю мою жизнь, дали вдруг моей душе сильное и благое потрясение» [гл. 5]. «Сильное и благое потрясение» – это о смертельно опасных происшествиях в ходе крестьянской войны. Пугачев явился несущим смерть и одновременно – для Гринева – спасающим и милующим.

В романе образ Пугачева создан двумя планами. Пугачев-злодей изображен в сценах общего плана: во время осады и захвата Белогорской крепости, во время казни. «Пугачев сидел в креслах на крыльце комендантского дома... Высокая соболья шапка с золотыми кистями была надвинута на его сверкающие глаза» [Гл. 7. «Приступ»]. Он командует: «Унять старую ведьму» – и комендантша падает мертвой. Иным он предстает в сценах крупного плана во время частного общения: «Черты лица его, правильные и довольно приятные, не изъявляли ничего свирепого» [Гл. 8. «Незванный гость»]. Он добр, отзывчив, милосерд и терпелив, он благодарный, снисходительный и справедливый. Он поет песни и рассказывает сказку. Когда Гринева сказал, что едет в Белогорскую крепость избавить сироту, которую там обижают, «Глаза у Пугачева засверкали. «Кто из моих людей смеет обижать сироту? – закричал он. – Будь он семи пядень во лбу, а от суда моего не уйдет. Говори: кто виноватый?» [Гл. 11. «Мятежная слобода»]. Он решает судьбу влюбленных: «Казнить так казнить, жаловать так жаловать: таков мой обычай. Возь-

ми себе свою красавицу; вези ее куда хочешь, и дай вам Бог любовь да совет!» [Гл. 12. «Сирота»]. «Ты видишь, что я не такой еще кровопийца, как говорит обо мне ваша братья» [Гл. 11. «Мятежная слобода»]. И это всё – после его «Истории...»? Метаморфоза Пугачева была очень опасной. Выйти с таким Пугачевым к дворянским читателям было большим риском. Что явилось причиной? Почему крупным планом в романе поданы не казни, а милосердные слова и поступки Пугачева? Милующий Пугачев – не что иное как урок царю, призыв к милосердию: «милость к падшим призывал», по его словам. Память о сосланных, страдающих участников декабрьского восстания, которых когда-то Пушкин вдохновлял, никогда не покидала его.

Как мог так парадоксально измениться взгляд Пушкина на Пугачева? Ответ представляется таким: одно дело – историческая правда и историческая личность в исторических событиях. Другое – герой романа и личность в частной жизни. Парадоксальная разница между персонажем истории и героем романа, парадоксальна и разница в самом романе между поведением Пугачева как вождя повстанцев и как частного человека.

Не было ли в творчестве Пушкина предшествующего опыта? Петр 1 [в поэме «Медный всадник»] жесток как государственный деятель, построивший столицу на болоте, обрекая на гибель бедных жителей, и преследующий того, кто в безумии посмел ему угрожать за это. Петр 1 [в поэме «Полтава»] велик как полководец, в борьбе со шведами защищающий независимость страны. Он великодушен и снисходителен в частной жизни – в повести «Арап Петра Великого». Не так ли и Пугачев различен в разных сферах жизни.

Парадоксальна ситуация финалов двух бунтов: Дубровского и Пугачева. В «Дубровском» намечена проблема вождя и масс в протестном движении, развитая в «Капитанской дочке». Не Дубровский начал борьбу с чиновниками. Он хотел только сжечь дом, испугался, что мог закрыть дверь на ключ и приказные могут пострадать, и послал кузнеца Архипа открыть дверь. Тот ее запер. Все сгорели. Это обстоятельство перевело Дубровского из состояния пострадавшего в положение преступника и вынудило скрыться, соединиться с восставшими крестьянами и поневоле возглавить бунт. Отношения его с крестьянами остались прежними. Теперь он не только барин, но еще и командир. Однако характерно прощание Дубровского с его бывшими крепостными, вот его последнее к ним обращение: «Он собрал всех своих общников, объявил им, что намерен навсегда их оставить, советовал и им переменить образ жизни. – Вы разбогатели под моим начальством, каждый из вас имеет вид, с которым безопасно может пробраться в какую-нибудь отдаленную губернию и там провести остальную жизнь в честных трудах и в изобилии. Но вы все мошенники и, вероятно, не захотите оставить ваше ремесло». Как видим, он не слился с ними, не заискивает, прямо высказывается, не опасаясь, что его слова могут настроить против него и повредить ему. Он расстается с ними вполне благополучно.

Иной финал оказался у Пугачева. Он сознавал свое положение, признаваясь Гриневу: «Самозванец несколько задумался и сказал вполголоса: – ...

Улица моя тесна; воли мне мало. Ребята мои умничают. Они воры. Мне должно держать ухо остро; при первой неудаче они свою шею выкупят моею головою» [Гл. 11. «Мятежная слобода»]. Так и произошло. А ведь то были социально близкие люди. Это парадокс. Он разрешается не на сравнении двух произведений, а на ином уровне, а именно – моделью мира в творчестве Пушкина. Эта модель проста и традиционна, она представляет собой строгую иерархию: Бог – царь – господин (отец, муж, хозяин). Все ниже расположенные – чада вышерасположенных. Крепостные крестьяне относятся к ним как семья. Дубровский был на своем месте и как хозяин, и как командир, а Пугачев как господин возник по своей и еще чьей-то воле, нарушив естественную иерархию, и сам это знает, потому созданная им вертикаль власти неустойчива и легко рушится.

К парадоксальным можно отнести и такие эпизоды, как скачка Медного всадника за Евгением в поэме «Медный всадник» или тайна трех карт, сообщенная Германну умершей графиней в «Пиковой даме». Скакал ли Петр? Понятно – то была игра воображения больного человека. Но ведь названия карт Германн не просто услышал – в повести описано реальное посещение привидения, более того – Германн записал видение, и информация, в сущности, подтвердилась... Драма героя в том, что он «обдернулся».

Гармония творчества Пушкина основана и на том, что каждое его произведение существует не изолированно, а тесной связи с другими, что позволяет сочетать явления, несовместимые в рамках одного произведения.

Природа тоже изображена Пушкиным парадоксально. Он описал две стихии: воздушную (метель, буря) и водную (наводнение). Традиционно для русской природы зимняя непогода бывает смертельно опасной, но у Пушкина она спасительная: метель соединяет Марию Гавриловну с ее будущим мужем, буря соединяет Гринева с Пугачевым, что оказалось залогом спасения молодого офицера. Вода же, необходимая составляющая часть жизни, предстает смертельно разрушительной для героев и «Русалки», и «Медного всадника». Парадоксальны и некоторые авторские признания. Стихи: «Мороз и солнце – день чудесный» так привычны нам, словно мы с ними родились. Он признается, что осень – его любимая пора, хотя ее «бранят обыкновенно». «Так нелюбимое дитя в семье родной // К себе меня влечет» – еще одно признание того же плана. А ведь в этом проявляется натура самого поэта.

Не свойственно ли это качество – парадоксальность – самому Пушкину? Его можно представить как бунтаря и даже революционера, а можно и как православного мыслителя, ищущего путь к Богу. Звучит парадоксально, то есть взаимоисключающе, но всё это легко доказуемо. Революционером он стал при советской власти, а чуть ли не святым – после нее. Революционность его можно и не доказывать, это кажется неотъемлемой его чертой, но ведь в последние годы жизни Пушкин успешно перевел на русский язык знаменитую великопостную молитву Ефрема Сирина «Отцы-пустынники и жены непорочны» и даже старался перевести молитву «Отче наш». Это можно объяснить эволюцией возраста, духовным развитием, да только в самом кон-

це жизни он заявил: «Вознесся выше я главою непокорной Александрийского столпа» (стих. «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»). Очевидно, это убежденность в превосходстве над царем Александром I, которому поэт всю жизнь «подсвистывал», по его собственному выражению. А памятник необычный. Это не традиционная конная скульптура. Столп в центре Петербурга, тогдашней столицы России, венчается Крестом, перед которым склонился Ангел. Выше кого вознес себя поэт своей «непокорной» главой? Выше Креста или выше Ангела? Такой парадокс. И он тем ярче, что последняя строфа этого итогового стихотворения звучит так: «Веленью Божию, о муза, будь послушна». И это не просто завет. Он развернут в характеристику, далее уточнено, в чем проявляется это послушание: «Обиды не страшась, не требуя венца, // Хвалу и клевету приемли равнодушно...» – всё логично, всё в христианском духе. Но вот самый последний завет: «И не оспаривай глупца». Назвать кого-то «глупцом» – грех! Не говоря уже о дуэли, по его настоянию состоявшейся, и о его выстреле, по счастью, не смертельном. Он хотел убить, он старался убить, он считал, что должен убить, и выстрелил. Бог дал ему три дня на покаяние. Покаяние состоялось. Это подтверждается не только свидетельством священника, принимавшего исповедь, но и таким фактом, что место его захоронения – Святогорский монастырь и вся округа тех мест – ныне заповедная зона с чистой природой, чего нельзя сказать, например, об имении Льва Толстого Ясная Поляна, которую разрушили немецкие солдаты в ходе войны, над могилой писателя устроили солдатский нужник, который потом выгребли вместе с прахом писателя ... Экология тех мест не благополучная. Великий Лев не сумел исповедаться перед кончиной.

Парадоксальным выглядит и то, чего нет в творчестве Пушкина. Например, есть образ няни, но нет образов матери, детей. Нет обобщенного образа Родины, в отличие от Лермонтова, Блока, Есенина. Однажды своеобразный образ России возникает в стихотворении «Клеветникам России»:

Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижного Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?..

Парадоксальны поведение его в быту – часто невоздержанное, страстное – и совершенная гармония его произведений. Парадоксальна судьба Пушкина: посмертная слава и поношение его имени в народном быту, выразившееся в распространенном укоризненном вопросе: за тебя Пушкин сделает? Это бытовало в русском разговорном языке до середины XX века, как и рифмованные частушки с его именем непристойного содержания. Позже сошло на нет, как не бывало.

Творчество и жизнь Пушкина поистине едины в своей парадоксальности, которая является свидетельством трагизма жизни.

Говоря словами А. Блока, «по бледным заревам искусства» мы узнаем «жизни гибельной пожар». Трагизм жизни Пушкина еще не осознан и не воспринят как урок духовной борьбы.

Список литературы

1. Бонди С.М. Статьи и исследования. М.: Худ. лит., 1978.
2. Бонди С.М. Драматургия Пушкина. М.: Худ. лит., 1978.
3. Вересаев В. В. Пушкин в жизни. М.: АСТ, 2011.

КОНФЛИКТОГЕНЫ КАК ЯЗЫКОВАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ И ОБЩЕЙ КАРТИНЫ МИРА В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Величко А.А.

доцент кафедры теории и практики перевода, доцент,
Северо-Кавказский федеральный университет, Россия, г. Ставрополь

В статье многокомпонентная модель языкового функционирования в обществе рассматривается как наиболее эффективная в процессе создания гармонизированной коммуникации. В результате анализа приводится классификация конфликтогенов современного Российского общества, получающих реализацию в лингвокультуре и языковой системе.

Ключевые слова: конфликтоген, синтон, лингвокультура, языковое сообщество, психоментальное взаимодействие.

Проблематика лингвокультурологического исследования конфликтогенных образований является базовой в рамках рассмотрения текстопорождения в плане его гармонизации или деструкции, основными концепциями в этом нетривиальном вопросе будут являться «теория диалогического взаимодействия в антропоцентрической парадигме, в контексте изучения психоментального взаимодействия нескольких рефлексивных реальностей в вербальной человеческой деятельности» [1, с. 639]. Таким образом только диалогический подход с пристальным вниманием к различным сторонам языкового конфликта (контркоммуникантам) в рамках порождения и интерпретации синтонного или конфликтогенного начала в деятельности позволяет органично интегрировать разные методологические подходы современной лингвокультурологии, социологии, психологии и теории коммуникации.

Можно разделить конфликтное противостояние на два основных отдела: первый – тот, который определяется социально-экономическими и политическими параметрами, а второй – это ценности и традиции, которые свидетельствуют о том, отсутствует или имеется культура согласия в обществе. Данный второй отдел больше всего относится к собственно процедурным факторам, и он в свою очередь во многих аспектах характеризует ориентацию на совместные или односторонние решения. В таком случае субъективные (в первую очередь социокультурные и социально-психологические) основания конфликтов встроены в структуру объективных (они же экономико-

политические) так сильно, что иногда становится довольно сложно производить их автономное исследование.

Следует принимать к сведению, что самые главные и общие причины конфликтов, возникающих в жизни, могут пребывать в форме конфликтогенных факторов – это своеобразное воспроизведение основных источников любого противостояния (состоятельности, власти, авторитета, совершенства) на определенные условия. В первую очередь речь идет об основных социально-политических факторах (первоначальный набор факторов): политический строй, характеристика политической системы, а также политических отношений в целом оказывают сильное влияние на размер общественного конфликта и напряженности в любой социальной сфере. Распад системы принудительного сдерживания, а также контроля в совокупности с неограниченной свободой выражения мысли и открытого доступа к различным источникам информации – это те факторы, которые в свою очередь принудительно ведут к усугублению социальной ситуации, а также могут стать причиной появления политических конфликтов.

Таким образом, в России люди, которые на протяжении долгого времени накапливают неудовлетворенность отсутствием возможности изменить какой-либо аспект своего положения (система авторитарного управления практически не оставляла ничего для подобных возможностей), внезапно начали чувствовать, что они действительно могут менять ход событий в процессе политических и социальных отношений. При этом недостаточно высокий уровень политической культуры, а также нехватка опыта в борьбе создали некую иллюзию о ротации руководства как основном условии реформ – придет новое руководство и все изменится.

Следующая группа – социально-экономические конфликтогенные факторы, которые могут создать мощные политические противостояния. При этом фактор неравенства в экономике обычно рассматривался как одно из основных предпосылок социальным волнениям, а также политическим потрясениям. Главное обоснование данный фактор получил в классовой теории К. Маркса, которая признана большинством современных исследователей достаточно адекватной историческому контексту XIX в. Отсутствие равенства в распределении средств производства, а также социальных благ и неравенство жизненных шансов на сегодняшний день могут быть рассмотрены как важнейшие, а зачастую неявные причины конфликтов.

Этнокультурные стимуляторы политических конфликтов образуют особую группу конфликтогенных факторов. Речь идет, в первую очередь о неких негативных стереотипах, которые проявляются в отношении представителей иных этносов, а также приписывании им недоброжелательных установок в отношении себя. Данные стереотипы, а также конфликты на их основе, могут порождаться распределением и признанием в рамках построения текстовой реальности, «организация текста содержит «подсказки», направляющие процесс смыслопорождения, к которым относятся образность, возникающая в результате переноса значений, экспрессивность и контекстуальность форм» [1, с. 642].

Еще одной группой конфликтогенов – социальнопсихологических – огромную роль играют психолого-демографические. Отдельные аспекты психосоциального поведения половой принадлежности, возраста могут отражаться на эмотивных основах текстопостроения и интерпретации. Гендерные стереотипы в текстовой реальности проявляют значительные потенции к формированию конфликтной или гармоничной коммуникации, «в функциональном отношении данные образования могут быть приравнены к кодовым элементам, помогающим расшифровать» [1, с. 642] глубинную иллюзию продуцента.

Важным условием зарождения, а также разворачивания политического конфликта выступают ресурсы: деньги, время, знания, информация, связи, общественное положение, наличие силы (военной, моральной и т.д.).

Таким образом, конфликты порождаются множеством различных групп факторов, ни одна из которых не может занимать приоритетное положение. Напротив, эти факторы, определяющие социальную основу и предмет противостояний, проявляются только в сочетании с социально-психологическими факторами. По мнению ряда исследователей, в ближайшие годы в Европе основными будут две группы факторов – экономические, а также культурные, определяющие как предмет будущих конфликтов, так и идентификацию их участников [2, с. 110].

Чтобы более точно передать суть конфликта и его основные отличия от иных смежных факторов, стоит в первую очередь выявить все границы и пределы конфликта, а именно его внешние границы во времени и пространстве. Данные проблемы, не так сильно важны в случаях семейных ссор, перерастающих в более масштабные политические проблемы, а также вопросы на правовой основе, стоит только переключиться на межгосударственные или же межнациональные взаимоотношения, которые включают в себя вопрос территории.

Допускается выделение трёх видов установления пределов конфликта: пространственный, внутрисистемный и временной.

Пространственные пределы конфликтных ситуаций в политике устанавливаются территориальными рамками, в которых выявляется конфликт. Очевидно, что величина данной территории может быть очень разной – начиная с минимального промежутка (такого как городской парк), заканчивая целой планетой. Точное выявление пространственного предела конфликта главным образом значительно в сфере отношений на международном и межэтническом уровне. Всё это весьма сильно связано с проблемами определения участвующих в конфликтной ситуации лиц. В недавно упомянутой истории подобный вопрос неоднократно вставал и встает на сегодняшний день при урегулировании конфликтных ситуаций на межнациональной основе в Приднестровской Молдавской Республике, в Республике Таджикистан, а также во многих Республиках Северного Кавказа. В областях, где следовало ясно устанавливать границы территории конфликтной зоны, чтобы можно было осуществлять превентивные меры.

Внутрисистемное основание образования конфликта и установления его границ связано с тем, что каждая конфликтная ситуация возникает в определенной системе, начиная с группы сослуживцев, заканчивая государством или международным сообществом. Внутрисистемные взаимоотношения могут быть очень сложными и структурированными. Конфликтная ситуация, возникающая между разными сторонами, которая входит в одну систему, может быть глубокой, широкой или индивидуальной, ограниченной. «Восприятие различных системных элементов, которые актуализируются в ткани текста, является объективно необходимым, ведь и продуцент, и реципиент воспринимают и опредмечивают различные элементы текстовой картины мира» [1, с. 641]. Установление внутрисистемных пределов конфликтной ситуации требует определенного выявления конфликтующих сторон из всех участвующих лиц.

Потому как не только борющиеся стороны – участники конфликтной ситуации, участие так же могут принимать и подобные фигуры, как подстрекатели, подручники и организаторы конфликтной ситуации (которые при этом непосредственно не замешаны в ней), а также люди с независимым мнением, советники, приверженцы и противники тех или иных идей, отличающихся в корне, на основе которых построен конфликт. Поэтому можно утверждать, что данные лица и организации, в том числе являются элементами системы. Пределы конфликта, которые являются внутрисистемными необходимо знать, чтобы воздействовать на происходящие процессы, в основном для того, чтобы предотвратить распад целой системы.

Началом, концом, а также хронологической продолжительностью конфликтной ситуации являются временные границы. От того, считать ли конфликтную ситуацию начавшейся, либо она еще продолжается или уже закончилась, зависит, в частности, уровень эффективности применяемых способов регулирования конфликтной ситуации. Проверка динамики, безусловно, важна, так же для того, чтобы правильно оценивать роль и силу принимающих участие в конфликтной ситуации сторон.

Стоит отметить, что каждая конфликтная ситуация включает в себя как положительные, так и негативные оттенки, тем не менее перевес в нем тех или иных дает возможность дать ему характеристику – конструктивного, иначе деструктивного.

Итак, основы политического конфликта лежат в следующих аспектах. Неотъемлемой частью политического мира, а также мотивационной силой жизни политики является политический конфликт. Одно не имеет смысла без существования другого, поэтому феномен конфликта входит в состав современного определения политики и ее структуры. Так, ссылаясь на мнение многих политологов, политика может иметь определение – противостояние субъектов, которые преследуют противоборствующие между собой цели, что в результате выявляет регулируемые и контролируемые властью разграничения приоритетов и ценностей. Споры, соперничающие точки зрения, противоборства – весь спектр, с которым обращаются к власти и просят их урегулирования, и являются тем, что называют политическими конфликтами.

Мир политики – это мир публичности, место в котором есть возможности для различных действий. Конкретно в таком – общественном противостоянии мнений общество получает новый характер, преобразуется в политический мир [4, с. 42].

В качестве предмета политических конфликтных ситуаций могут выступать специфические ресурсы – власть государства, устройство властных институтов, принадлежность социальных групп, политические ценности и символы, которые являются основой политической власти и данной политическому обществу в целом [3, с. 12].

Политический рынок является одним из наименее свободных рынков, так как, во-первых, монополия производства политической продукции властвует (программы, заявления, платформы), которая предоставляется профессионалам, во-вторых – отсутствие компетентности в политической отрасли у обычных граждан. Тем самым являются очевидными острота и настойчивость межпартийной конкуренции за голоса избирателей, которые инициируются, в первую очередь сверху, высшими слоями власти.

Острота и настойчивость политической борьбы могут объясняться, так же, тем, что уровень доверия какому-либо политику выдается не только в обмен на предлагаемые им идеи, а также ему лично, благодаря его качествам. Тем самым оппонент имеет стремление не только к тому, чтобы опровергать подобные идеи исключительно логическими и научными аргументами, а также и дискредитировать их, так же, как и их автора [3, с. 14].

Политический конфликт включает в себя сбор максимальной численности как одной, так и другой конфликтующей стороны. Их противостояние может быть рассмотрено как измененный, сублимированный вид классового противоборства. При этом классы и иные социальные группы могут считаться непосредственными участниками конфликтной ситуации только в крайнем случае (революционном). Это и выявляет отличия между политическим конфликтом и юридическим. Во втором спор, относится к правовым отношениям участников конфликта (юридической деятельностью и состоянием), а также, соответственно и субъекты, или мотивация их действий, либо объект конфликтной ситуации, характерны правовыми «отличиями». Конфликт при этом влечет за собой различные юридические последствия.

Юридический конфликт также предполагает «вербализованную» борьбу, умение «сражаться словами» при помощи убедительных доводов сторон. Но это борьба в рамках и на почве права, между субъектами права, и сама юридическая коллизия не предполагает мобилизации широких масс. Политический конфликт, напротив, предполагает борьбу именно за такую мобилизацию, при этом ее масштабы могут оказывать политическое воздействие, в том числе и на судебные решения.

Под языковым конфликтом обычно понимают противостояние между языковыми сообществами, включающие в себя какие-либо проблемы, которые имеют языковой характер.

В странах с государственным языком, являющимся одновременно языком международного общения, приемлема двухкомпонентная модель рационального устройства языковой жизни (родной язык, например, для семей мигрантов + государственный язык в сферах организованного общения). Социально-речевая адаптация иммигрантов к местным условиям предполагает функционирование такой модели языковой жизни новых жителей страны [5, с. 136].

Поэтому, при решении национально-языковых проблем, зачастую применяют различные виды языковой политики: одноязычная (однокомпонентная), двуязычная, билингвистическая (двухкомпонентная), многоязычная (многочкомпонентная, плюралистическая). Многоязычная модель наблюдается в случаях организации одноязычного общества, использующего в сферах организованного общения единый государственный язык и прибегающего к социально-речевой адаптации к этой модели новых членов общества – иммигрантов. Двуязычная и многоязычная модели предполагают использование в сферах организованного общения разных языков в соответствии с национальным составом населения, способами расселения людей разных национальностей и культурноязыковыми традициями.

Так же можно считать абсолютно очевидным тот факт, что устоявшаяся языковая ситуация имеет абсолютное влияние на выбор вида обустройства языковой жизни общества. Из всего этого следует вывод, что многокомпонентный, плюралистический вид – самый оптимальный вариант для условий многонациональных стран. Во всяком случае, переход от многокомпонентной модели языкового функционирования, соответствующей национальному составу населения, сложившимся традициям и шире – языковой ситуации в том или ином регионе, к однокомпонентной не всегда целесообразен. Признав же его целесообразность, необходимо переходить от одной модели к другой постепенно, поэтапно, не провоцируя языковые конфликты.

Список литературы

1. Бредихин С.Н., Вартанова Л.Р. Текстологические функции иносказательных переосмысленных конструкций в смыслообразовательном аспекте // *Фундаментальные исследования*. 2015. № 2-3. С. 639-643.
2. Глухова А.В. Политические конфликты: основания, типология, динамика (теоретико-методологический анализ). М.: Эдиториал УРСС, 2000. 170 с.
3. Гюрджян Н.С. Речевые манифестации когнитивного конфликта в диалоге (на материале английского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2008. 17 с.
4. Непшекуева Т.С. Особенности конфликта как речевого акта // *Актуальные проблемы современного языкознания и литературоведения: Мат-лы 2-ой Межвуз. докторантско-аспирантской науч. конф. В 2-х ч. Краснодар: КубГУ, 2003. Ч. 1. С. 40-44.*
5. Третьякова В. С. Конфликт глазами лингвиста // *Юрислингвистика – 2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии*. Барнаул, 2000. С. 127-140.

КОСВЕННЫЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ

Волошина Т.Г.

доцент кафедры второго иностранного языка, канд. филол. наук,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, г. Белгород

Гурьева И.А.

старший преподаватель кафедры английского языка и методики преподавания,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, г. Белгород

В статье приводится анализ косвенных речевых актов побудительных высказываний. Авторы предпринимают попытку поиска косвенных речевых средств, способных осуществлять свои намерения косвенным способом.

Ключевые слова: косвенный речевой акт, иллокутивный акт, интеррогативный акт, вопрос-побуждение, ответная реакция.

Понятие косвенного речевого акта (далее КРА) базируется на противопоставлении первичного, то есть буквального и вторичного, то есть коммуникативного значений языковой формы. КРА имеет место в том случае, когда один иллокутивный акт осуществляется путем осуществления другого [1, с. 19].

В отрасли косвенных иллокутивных актов изучение вопросительных высказываний представляется нам наиболее плодотворным. В данной сфере первостепенным фактором является то, что в силу принятых требований вежливости в коммуникативном общении часто бывает не вполне уместным высказывание прямых предложений в вопросительной форме или эксплицитных перформативных предложений, в связи с чем, мы предпринимаем попытки поиска косвенных речевых средств, которые способны осуществлять свои намерения косвенным способом.

Косвенные речевой акт также возможно рассматривать и как особую речевую ситуацию, именуемой стратегией намека. Стратегия намека заключается в том, что производимый иллокутивный речевой акт предназначается для выполнения вспомогательной роли в осуществлении другого иллокутивного акта. Степень эффективности стратегии намека основана на действии принципа релевантности П. Грайса. В практике речевой коммуникации преобладает редуцированная схема, когда желаемый эффект достигается с помощью не основного, а подготовительного речевого акта. Именно это широко распространенное явление получило название косвенного речевого акта [2, с. 21].

В ходе исследования, мы приходим к выводу, что в этой ситуации происходит «блокировка» основного условия успешности интеррогативного речевого акта. Вопрос перестает иметь вопросительную интенцию, доказатель-

ством тому является тот факт, что вопросительное высказывание теряет свою интеррогативную силу, этому служат целый ряд причин: 1) ответная реакция собеседника не могут выступать в качестве полноценного ответа на запрос информации, а выступает в качестве согласия и отказа выполнить просьбу, чаще всего согласие сопровождается желаемым действием, а отказ сопровождается извинением и объяснением причин; 2) вопрос-побуждение представляет собой форму «положительно-ориентированную», о чем свидетельствует употребление неопределенных местоимений (*some, something*, вместо обычных для интеррогативов *any, anything*).

Вопросы-побуждения стоятся по определенным структурным схемам: *неместоименные вопросы* (в которых начальная позиция заполняется модальными предикатами возможности, долженствования, желания и предикатами обладания) *разделительные вопросы*, *местоименные вопросительные предложения высокой степени идиоматизации*, *косвенные вопросы*, *вводимые оборотом I wonder*.

Из вышеупомянутого следуют следующие выводы: во-первых, коммуникативная ситуация накладывает отпечаток на лингвистические и прагматические характеристики высказывания, во-вторых, в ситуации, когда блокируются условия успешности, характерные для данной формы, высказывание выполняет иную, косвенную коммуникативную функцию, которая определяется актуальной ситуацией.

Многие лингвисты отмечают, что косвенное высказывание употребляется в целях создания социально комфортного климата общения. При соблюдении норм речевого этикета избегаются эксплицитно перформативные речевые акты, которые могли бы быть восприняты слушающим как слишком настойчивые и грубые высказывания. Соблюдение норм речевого этикета обеспечивает оптимальное взаимопонимание между двумя и более коммуникантами.

Таким образом, употребление косвенного высказывания в речевой коммуникации дает нам возможность успешно варьировать языковую реализацию своих намерений и достигать понимания у слушающего. Анализ косвенного высказывания позволяет ответить в некоторой степени на вопрос, почему, в каких случаях отдается предпочтение косвенным высказываниям. Во-первых, причина распространенности и употребительности косвенных высказываний, по-видимому, объясняется их исключительной емкостью и экономностью. Во-вторых, косвенное высказывание способствует созданию приятной, вежливой атмосферы общения. В-третьих, это – способность косвенного высказывания создавать иронический эффект, вытекающий не только из семантики самого высказывания, но обусловленный также фоновыми знаниями и условиями общения.

Список литературы

1. Волошина Т.Г., Гурьева И.А. К вопросу о минимальной коммуникативной единице диалога // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. №9-5. С. 18-20.

2. Волошина Т.Г., Гурьева И.А. Сложные конструкции с сочинением и подчинением в составе диалогического единства // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. №9-5. С. 20-22.

ПРИНЦИП ВЕЖЛИВОСТИ В КОСВЕННЫХ РЕЧЕВЫХ АКТАХ

Волошина Т.Г.

доцент кафедры второго иностранного языка, канд. филол. наук,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, г. Белгород

Гурьева И.А.

старший преподаватель кафедры английского языка и методики преподавания,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, г. Белгород

В статье приводится анализ принципа вежливости косвенных речевых актов. Авторы анализируют главные принципы использования косвенных форм в речевой коммуникации и выделяют основные принципы эффективного функционирования принципа вежливости.

Ключевые слова: косвенный речевой акт, принцип вежливости, компетитив, конвиал, коллаборатив, конфликтив.

Есть основания полагать, что одним из главных принципов использования косвенных форм в речевой коммуникации является вежливость. Понятие вежливости, с точки зрения теоретической базы, было проработано в современной прагматике в рамках теории речевого общения. Влияние этого принципа играет лидирующую роль в оформлении речевого высказывания, а также при отборе речевых вариантов выражения косвенных речевых актов. В наиболее общем виде, вежливость можно определить как принцип социального взаимодействия, в его основе лежит уважение к личности партнера. Этот общий принцип подходит ко всем видам человеческого взаимодействия – как вербального, так и невербального.

Следовательно, принцип вежливости требует от коммуникантов безоговорочного выполнения определенных ограничений в поведении членов общества. Такие ограничения, или лишения, заключаются в учете интересов партнера, соблюдении толерантного отношения к мнению партнера, его желаниям и чувствам.

Следование принципу вежливости в финальном итоге имеет свою определенную цель – достичь наивысшей эффективности социального взаимодействия при помощи соблюдения социального равновесия и дружественных отношений между участниками коммуникации.

Рассматриваемый стратегический принцип функционирует в практике речевого общения при помощи различных тактических способов и приемов, которые так же, как и в теории П. Грайса, сформулированы в виде постула-

тов и максим. Лингвист Дж. Лич полагает необходимым выстраивать исследование, полагаясь на необходимость выделить четыре класса, которые автор дифференцирует, основываясь на том, как они (группы) связаны с социальной целью установления и поддержания вежливости: *компититив, конви-виал, коллаборатив, конфликтив* [2, с. 24].

В конце 70гг. П. Браун и С. Левинсон впервые вводят понятие ли-коущемленных речевых актов (*Face Threatening Acts*), которое служит для дифференциации всех речевых актов, представляющих потенциальную угрозу «лицу» человека, заставляющих принять какую-либо модель поведения, несмотря на отсутствие у собеседника желания осуществить это. Термин *ли-коущемленные речевые акты* является одним из важнейших компонентом, составляющих основу теории вежливости. Оптимальная стратегия поведения личности в обществе согласно теории вежливости состоит в том, чтобы адресант выполнял для другого собеседника все те действия, которые он бы предпочел видеть по отношению к себе [1, с. 19].

Существенный вклад в теорию вежливости внес такой лингвист как Г. Каспер, который рассматривал вопрос грубости или неприемлемого грубого поведения. Согласно исследования автора, грубость можно разделить на некоторые группы: 1. немотивированную, вызванную нарушением норм политически корректного поведения из-за невежества, и 2. Мотивированную [2, с. 25].

Таким образом, принцип вежливости, регулирующий отношения между личностью и обществом, относится к области этикетного поведения. Любому члену общества в соответствии с социальными характеристиками приписывается определенный модус поведения. Речевой этикет регулирует поведение членов общества, выступающих в процессе коммуникации в роли говорящего и слушающего, в разных социально значимых ситуациях общения. Правила речевого этикета варьируются применительно к сфере общения, ситуации общения и зависят от таких экстралингвистических факторов, как ролевые и личностные отношения коммуникантов. Степень детерминированности речевого поведения говорящего зависит от степени стандартизованности того или иного речевого акта, той или иной ситуации общения.

Список литературы

1. Волошина Т.Г., Гурьева И.А. К вопросу о минимальной коммуникативной единице диалога // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. №9-5. С. 18-20.
2. Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. 1985. № 6. С. 22-27.

АЛМАЗ КАК ИЗОБРАЗИТЕЛЬНО-ВЫРАЗИТЕЛЬНОЕ СРЕДСТВО В СТИХОТВОРЕНИЯХ РУССКИХ И ЯКУТСКИХ ПОЭТОВ

Годзевич В.А.

студентка 2 курса, Мирнинский региональный технический колледж,
Россия, г. Мирный

Сураева Т.А.

преподаватель общепрофессиональных дисциплин,
Мирнинский региональный технический колледж, Россия, г. Мирный

Цель нашего общества – счастье людей, воспитание достойных будущих граждан России, которые своим трудом сумеют сделать нашу жизнь еще лучше. А в пропаганде человека труда во все времена первостепенная роль отводилась литературе. Нам знакомы с детства имена талантливых писателей и поэтов России: Пушкина, Лермонтова, Толстого, Чехова, и других. Изучая их творчество на уроках литературы, мы оцениваем поступки героев, анализируем описываемые события, погружаемся в историю нашей страны. Но мы живем на якутской земле, поэтому нам должны быть особенно дороги произведения якутских писателей и поэтов. Ведь в них описывается история родного края, выражается любовь и гордость за свою родную землю. Мир якутской литературы богат и увлекателен.

Ключевые слова: алмаз, изобразительно-выразительное искусство, стихотворение, якутская литература.

Проживая в столице алмазного края, мы хотим знать не только историю алмазодобывающей промышленности, но через призму знакомства с алмазной темой в творчестве поэтов показать роль человека труда, жизнь которого связана с городом Мирным, с Якутией. Объектом нашего исследования будут являться современная и якутская литература. Предметом – произведения мирнинских и якутских поэтов. Наша работа имеет прикладную значимость, так как полученные знания и умения помогают возродить интерес к нашему родному краю, его богатому культурному наследию.

Объект исследования – отечественная русская и якутская литература. Наша работа имеет прикладную значимость, так как полученные знания помогают возродить интерес к нашему родному краю, его богатому культурному наследию.

Изучив историю возникновения алмазной темы, мы выяснили, что она связана с алмазодобывающей промышленностью, что самый весомый вклад в её развитие внесли те, кто жил и трудился на алмазной земле. В нашем городе такими людьми стали поэты самого крупного литературного объединения в республике – «Кимберлит».

Изучив творчество кимберлитовцев, мы проанализировали их стихотворения и выяснили, что авторы используют алмаз для создания определённых образов, для раскрытия тем, для употребления различных выразительных средств, а сам алмаз в стихах начинает сверкать всеми разноцветными гранями.

В первую очередь мы увидели, что в стихах алмаз – это царь самоцветов, он стоит у поэтов на первом месте, он традиционно является символом власти и высокого общественного положения.

Большинство поэтов использовали алмазную тему с целью создания величественного, неповторимого, завораживающего взгляд образа Якутии.

В большом количестве стихов нам удалось увидеть использование авторами алмазов для создания внешнего облика своих героев, подчеркивая их индивидуальность. Наиболее полно поэты используют алмаз для передачи настроения, чувств и собственных переживаний.

Во многих стихах поэты употребляют метафорические ряды со словом алмаз, с целью более точного описания ситуаций и своего отношения к ним. Также мы нашли множество примеров употребления слова в качестве эпитетов. Многие поэты употребляют алмаз для построения сравнительных оборотов речи, с целью передачи красоты природных явлений, таёжных пейзажей. С добычей алмазов тесно связана и экологическая проблема нашей республики. Ещё Алексей Кулаковский – зачинатель якутской литературы в поэме «Сноведения шамана» устами главного героя обращается к землякам – якутам с пророчеством, связанным с истощением земных недр. Поэты не оставляют в стороне эту важную тему. В стихах можно увидеть, что многие народы, проживающие на бескрайних таёжных просторах Якутии, безусловно, относятся к алмазу как символу богатства, достатка и удачи.

В ходе работы мы пришли к выводу о том, что в 21 веке алмазная тема становится все ярче и интереснее. Мы можем уверенно сказать, что в современной литературе алмазная тема из маленького ручейка превращается в полноводную реку, которая сверкает многочисленными гранями, именно, благодаря творчеству замечательных поэтов самобытной, завораживающей Якутии.

Список литературы

1. Кулаковский А.Е. «Наступление лета». Стихи и проза. Избранные сочинения / Пер. с якут. В. Солоухина и С. Поделкова / Вступит. статья В. Кочеткова.; Худож. Б. Косильников. – М.: Современник, 1986.
2. Литературно-художественный и общественно-политический альманах «Вилюйские зори» №21, №19, №18, №2. №3. №8.
3. Софианиди М.М. «Серебряный рассвет» Сборник песен и романсов. – Новосибирск: Издательство «Сибтехнорезерв», 2004.
4. Софианиди М.М., Червинский В. Альманах «Кимберлит». Литературное объединение. Якутское книжное издательство, 1990.
5. Юзмухаметов Р.Н. Свет «солнечного камня». Мирный: ООО «Мирнинская городская типография», 2008.
6. Данилов С.П. «Белый конь манчары». М.: «Сов. Россия», 1974.
7. Овчинников С.С. «А5ыс кырыылаах алмаас» Стихи, поэма. Издательство ООО «Мирнинская городская типография».

НАЗВАНИЯ МЕР ИЗМЕРЕНИЯ, ВСТРЕЧАЮЩИЕСЯ В ЧЕЧЕНСКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ

Идрозова Э.С.-А.

ассистент кафедры иностранных языков,
Чеченский государственный университет, Россия, г. Грозный

В статье впервые рассматриваются, встречающиеся в чеченских народных сказках термины, связанные с названиями мер измерения. Приводятся лексемы и описываются особенности мер измерения чеченцев.

Ключевые слова: народная сказка, меры измерения, лексема, величина измерения.

Сегодня каждый из нас при обозначении тех или иных мер измерения пользуется только современными терминами. И это считается нормальным и естественным. Однако при изучении или при прочтении литературных, а особенно фольклорных, произведений мы нередко сталкиваемся с такими словами, как «пяди», «аршины», «локти» и т.д. И такое употребление терминов также является нормальным, так как это не что иное, как старинные меры измерения. Что они обозначают, должен знать каждый. Почему? Во-первых, это история наших предков. Во-вторых, подобные знания являются показателем нашего интеллектуального уровня.

Развитие человеческого общества было невозможным без постижения искусства счета. Но и этого оказалось мало. Для ведения многих дел нужны были и определенные единицы длины, массы и площади. Их человек придумывал в самых неожиданных формах. Например, любые расстояния определялись переходами, или шагами. Старинные меры измерения, касающиеся роста человека или уточнения количества ткани, соответствовали длине пальца или сустава, размаху рук и т.д., то есть всему тому, что являлось своеобразным измерительным прибором, всегда находящимся при себе.

Об очень интересных способах определения длины нашими предками мы узнаем из летописей и старинных грамот. Это и «вержение камня», то есть его бросок, и «пушечный выстрел» и «перестрел» (дальность полета стрелы), и многое другое. Порой единица измерения обозначала расстояние, на котором еще был слышен крик того или иного животного. Это был «петушиный крик», «бычачий рев» и т.д. Интересная мера длины существовала у народов Сибири. Ее называли «бука», и подразумевала она под собой то расстояние, на котором у человека зрительно в единое целое сливались рога быка.

Из летописей 13-15 веков мы узнаем о том, что старинные меры измерения сыпучих тел (как правило, зерновых культур) – кадь, половинки, четверти и осьмины. В 16-17 вв. эти термины исчезли из обихода. Основной мерой сыпучих тел с указанного периода становится четверть, которая примерно соответствовала шести пудам.

Исследовав более 200 чеченских народных сказок, нами установлено, что у чеченцев в древности использовались следующие величины измерения сыпучих тел:

гирда «старая чеченская мера сыпучих тел, равная приблизительно 12 кг» [4, с. 103];

кана «горсть, пригоршня» (суффиксальное производное (суффикс *-на*) от основы *ка* «кисть, рука», представленной также в *кан* «пук», *кара* «пук колосьев» [1, с. 344];

сахь «мера веса, мера зерна, равная восьми пригоршням» (вайнахское: ингушское *сахь*. Из арабского *сал-ун* «*саа* мера сыпучих тел». Сюда же ахвахское *ссахлу* «мерка» [1, с. 530]).

Последний термин заимствован из арабского языка, встречается в сказке «Тимар» («Тимар») [3, с. 31]: «Поедем посмотрим, – говорит конь. – Пусть князь приготовит нам в дорогу легкую вкусную пищу, *сахь* проса и курдюк караки». Термин *чаккхарма* «верста» встречается в сказке «Буолват» («Буолват») [2, с. 194]: «*И муш пхи чаккхарма бега хила бега*. Этот канат должен быть пять вёрст в длину».

Слова, обозначающие различные величины измерения, представлены в чеченских народных сказках следующими единицами: *юкъ* «расстояние», *шоралла* «ширина», *йохалла* «длина», *гирда* «старая чеченская мера сыпучих тел, равная приблизительно 12 кг», *сахь* «мера зерна, равная восьми пригоршням», *литта* «копна», *кана* «горсть, пригоршня», *мор* «охапка», *такхор* «скирд», *пунт* «пуд – 16 кг».

Последний термин (*пунт*) имеет интересную историю. Данная единица веса равнялась 3840 золотникам и соответствовала в точности 16, 3804964 кг. Еще Иван Грозный предписывал взвешивать любой товар только у пудовщиков. А с 1797 г., после выхода Закона о мерах и весах, стали изготавливать шаровидные гири, соответствующие одному или двум пудам [5]. Данный термин встречается в сказке «Аьшпаш» («Ложь») [2, с. 366]: «*Цхамма цхьа пунт, вукхо – ши пунт хьаьжклаш яхьна хилла ахьар даккха*. Один – один пунт, другой – два пунта кукурузы принёс, чтобы сделать кукурузную муку»; *чаккхарма* «верста» (в сказке «Буолат» («Буолат») [2, с. 193]: «*И муш пхи чаккхарма бега хила бега*. Этот канат должен быть пять верст в длину»).

Таким образом, в исследованных нами текстах чеченских народных сказок отсутствуют такие обычные для нас величины как грамм, килограмм, тонна, сантиметр, метр, дециметр, обнаружено не было. Возможно, потому что они были заимствованы чеченцами (относительно времени возникновения сказок) не так давно. Но нами был встречен термин *пунт* «пуд – 16 кг» заимствованный из английского языка (через посредство русского).

Список литературы

1. Вагапов А.Д. Этимологический словарь чеченского языка. Тбилиси: «Меридиани», 2011. 734 с.
2. Джембеков О.А., Джембекова Т.Б. Чеченское устное народное творчество. Учебное пособие. Часть вторая. Махачкала: АЛЕФ (ИП «Овчинников»). 478 с.
3. Мальсагов А.О. Сказки и легенды ингушей и чеченцев. М.: Наука, 1983. 384 с.
4. Мациев А.Г. Чеченско-русский словарь. Москва: ГИИНС, 1961. 625 с.
5. Старинные меры измерения [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://fb.ru/article/225613/starinnyie-meryi-izmereniya-dliny>.

ТЕМАТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ЛЕКСИКИ ЧЕЧЕНСКИХ СКАЗОК

Идрозова Э.С-А.

ассистент кафедры иностранных языков,
Чеченский государственный университет, Россия, г. Грозный

В статье дается классификация лексики чеченских народных сказок по тематическим группам, перечисляются наиболее употребительные лексемы. Описываются особенности характерные для языка сказок чеченского народа.

Ключевые слова: народная сказка, классификация, лексика, тематическая группа.

Словарный состав чеченских народных сказок разнообразен. Большую часть лексики сказок составляют, безусловно, общеупотребительные слова в своем прямом значении, которые одинаково употребляются как в разговорной, так и в письменной чеченской речи. Это такие лексемы, как *ворда* «арба, телега» [1, с. 189], *ула* «дом» [1, с. 661], *можк* «земля, страна» [2, с. 306], *кхача* «пища» [2, с. 237] и т.д. Нейтральные слова и выражения способствуют тому, чтобы сказочный текст стал общепонятным и подлинно народным.

В языке чеченских народных сказок встречаются все основные пласты лексики чеченского языка – от диалектно и социально ограниченной до общенародной. Доминирует в сказках общенародная лексика, которая понятна представителям любой этнической группы чеченского народа.

Доля социально ограниченной и диалектной лексики в текстах сказок различна. Это обусловлено различными факторами, например, число диалектной лексики зависит от места и точности записи сказок собирателем, редакторской правки, степени литературной обработки, а количество «социальной» лексики – от содержания сказок и рода деятельности сказителя. Несомненно, важную роль играет и личностная манера, темперамент и мастерство исполнения сказителя.

Чеченские народные сказки, как и сказки других народов, отображают быт, нравы, обычаи и прочие специфические особенности создавшего их народа. В сказках, как и в любом другом жанре фольклора, находит отражение всё, чем живет и с чем сталкивается тот или иной народ на протяжении веков. Здесь и полный набор этнографических реалий, начиная от орудий труда и кончая нарядами, и всесторонняя характеристика географической среды с ее ландшафтами, климатом, животным и растительным миром, здесь и воспоминания о давно минувших событиях и выдающихся личностях, отзвуки древнейших религиозных воззрений и подробная картина современной организации общества [3, с. 19]. Главный секрет долголетия и популярности произведений устного народного творчества в немалой степени заключается в простоте и доступности языка фольклора, понятного представителям всех поколений, несмотря на их диалектную принадлежность.

Сказка, являясь уникальным явлением чеченской традиционной культуры народа, содержит лексику различных тематических групп: объекты живой природы: дикие животные, домашние животные, птицы, рыбы, земноводные, насекомые; растительный мир: деревья, растения и их части; объекты неживой природы: рельеф земной поверхности, вещества, минералы, металлы, небесные тела, стихии, названия времен года, дней недели, частей суток; общество и связанные с ним понятия: человек, родственники, родственные связи, средства передвижения, упряжь, орудия труда, инструменты, оружие, предметы обихода, домашняя утварь, посуда, украшения, одежда, ткани, пища; ономастика: имена собственные; топонимы: географические названия; абстрактные понятия, названия, сказочные существа, соматическая лексика (части тела человека и животных), этнонимы, религиозная терминология и т.д.

Из перечисленных тематических групп в чеченских народных сказках наиболее многочисленными являются следующие: животный мир, общество, соматизмы. Однако следует отметить, что каждая тематическая группа имеет свою ценность, отличительные черты, важные для развития чеченского (в том числе и нахского) языкознания.

В связи с тем, что сказка также тесно связана с духовной жизнью народа, лексика духовной культуры отражает архаические элементы традиционной народной культуры и включает обрядовую, религиозную и собственно мифологическую лексику. Религиозная лексика чеченских сказок позволяет судить о периоде возникновения сказок. Лексический фонд чеченских народных сказок представляет собой сложную систему, которая состоит из классов слов, различных по значению и происхождению, стилистической окрашенности и сфере употребления. Также нельзя не отметить, что наряду с исконной лексикой встречается и заимствованная, которая дает весомый материал для изучения взаимодействия культур народов, которые имели тесные связи с чеченцами.

Лингвистическое изучение сказки представляется нам важным для раскрытия собственно языковой специфики сказочного текста, характеристики системы его лексико-семантических и изобразительно-выразительных средств, а также для углубленного исследования языка (сказок) и фольклора в целом. Важным является выявление семантической структуры фольклорного слова, важнейших семантических категорий словаря языка народных сказок как инструмента адекватного понимания сказочного текста.

Язык сказок чеченского народа является ценным подспорьем в исследовании лексики дописьменного периода чеченского языка, его грамматического (морфологического, синтаксического) строя, а также и образа жизни чеченского народа.

Анализ чеченских народных сказок с точки зрения «специфичности» употребления в них слов различных частей речи следует, по нашему мнению, начать с имени существительного. Термины, выраженные этой частью речи, являются ключевыми словами, характеризующими основные морально-нравственные ценности народа, образ жизни, историю, природу – флору и

фауну и т.д. Наиболее употребительными из них являются, как об этом свидетельствует статистический анализ, следующие тематические группы лексики: термины родства, зоонимы и орнитонимы, соматизмы, религиозная лексика.

Список литературы

1. Вагапов А.Д. Этимологический словарь чеченского языка. Тбилиси: «Меридианы», 2011. 734 с.
2. Мациев А.Г. Чеченско-русский словарь. М.: ГИИНС, 1961. 625 с.
3. Пермяков Г.Л. От поговорки до сказки. М., 1970.

ВЛИЯНИЕ ЭМОЦИОГЕННОГО ПОТЕНЦИАЛА ТЕКСТА НА КОГНИТИВНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АДРЕСАТА

Казанцева Е.А.

кандидат филологических наук, доцент,
Уфимский государственный нефтяной технический университет, Россия, г. Уфа

В статье рассматривается вопрос об эмоциогенности учебного текста как одной из форм реализации педагогического дискурса. Экспериментальным путем показано, что вектор эмоциогенного воздействия имеет связь с успешностью когнитивной деятельности адресата.

Ключевые слова: педагогический дискурс, письменный модус, эмоциогенный потенциал текста, когнитивные эффекты.

Лингвистические изменения педагогического дискурса на современном этапе развития образования находятся сегодня в центре многих исследований [5, 8, 10]. Интернационализация педагогического дискурса, изменение его форм и хронотопа, психологических характеристик его участников [1, с. 22-23; 9] свидетельствуют о необходимости реструктуризации всех форм дискурсивных практик в области образования, в том числе с целью создания положительного эмоционального фона педагогической коммуникации.

Эмоционально-положительный фон обучения как необходимое условие формирования эмоционально-личностного отношения обучающегося к процессу обучения, позволяет повысить качество обучения и выступает как значимая характеристика в образовании. Студенты оказываются включенными в эстетику той или иной науки, проявляют неподдельный интерес к предмету изучения только тогда, когда преподавателю удастся отойти от тяжеловесного, бесстрастного языка многих учебников, от объемных или шаблонных конструкций, типичных для письменной формы речи [4, с. 84; 7, с. 452].

Говоря о степени исследованности модусов педагогического дискурса, необходимо отметить, что устные его виды получают гораздо больше внимания со стороны исследователей, чем письменные. Это вполне закономерно, поскольку учитель/преподаватель является центральной фигурой, основным субъектом этого типа дискурса. Но изменение целей, стратегий и стандартов современного образования, ставящих во главу угла самореализацию лично-

сти, неизбежно переставляют акцент с общения в аудитории на самостоятельную когнитивно-познавательную деятельность обучающихся. И здесь на первый план выходит именно письменный модус педагогического дискурса, “к числу прецедентных текстов которого относятся прежде всего школьные/вузовские учебники и хрестоматии” [3, с. 5]. В связи с этим возникает вопрос об актуальности исследования всей палитры языковых средств, используемых в современной педагогической литературе, с целью отойти от упоминаемых Т.В. Кочетковой тяжеловесности и бесстрастности педагогической литературы и создать более благоприятные психоэмоциональные условия для обучения.

Осуществимость такого исследования подтверждается тем фактом, что современное развитие когнитивной лингвистики позволяет рассматривать семантику текста как ментальную репрезентацию действительности (В.З. Демьянков Е.С. Кубрякова, Ю.С. Степанов, и др.), а сам текст при этом является основной формой формирования базы знаний человека и выступает источником изучения знаний, опредмеченных в нём (В.Б. Касевич, А.И. Новиков, В.В. Петров, Р.М. Фрумкина). Таким образом, с точки зрения представленных в тексте знаний, становится возможным углублённое исследование всех категорий текста, в том числе и его эмотивности [6].

Для достижения эффекта устойчивого положительного эмоциогенного воздействия педагогический дискурс, а, следовательно, и письменные, текстовые его формы, современные исследователи языка (В.И. Шаховский, Ю.С. Степанов, Т.В. Кочеткова и др.) предлагают строить на следующих основных принципах:

- 1) Стиль изложения – максимально приближенный к разговорному;
- 2) Использование формы диалога с обучающимися;
- 3) Замена местоимений *ты/вы* на *мы*;
- 4) Максимально простые, понятные предложения;
- 5) максимально краткое и ёмкое изложение информации, исключающее необоснованное увеличение объема текста.
- 6) Включение эмотем, «заражающих» положительными эмоциями (концептосферы: *радость, надежда, удивление, догадка* и др.) и исключение отрицательно заряженных эмотем (концептосферы: *страх, трудность, беспокойство, запрет, угроза* и др.);
- 7) Уместное использование “положительно заряженных” метафор и фразеологизмов;
- 8) Тщательный подбор текстовых и стилистических средств организации текста: его структуры, композиции, способов чередования экспрессивных и нейтральных фрагментов, равномерность распределения маркеров эмоций по частям текста.

Для сравнения векторов эмоциогенного воздействия педагогического текста приведем два равнообъемных варианта первичного объяснения темы “Present Perfect” в рамках дисциплины “Иностранный язык (английский)”.

1. “Present Perfect (Present Perfect Simple) – настоящее совершенное время. Ему нет соответствий в русском языке. Нам трудно понять Present Perfect, потому что англоговорящие люди иначе воспринимают понятие времени. С точки зрения русского языка действие в настоящем времени не может закончиться, на то оно и настоящее. Если действие завершилось (прошло), значит, время должно быть прошедшее. Английский язык придерживается другой логики: в нем действие в настоящем может закончиться, и пример этому – Present Perfect. Сказуемое в Present Perfect состоит из вспомогательного глагола have (has) и основного глагола. С местоимениями I, you, we, they и существительными во множественном числе мы используем have, с местоимениями he, she, it и существительными в единственном числе – has. В качестве основного глагола в Present Perfect мы используем третью форму глагола. Изучить сразу все функции времени *Present Perfect практически невозможно*, поэтому мы решили разделить все функции на 3 группы согласно уровню владения английским языком...” [11].

2. “Present Perfect (по-русски мы называем его настоящее совершённое (или завершённое время) считается самым загадочным из всех времен. Конечно, нас удивляет, что нужно использовать настоящее время, в то время как в русском языке глагол стоит в прошедшем (сделал). Как разобратся? Ничего сложного нет, если мы вспомним, что любую видовременную форму можно перевести дословно. Present Perfect – *have (has) done* – переводится как *имею (имеет) сделанным что-то на данный момент*. Имею сейчас, а сделано это – раньше, до сейчас. Соответственно, его задача – *всего лишь* показать завершённость, законченность действия к настоящему моменту. Или, еще лучше, предшествование действия данному моменту (потому что этот способ дает ключ к пониманию сути всех без исключения перфектных форм, как личных, так и неличных). Present Perfect нужен тогда, когда мы хотим упомянуть только сам факт совершения действия, не касаясь никаких сопутствующих ему обстоятельств. То есть, он нужен нам тогда, когда в предложении есть (только один!) глагол, отвечающий на вопрос что сделал, и вокруг него нет никаких других слов, относящихся к прошлому.” [2, с. 172].

Текстовый анализ показывает, что 1) при практически равном объеме второй вариант более информативен, в то время как первый вариант вмещает только частичную информацию (полный объем текста не приводится по причине большого размера). 2) Эмоциогенный потенциал первого текста имеет ярко выраженный отрицательный вектор воздействия, о чем свидетельствуют выделенные курсивом языковые средства, в то время как вектор эмоциогенности второго текста имеет ярко выраженную положительную направленность.

Для первичной проверки представленных выше результатов анализа был проведен эксперимент, имеющий целью сравнить степень эмоциогенности данных текстов и связанные с ней когнитивные эффекты. В эксперименте приняли участие 60 студентов 1 курса заочной формы обучения. Качественный состав выборки не случаен, поскольку дистанционная форма обучения

предполагает минимум контактов с преподавателем и акцентирует самостоятельную образовательную деятельность студента на основе предложенных преподавателем источников. Двум равночисленным группам студентов было предложено внимательно прочитать текст и оценить свои эмоции при прочтении текста как положительные, нейтральные или отрицательные. Группе 1 (30 человек) был предложен Текст 1, группе 2 (30 человек), соответственно, – Текст 2. Затем студентам было предложено выбрать из 10 русских предложений те, при переводе которых необходимо употребить настоящее совершенное время. Результаты эксперимента, представленные в таблице:

Таблица

Результаты эксперимента

		Группа 1	Группа 2
Оценка респондентами эмоционального воздействия текста	Нейтральное (0)	18	12
	Положительное (+1)	6	17
	Отрицательное (-1)	5	1
	Средневзвешенный показатель	+1	+16
Степень первичного усвоения материала		57%	95%

Как видно из таблицы, индивидуальное восприятие респондентами эмоционального воздействия текста неоднозначно, что, предположительно, может быть связано со сформированной на предыдущем этапе обучения привычкой к определенному стилю изложения учебного материала с одной стороны, и общей для респондентов настороженности к трудностям английской грамматики, с другой. Более показателен результат первичного усвоения темы. В контрольной группе, работавшей с Текстом 1, результат не превысил обычный среднестатистический уровень, в то время, как группа, которой был предложен Текст 2, показала значительно более высокий уровень понимания изучаемого явления.

Список литературы

1. Казанцева Е.А. Особенности современного педагогического дискурса // Успехи современной науки. Том 2, №1, 2017. С. 22-24.
2. Казанцева Е.А. Я влюблен в английский. Учебник для вузов. Уфа, 2007. 383 с.
3. Карасик В. И. О типах дискурса [Текст] // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. – Волгоград, 2000а. – С. 5-20.
4. Кочеткова Т.В., Черненко Ю.В., Бугаева И.О., Дорогойкин Д.Л. Речевое мастерство педагога высшей школы. Саратовский научно-медицинский журнал 2016; 12 (1): 82-86.
5. Сулейманова А.К., Фаткуллина Ф.Г. Проблемы и перспективы развития российских вузов в современном образовательном пространстве // Модернизация высшего образования в России: Опыт истории и векторы развития. Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. С. 172-177.
6. Фаткуллина Ф.Г. Категория деструктивности в современном русском языке. Дисс... докт. филол. наук. Уфа, 2002. 343 с.
7. Фаткуллина Ф.Г., Батыршин Ш.Ф. Психолого-педагогическая компетентность преподавателя вуза // Международный студенческий вестник, №5, Ч.3, 2016. С.451-454.
8. Хайбулина Х.Н., Фаткуллина Ф.Г. Краткий психолого-филологический словарь «Психология тревожной личности». Уфа: РИЦ БашГУ, 2013. 96 с.
9. Kazantseva E.A., Valiakhmetova E.K., Minisheva L.V., Anokhina S.Z., Latypova E.M. Survey-Based Study of Motivation and Attitude to Learning a Second Language at Ufa State University of Economics and Service // Global Media Journal. 2016. № S2:8. P.1-9.

10. Flyuza Fatkullina, Eugenia Morozkina, Almira Suleimanova. Modern higher education: problems and perspectives // Procedia – Social and Behavioral Sciences (2015) pp. 571-577 http://authors.elsevier.com/TrackPaper.html?trk_article=SBSPRO26772&trk_surname=Fatkullina [электронный ресурс] URL: <http://engblog.ru/present-perfect>

ПРИРОДА ЗЕВГМЫ. ЕЕ ПОЯВЛЕНИЕ И УПОТРЕБЛЕНИЕ В РЕЧИ

Камышинская А.Е.

ассистент кафедры английского языка и методики преподавания,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, г. Белгород

Федорова И.А.

ст. преподаватель кафедры английского языка и методики преподавания,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, г. Белгород

Сахарова О.С.

ассистент кафедры английского языка и методики преподавания,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, г. Белгород

В статье рассматривается зевгма как выразительное средство языка, в основе которого лежит игра слов. Данная фигура определяется как разновидность силлепсиса, грамматическое согласование двух слов, которые обладают оппозитивными силами. По мнению некоторых лингвистов, зевгма представляет синтаксическую конструкцию, обладающую значительной экспрессивной потенцией.

Ключевые слова: зевгма, синтаксическая конструкция, значение, силлепсис, подчиняющее слово, художественная речь.

Такую стилистическую фигуру как зевгма учитывают, когда предметом исследования являются игра слов, прием перечисления, окказиональное сочинение, синтаксическая конвергенция («группа из нескольких совпадающих по функции элементов, объединенных одинаковым синтаксическим отношением к подчиняющему их слову или предложению» [1, с. 258]), семантические сдвиги. Однако до сих пор нет полной ясности относительно сути и сфер использования этой риторической фигуры. Ученые-стилисты дают различные трактовки данному явлению. Например, И. В. Арнольд определяет зевгму как разновидность силлепсиса. Автор определяет силлепсис как «объединение двух или более однородных членов, так или иначе различающихся в грамматическом отношении» [1, с. 259].

Иногда силлепсисом называются также «конструкции с неординарными связями подчиненных элементов с общим подчиняющим словом, создающие таким образом комический эффект»: *It was full of puns and epigrams and funny twists that brought down the house* [6, с. 58]. Именно эту разновидность силлепсиса И.В. Арнольд называет зевгмой.

Зевгма также определяется как «прием, который состоит в грамматическом связывании двух или нескольких существительных с одним глаголом или одним прилагательным, логически относящихся лишь к одному из существительных» [2, с. 59]. Итак, зевгма – это грамматическое согласование двух слов, которые обладают оппозитивными силами, например, «абстрактное» и «конкретное». Согласно данной трактовке зевгма представляет синтаксическую конструкцию, обладающую значительной экспрессивной потенцией. М.Д. Кузнец и Ю.Н. Скребнев дают следующее определение зевгмы: «Зевгма – это сочетание многозначного слова одновременно с двумя или несколькими другими в разных смысловых (а нередко и синтаксических) планах, вместо повторения его в каждом из сочетаний по отдельности» [3, с. 72].

В чисто грамматическом плане зевгма рассматривается как отсутствие повтора, продиктованное лишь стремлением к языковой экономии. Приведем одно такое определение: «Зевгмой называется конструкция, при которой в нескольких следующих друг за другом и одинаково организованных высказываниях один из членов предложения употребляется только раз» [2 с. 59]. В качестве примера можно привести следующее предложение: *Dora, plunging at once into privileged intimacy and into the middle of the room* (B. Shaw). «To plunge» (into the middle of the room) означает стремительно войти, вбежать в центр комнаты. Здесь этот глагол используется в его конкретном, начальном, буквальном значении; в словосочетании «to plunge into privileged intimacy» глагол «to plunge» употребляется в переносном значении.

По мнению И.Р. Гальперина, зевгма – это «сильный и эффективный прием, который помогает подчеркнуть чистоту начального, буквального значения, когда два значения соединяются, совпадают» [4, с. 150].

Существующие определения зевгмы в целом адекватно описывают один и тот же лингвистический объект, однако не могут считаться безусловно удовлетворительными: они либо опускают какие-то существенные моменты, либо, стремясь к полноте, вводят в дефиницию описание возможных семантических и морфо-синтаксических моделей реализации этой фигуры. Следует отметить, что суть зевгматической конструкции состоит в том, что, не нарушая синтаксической связанности текста, она нарушает более или менее резко его смысловую связанность.

По мнению Э.М. Береговской, зевгма как стилистический прием родилась из языковой ошибки в спонтанной речи – из нарушения стандартной семантической сочетаемости. Причиной речевой ошибки не обязательно является семантический сдвиг. Зевгма появляется в расхожей шутке, в спонтанной речи острословов как неожиданный поворот в диалоге. Из бытовой речи зевгма переходит в художественную, прежде всего как имитация забавной речевой ошибки. В прямой речи возможна и другая ситуация: персонаж употребляет зевгму, осознавая производимый ею комический эффект.

В авторской речи зевгма способна передавать оттенки комического – от мягкого юмора и непритязательного забавного бурлеска до сатиры. Очень часто зевгма, в которой ядерное слово одновременно входит во фразеологию

ческое сращение и фразеологическое единство, создает выразительный коллективный портрет снобов, высокопарно, претенциозно ведущих абсолютно бессодержательные разговоры [2, с. 64].

Зевгму можно также встретить в разных функциональных стилях, например, в эпистолярном, в научном стиле (гуманитарные науки), в публицистическом. Но в рамках всех этих стилей зевгма встречается чрезвычайно редко.

Стихия зевгмы – художественная речь. Однако здесь зевгма – явление редкое. Но есть писатели, поэты, прозаики (Ч. Диккенс, Беллок, О. Генри, Г. Гейне, Р. Роллан, Э. Базен, Ж. Превер, А. Вознесенский), которых привлекает внутренняя семантическая асимметрия этого языкового приема, подчеркнутая его внешней симметричностью. У О. Генри то и дело встречаются в новеллах констелляции зевгм. Пристрастие к зевгме становится одним из характерных, релевантных признаков индивидуального стиля. Рассмотрим пример: *Bob Tibtball opened the sack and drew out double handfuls of the meal packages of currency and the one sack of gold and chuckled with the glee of a child* [5, с. 282], где «to draw out» в первом случае означает «вытрусить горсть мелочи», во втором же случае – это «достать мешок золота».

Таким образом, можно предположить, что зевгма становится признаком индивидуальности стиля писателя. При этом зевгматическая конструкция занимает различные позиции внутри высказывания и имеет свои характерные признаки.

Список литературы

1. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: Учебник для вузов – 4-ое изд., испр. и доп. – М: Финита: Наука, 2002. – 384 с.
2. Береговская Э.М. Проблемы исследования зевгмы как риторической фигуры // Вопросы языкознания, 1985. – № 5. – С. 59-67.
3. Кузнец М.Д., Скребнев Ю.Н. Стилистика английского языка: Пособие для студентов педагогических институтов. – Л.: 1960.
4. Гальперин И.Р. Стилистика английского языка. Учебник. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Высшая школа, 1977. – 332 с.
5. Henry O. Selected Stories. – М.: Progress, 1977. – 376 p.
6. Henry O. The Skylight Room and Other Stories. – Moscow: Higher School, 1972. – 166 p.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ЯЗЫК ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Караева А.А.

магистрант кафедры русской филологии и методики преподавания русского языка факультета филологии и журналистики, канд. юрид. наук, Оренбургский государственный университет, Россия, г. Оренбург

В статье рассматривается вопрос о понятии профессионального языка, как в общем, так и применительно к правовой сфере. Автором проведен анализ мнений ученых лингвистов относительно понятия «профессиональный язык», а также вопрос о соотношении дан-

ного понятия с понятием «язык специальности». В заключении автор приходит к выводу о понятии и отличительных особенностях профессионального языка юриспруденции.

Ключевые слова: профессиональный язык, профессиональная деятельность, специальность, язык специальности, термин, образование, правовая сфера.

В современных условиях развития науки и техники интерес к исследованию профессиональной лексики той или иной области знания постепенно возрастает. Пристальное внимание к языку различных профессий обусловлено, прежде всего, тем, что профессиональная лексика занимает важное место в системе общенационального языка. В результате развития науки различных отраслей происходит постоянное расширение терминологического состава языка, что соответственно влечет за собой необходимость инвентаризации, унификации и кодификации лексических единиц языка той или иной области.

Человек помимо естественного (разговорного) языка в своей профессиональной деятельности пользуется дополнительным языком – профессиональным, который состоит из специфических терминов, употребляемые в определенной сфере общения и характерен для определенной профессии. К таким языкам относится язык юристов.

Прежде чем рассмотреть понятие «профессиональный язык» в сфере юриспруденции, проанализируем мнение ученых лингвистов о профессиональном языке в общем, а также рассмотрим соотношения данного понятия с языком специальности.

По мнению М.И. Солнышкиной и Н.Р. Латыпова, профессиональный язык не является языком в полном смысле слова, т.к. им пользуются только отдельные единицы, как правило, профессионалы в какой-либо отрасли. По мнению ученых, входящий в его словарь слова, охватывают не все темы, а только определенные, касающиеся определенной профессиональной деятельности [1, с. 77].

В.П. Коровушкин, под профессиональным языком понимает исторически сложившуюся, устойчивую для данного периода автономная экзистенциальная форма национального языка. Данная форма обладает своей системой взаимодействующих социолингвистических норм и представляет собой совокупность некоторых фонетических, грамматических и преимущественно специфических лексических средств общенародного языка, обслуживающее речевое общение определенного социума и характеризуется единством профессионально-корпоративной деятельности своих индивидов и соответствующей системой специальных понятий [2, с. 12].

М.Д. Гинзбург профессиональный язык определяет как совокупность языковых средств, применяемых для обеспечения взаимопонимания в профессиональном круге общения. Кроме этого М.Д. Гинзбург считает, что в профессиональных языках действуют как общие нормы литературного языка, так и специальные, более жесткие, которые делают специальные тексты однозначно понятными [3, с. 23].

О.М. Боднар дает следующее определение понятию «профессиональный язык» – это совокупность языковых средств, которые используются в

профессиональной области коммуникации для обеспечения взаимопонимания между людьми, работающими в определенной сфере [4, с. 36]. Принадлежность профессионального языка к определенной сфере отмечает в своих трудах и К.Я. Авербух [5, с. 16].

Таким образом, профессиональный язык – это совокупность всех языковых средств, которыми пользуются в определенной отрасли, профессии, рода занятий с целью обеспечения взаимопонимания между людьми, которые работают в одной сфере. Профессиональный язык обеспечивает полное и точное взаимопонимание между людьми и направлен на использование и преумножение знаний в определенной сфере.

Некоторые ученые лингвисты, например В.Д. Бондалетов, Б.А. Серебренников, Л.И. Скворцов, отождествляют профессиональный язык с языком специальности, считая данные понятия синонимами. Так, по мнению Л.И. Скворцова под «профессиональной речью» и «языком специальности» следует понимать речь профессиональных групп или социальных слоев, поставленных в особые условия жизни и общества» [6, с. 87]. Кроме того, по мнению ученого, данные термины взаимозаменяемы. По нашему мнению, данное утверждение является ошибочным, т.к. язык специальности, как верно заметил Т.В. Коломиец, представляет собой совокупность всех языковых средств, обеспечивающих взаимопонимания между людьми в сфере одной специальности» [7, с. 326], а профессиональный язык – совокупность языковых средств, обеспечивающих взаимопонимание между людьми, принадлежавших к одной профессии. Кроме этого язык специальности обеспечивает учебное и научное общение при изучении и обучении определенной специальности в образовательном учреждении на изучаемом языке. На языке специальности закреплена необходимая информация в учебной, научной, справочной и другой литературе, которая используется при изучении определенной специальности.

Сходство языка специальности и профессионального языка состоит только в том, что оба языка являются вторичными, дополнительными к национальному языку и базируются на общем владении языка.

Профессиональный язык юриста – это система терминов и понятий, обозначающие системы и процессы, происходящие в правовой сфере человека и общества. Профессиональный язык юриспруденции в свою очередь можно разделить на общеправовой язык и специальный язык, каждый из которых имеет свои определенные термины. Так к общеправовому профессиональному языку в сфере права можно отнести следующие термины – суд, судья, адвокат (данные термины употребляются в отрасли гражданского, уголовного права и др.), к терминам специального профессионального языка можно отнести – свидетельский иммунитет, следственное действие, преступление и др. (данные термины употребляются в уголовно-процессуальной отрасли).

Значение профессионального языка юриспруденции состоит в том, что он дополняет общенациональный (литературный) язык дополнительными

терминами, словами, что способствует улучшению общения между людьми, представителями одной профессии.

Список литературы

1. Солнышкина М.И., Латыпов Н.Р. Русская морская культура и ее отражение в профессиональном языке // Русский язык в школе. 2007. №3. С. 77-78.
2. Коровушкин В.П. Контрастивная социодialeктология как автономная лингвистическая дисциплина // Язык в современных общественных структурах (социальные варианты языка – IV): материалы междунар. науч. конф., 21–22 апреля 2005 г. Н. Новгород, 2005. С. 12.
3. Гинзбург М.Д. Семь основных особенностей профессиональных языков, отличающих их от общеупотребительного языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 31 (322). С. 23.
4. Боднар О.М. О понятии «профессиональный язык» в современной лингвистике // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 2(32). С. 36.
5. Авербух К. Я. Общая теория термина. М., 2006. 252 с.
6. Скворцов И.Л. Взаимодействие литературного языка и социальных диалектов: дисс. ... докт. филолог. наук. Краснодар, 1994. 322 с.
7. Коломиец Т. В. Язык специальности как фактор профессионального развития студентов-фармацевтов при изучении английского языка // Теория и практика образования в современном мире: материалы междунар. науч. конф. (февраль 2012 г.). СПб., 2012. С. 325-328.

КИТАЙСКАЯ НАУКА О ЯЗЫКЕ В КОНЦЕ XIX ВЕКА

Кирюхина Л.В.

старший преподаватель кафедры востоковедения и регионоведения АТР,
Иркутский государственный университет, Россия, г. Иркутск

В статье представлены достижения традиционной китайской филологии, а также результаты исследований западных учёных-синологов на конец XIX в. Показано, как общественные изменения в жизни китайского общества в XIX в. повлияли на развитие китайского языкознания, ознаменовав переход от классического этапа к современному.

Ключевые слова: китайское языкознание, грамматика, китайский язык.

Китайская филологическая традиция, зародившаяся ещё во времена Западной Чжоу, долгое время развивалась практически самостоятельно (некоторое влияние на неё оказала лишь индийская лингвистическая традиция). Однако в XIX в., благодаря распространению в Китае знаний о достижениях западной науки, ситуация коренным образом меняется. Эти изменения были обусловлены историческим контекстом. «Насильственное «открытие» Китая колониальными державами Запада в середине XIX в. положило начало новой эпохе в истории этой древней страны... вторая половина XIX в. ознаменовалась радикальными переменами во всех сферах жизни китайского общества» [1, с. 14]. Коснулись эти перемены, конечно, и науки о языке.

В рамках классической китайской филологии исследователи главным образом занимались изучением письменного знака (иероглифа). Таким обра-

зом, развивались следующие направления: комментирование древних текстов (схолиастика), лексикография, грамматология (изучение структуры иероглифических знаков), фонология.

Исследовательские труды китайских филологов традиционного этапа языковедческой науки зачастую были выполнены в лексикографической форме: создавалось множество толковых словарей, словарей рифм. На начальном этапе развивалась исключительно схолиастика, это было связано с тем, что классические конфуцианские каноны становились всё менее понятными и требовали некоторых разъяснений. В 100 г. Сюй Шэнем 许慎 в словаре 《说文解字》 *Шо вэнь цзе цзы* («Объяснение простых и толкование сложных знаков») были заложены основы грамматологии: в этой работе была предложена классификация иероглифов по шести категориям, а также выделены 部 *ключи* (смысловые компоненты иероглифических знаков). Значительные успехи были достигнуты в области фонетики: для указания чтения иероглифов был разработан метод 反切 *разрезания*; в слоге были выделены инициаль и финаль, тон; слоги были систематизированы по помощи фонетических таблиц; также удалось реконструировать произношение древнекитайского языка. В области грамматики основным достижением китайских филологов является деление слов на знаменательные и служебные. Начиная с XIV в. появляются работы, посвящённые исключительно описанию и классификации служебных слов. Можно сказать, что это было основным направлением грамматических исследований вплоть до конца XIX в.

Изучение китайского языка европейскими учёными начинается благодаря миссионерам. В XVII в. итальянцем Маттео Риччи были составлены двуязычные словари, а также разработана система транскрипции китайских слов на основе латинского языка. Немного позднее француз Никола Триго также указывал чтение при помощи букв латинского алфавита. В XVIII в. составляются китайские грамматики. Первая такая грамматика – «Arte de la Lengua Mandarina» («Искусство мандаринского языка») Франциско Варо, законченная в 1680 г., но изданная в 1703 г. Эта и некоторые последующие грамматики были написаны в духе «Общей и рациональной грамматики Пор-Рояля»: то есть авторы находили в китайском языке те же универсальные категории, которые имеются в европейских языках (например, лицо, число, падеж).

В грамматиках XIX в. авторы рассуждают о слове в китайском языке, о проблеме частей речи. Это такие грамматики, как «Les élémens de la grammaire chinoise» («Элементы китайской грамматики») Абель Ремюза (1822 г.), «A Grammar of Colloquial Chinese: As Exhibited in the Shanghai Dialect» («Грамматика разговорного китайского языка: шанхайский диалект») Джозефа Эдкинса (1868 г.), двухтомный труд «Syntaxe nouvelle de la langue chinoise» («Новый синтаксис китайского языка») Станисласа Жюльена (1869 г.) и другие [2, 46-49].

Как видим, к концу XIX в. западными учёными было уже написано немало работ по грамматике китайского языка. Возможно, образованные ки-

тайцы были знакомы с этими трудами, поскольку в то время в портах, открытых для иностранных судов, существовали многочисленные общины европейцев. «Эти общины, имевшие свои клубы, различные общественные ассоциации, типографии, газеты, стали проводниками западного влияния в Китае и играли заметную роль в жизни китайского общества [1, с. 16].

Конец XIX в. – переломный момент для китайского языкознания. В это время появляются проекты алфавитной письменности для китайского языка. Алфавитная письменность не должна была заменить иероглифическую, но предполагалось, что она будет способствовать устранению неграмотности среди населения. Таких проектов было множество, причём разрабатывались они не только на основе пекинского произношения, но и на основе диалектов.

Событием, ознаменовавшим переход науки о языке в Китае на новый уровень, стал выход в свет первой грамматики, написанной китайским автором. Она называлась *《马氏文通》* *Ма ши вэнь тун* («Грамматика письменного языка, написанная Ма»). Её автор Ма Цзяньчжун 马建忠 (1845 – 1900) учился в Шанхае во французской католической школе, знал иностранные языки. В 1875 – 1879 гг. в Париже изучал международное право, стал первым китайцем, получившем во Франции степень бакалавра. Вероятно, там он познакомился с идеями универсальных грамматик, а также с работами европейских учёных, посвящённых грамматике китайского языка. Ма Цзяньчжун видел, что в Европе даже дети с лёгкостью осваивают грамматику своего и других языков, хотел того же и для Китая.

《马氏文通》 *Ма ши вэнь тун* вышла в 1898 г. В своей работе Ма Цзяньчжун говорит о частях речи в китайском языке (такого не было в традиционной китайской филологии), о переходности и непереходности глаголов, падежах существительного (падежом для него была позиция, которое слово занимает в предложении), членах предложения и многом другом. Следуя идеям своих китайских предшественников, Ма Цзяньчжун делит слова на знаменательные и служебные, подробно описывает особенности употребления последних (как и делали ранее китайские учёные при составлении словарей служебных слов). Таким образом, в своём труде Ма Цзяньчжун соединил достижения европейской и китайской науки. После выхода *《马氏文通》* *Ма ши вэнь тун* грамматика в Китае начинает стремительно развиваться и становится основным направлением лингвистических исследований.

«Новые представления в фонетике и развитие грамматики явились непосредственным результатом распространения в Китае пришедших с Запада современных научных знаний. С начала XX в. китайское языкознание уже не может рассматриваться изолированно, оно становится частью мировой науки о языке» [3, с. 247]. Политические, общественные изменения в Китае затронули и науку о языке, которая перешла на новый, современный этап своего развития.

Список литературы

1. Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Этническая история китайцев в XIX – начале XX века. М.: «Наука». Издательская фирма «Восточная литература», 1993. 413 с.

2. Щичко В.Ф., Радус Л.А., Абдархимов Л.Г. Курс лекций по истории китайского языкознания. М.: Издательство ВКН, 2015. 192 с.

3. Яхонтов С.Е. История языкознания в Китае (XI – XIX вв.) // История лингвистических учений. Средневековый Восток. Л.: «Наука». Ленинградское отделение, 1981. С. 224-247.

ПОВТОР И ПЛЕОНАЗМ В КИТАЙСКО-КИРГИЗСКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ СООТВЕТСТВИЯХ

Кожоева Г.Ж.

доцент кафедры киргизского языкознания, кандидат филологических наук,
Ошский государственный университет, Киргизия, г. Ош

Статья посвящена сравнительной характеристике повторов и плеонастических образований в китайском и киргизском языках. В ней рассматриваются этимологически идентичные корни двух языков.

Ключевые слова: повтор, плеоназм, китайский язык (ханью), киргизский язык, этногенетические связи.

Мы употребляем термины редупликация, удвоение и повтор как взаимозаменяемые обозначения.

В китайском языке широко представлено удвоение корней и слов. С этим явлением соприкасается плеоназм, называемый также периссологией и обозначающий избыточность выражения смысла с помощью синонимических единиц языка.

В китайском и киргизском языках много общих лексем с повторяющимися и плеонастическими элементами. Эти примеры свидетельствуют об этногенетических и социокультурных связях носителей сравниваемых языков [1, с. 16-25; 2, с. 14-128; 3, с. 307-312; 4, с. 6-11].

В китайском языке есть слово *tò* в значении «молчать, безмолвствовать, молча, молчаливо; без слов в уме, про себя, не подавать голоса, беззвучно, безгласно, тихо, без шума; молчание, безмолвие», совмещающее функции разных частей речи, поскольку в этом языке части речи не разграничиваются. Оно напоминает киргизское *моо* «молчаливый, скромный, тихий, необщительный». Последнее, в отличие от китайского слова, имеет в своем составе долгий гласный и употребляется только в атрибутивной функции. Его китайский эквивалент имеет широкую функциональную сферу и содержит в себе не только адъективные, но и глагольные, субстантивные и наречные значения. При повторе его семантика сужается: *tòtò* «молча, без слов, беззвучный». Удвоение киргизского корня существенно меняет первичное значение: объективность преобразуется в процессуальность: *момой* «прикидываться овечкой, показываться смирным, послушным». В нем слогообразующий гласный теряет свою долготу. Ср.: *момойгон* «прикидывающийся овечкой, показывающийся тихим, послушным», *момоюн* «прикидываясь овечкой, показываясь смирным, тихим» и т.д. [2, с. 303].

Китайские слова *tán* «медленный, медлительный, неторопливый, медленно, нетерпеливо, тихо, не спеша; ленивый, нерадивый, небрежный; напрасный, тщетный, понапрасну, зря; отставать, идти медленно, медлить, не торопиться, погодить» и *tántán* «медленно, неторопливо, не спеша, исподволь, потихоньку, понемногу, постепенно», имеющие как общие, так и частные значения, соотносятся с киргизскими лексемами. В киргизском языке *маң* (*болуу*) передает значения «растеряться, расстроиться, проявлять нерешительность, медлительность», а *маң-маң* (*басуу*) – «ступать медленно и размеренно (о верблюде)». В отличие от китайских соответствий, в последних примерах доминируют семы процессуальности.

В обоих случаях киргизские примеры, являющиеся идиомами, содержат более узкую сферу употребления, чем китайские.

Иногда повтор отмечается только в одном из сравниваемых языков: кит. *lá* «болтать, балакать, разговаривать» и кирг. *ла-ла* «болтовня», кит. *lù* «белая цапля, белый, как перья цапли» и кирг. *илегилек* «белый аист», кит. *liù* «улитка» и кирг. *үлүл* «улитка», кит. *tái* «топтать ногами, попирать ногами» и кирг. *тай-тай* (возглас, подбадривающий начинающего ходить ребенка) и т.д.

Кирг. *чымчым* (повтор) «щепотка, ничтожное количество, клок (чего-либо)», *чымчы-/чымчуу* «щипать, ущипнуть, брать щепоткой», *чымчуур* «щипцы», *чым этип* «вздремнув» – кит. 1) *сиб* «щепотка, горстка, ничтожное количество»; 2) *сиб/сид* «брать пальцами, брать щепоть; собирать в кучу, сгребать в одно место; собирать вместе, соединять в одно целое, связывать».

Киргизская корневая морфема *кай-*, *кей-*, *көй-*, *гөй-* в словах: 1) *кайгы* «печаль, тоска, забота», *кайгыр-/кайгыруу* «печалиться, горевать; печаль, горе»; 2) *кейи-/кейүү* «горевать, огорчаться, сетовать», *кейиши* «огорчение, печаль», *кейин-/кейинүү* «говорить огорченно, выражать сожаление», *кейиштүү* «тяжелый, полный огорчений; нерадостный, несчастливый, бедственный (о жизни)»; 3) *көй* «страдание, чувство сожаления» (*көйгө салып* «заставив страдать»), *көйгөк болуу* «вредить, приносить вред, сильно мешать»; 4) *гөй-гөй* «страдание, беда, несчастье, бедствие; жизненные трудности, бытовые проблемы, несчастливая жизнь» соответствует китайским слогам: 1) *hài* «вред, ущерб, вредоносный, вредный; беда, несчастье, бедствие, гибель, трудность, гибельный, жизненно-важное место, стратегически важный пункт, вредить, губить, увечить; мешать, портить, срывать, завидовать; страдать, болеть, быть подверженным (болезни), чувствовать, ощущать»; 2) *gài* «скорбеть, печалиться»; 3) *kǎi* «печалиться, вздыхать, скорбеть, возмущаться, негодовать». Как видим, в киргизском языке имеет место повтор одного из фонетических вариантов древнего корня со значением «страдание, беда, несчастье, бедствие; жизненные трудности, бытовые проблемы, несчастливая жизнь».

Киргизский корень *эр-* соответствует китайскому корню *rè* «горячий, теплый, ласковый, любящий, близкий, пылкий, страстный; горячо, сильно, под горячую руку; разгореться, сблизиться, сдружиться, сойтись; тепло, теп-

лота» и встречается в составе следующих слов: *эрк* «воля», *эркин* «свободный, свободно», *эрке* «баловень, неженка, балованный, избалованный, изнеженный, ласковый, любимый», *эркеле-/эркелөө* «наслаждаться, нежиться, вести себя вольно» и т.д. Этот корень представлен в повторе *эпер-* в слове *эперкелөө* «наслаждаться, нежиться; почувствовать обиду, притворяться обиженным», что свидетельствует о факультативности *-к* в корневой морфеме и о том, что в китайско-киргизских эквивалентах имеет место метатеза: *эр – рэ* [2, с. 430].

Теперь приведем некоторые примеры из сравниваемых языков, демонстрирующие наличие плеонастических образований в одном языке с точки зрения другого. Например, носитель киргизского языка не чувствует излишества в слове *бакан* «средняя подпорка в юрте, подпорка, шест; шест, которым поднимают кошмы и верхнюю часть остова юрты; дубина, дубинка, коромысло». Китайский язык легко объясняет происхождение этого слова. Сочетание слогов *bà* «черенок, ручка, рукоятка» и *gān/gǎn* «палка, жердь, шест, столб, древко, рукоятка, рычаг», *gān* «шест, жердь, палка», вероятно, могло послужить исходом приведенного киргизского слова. Точно также можно объяснить этимологию киргизского слова *бака* «лягушка», которое состоит из двух наименований с точки зрения китайского языка [2, с. 741]. В ханью *wā* «лягушка, лягушачий; непристойный, вульгарный (о музыке)» и *há* «лягушка». Киргизский пример как бы связывает последние два слога: *бака* из *wā + há*. Иначе говоря, мы склоняемся к выводу о том, что киргизское слово *бака* представляет собою плеоназм, т.е. семантическое удвоение, и возникло в результате сочетания двух синонимичных слогов китайского языка [2, с. 722].

Киргизское слово *сулуу* «красивый, прекрасный, прелестный» (казах. *сулу* то же) соответствует китайскому *xìulì* [сюли] «прекрасный, очаровательный; красота, прелесть», состоящему из двух компонентов: *xìu* «прекрасный, цветущий, красивый» и *lì* «красивый, прекрасный, прелестный, изящный; прелесть, красота». В киргизском слове выпал первый компонент дифтонга *ìu*, а второй компонент дифтонга уподобил себе гласный звук второго слога. Иначе говоря, звуковой облик слова *сулуу* в киргизском языке является результатом действия двух фонетических процессов – диерезы и регрессивной ассимиляции [2, с. 603].

Китайское сложное слово *jīngshēn* «дух, душа, интеллект, ум, психика; духовный, душевный, интеллектуальный, моральный; душевные (моральные) силы, моральное состояние, дух, бодрость, присутствие духа, живость, воодушевление, энергия; дух, суть, сущность, (основная) идея; живой, полный жизни, жизнерадостный, добрый, одухотворенный, одушевленный, цветущий, пышущий здоровьем, прелестный, со вкусом, быть на чеку, быть внимательным», вероятно, состоит из двух слогов: *jīng* «дух, душа, энергия, (духовные) силы, сперма, семья; привидение, призрак; чистый, без примеси, отборный, лучший, точный, искусный» и *shén* «дух, добрый дух, гений, небо-

житель, святой; относящийся к духам, сверхъестественный, чудесный, непостижимый, таинственный, магический, волшебный, сказочный, гениальный; божество, бог, боги, божественный; дух, душа, духовное начало, разум, интеллект, характер, психика, нервы; состояние духа, настроение, духовный, душевный, психический, одухотворенный; проявление душевной силы, вдохновение; экспрессия, выразительность, внимание; живой, экспрессивный, выразительный; внешний вид, выражение (лица), манеры, облик; показательно, выразительно, тонко». Названным китайским словам в киргизском соответствует существительное *жан* «душа, дух, состояние души, чувства, живой организм, тело, туловище, я (ego), я сам, лично, от души, чистосердечно, от чистого сердца, человек, личность; близость, близко к, около, рядом с, бок, сторона, при, с боку, к»; *жаным* «душа, душенька моя», *алтын жан* «золотая душа», *жаным ооруп турат* «я болею, мне не здоровится, мое тело болит», *жан кошуу* «слиться душой», *жан берүү* «оживить, дать жизнь; умереть», *кайран жан* «милая душа, бедная душа», *жаны менен* «от души, от чистого сердца»; *калп айткан жан эмес* «он человек, который не лжёт», *жанымда* «при мне, со мной, около меня». Таким образом, сочетание двух синонимических корней китайского языка, являвшихся идентичными этимологически с точки зрения киргизского корня *жан*, содержит близкую и абстрактную семантику, конкретизируемую в каждом конкретном случае своего употребления [2, с. 580-581].

Таким образом, в китайском и киргизском языках широко встречается повтор как стилистическая фигура. К повтору примыкает явление плеоназма, представляющего собою сочетание близких или тождественных по смыслу слов. В киргизском языке много таких слов, которые являются плеоназмами с точки зрения китайского языка и избыточность которых не чувствуется носителями этого языка.

Список литературы

1. Зулпукаров К.З., Зулпукарова М.А. Об этногенетических и социокультурных связях ханзу и киргизов по данным языка // Вестник Ошского государственного университета. – 2014. – №2. – С. 16-25.
2. Зулпукаров К.З. Введение в китайско-киргизское сравнительное языкознание. – Бишкек, 2016. – 768 с.
3. Зулпукаров К.З., Амиралиев С.М. Проте́за в киргизско-китайских лексических соответствиях // Материалы международной научно-практической конференции «Современные проблемы тюркологии: язык – литература – культура», 17-18 ноября 2016 года, г. Москва. – М.: Издательство РУДН, 2016. – С. 307-312.
4. Кожоева Г.Ж. Повтор как стилистическая фигура. – Ош, 2014. – 172 с.

РЕДУПЛИКАЦИЯ В ДУНГАНСКОМ ГОВОРЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА**Кожоева Г.Ж.**

доцент кафедры киргизского языкознания, кандидат филологических наук,
Ошский государственный университет, Киргизия, г. Ош

Статья посвящена описанию своеобразия повтора в дунганском говоре северного диалекта китайского языка, его роли в смыслообразовании и тонообразовании.

Ключевые слова: китайский язык (ханью), кириллица, редупликация, повтор в дунганском говоре ханью, тон и ударение.

Редупликация – распространенный способ образования новых лексических единиц и словоформ в языке.

Редупликация может быть частичной или полной. При частичной редупликации удваиваются только начальные слоги, при полной – корневые морфемы и целые слова. Удвоение всего слова является предельным случаем редупликации.

Известно, что в понимании сущности редупликации нет единого мнения, о чем свидетельствует как многообразие терминов обозначения: удвоение, повтор, повторение, редупликация, дубликация, мультипликация, словоудвоение и т.д., так и отсутствие общего определения соответствующего понятия. Спорным остается статус удвоения и его место среди других языковых приемов [1, с. 238; 2, с. 408; 4, с. 76; 6, с. 5].

В языках Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока удвоение выступает в качестве одного из основных способов образования новых слов и выражения различных добавочных значений в слове. В этих языках повтор обладает универсальностью и широтой распространения. Поэтому Э. Сепир имел все основания заявить об общекатегориальном характере повторения. «Нет ничего более естественного, чем факт широкого распространения удвоения, иными словами, повторения всего или части корневого элемента. Этот процесс обычно используется с самоочевидным символизмом для обозначения таких понятий, как распределение, множественность, повторность, обычность действия, увеличение в объеме, повышенная интенсивность» [5, с. 59]. Как видим, Э. Сепир рассматривает удвоение как универсальное, общеязыковое явление.

Мы употребляем термины редупликация, удвоение и повтор как синонимы.

Сначала опишем некоторые особенности редупликации в дунганском говоре северного диалекта ханью (китайского языка). При этом для передачи тоновых различий дунганских слов мы употребляем дополнительные надстрочные знаки. В китайском языке различаются ровный, нисходящий, восходящий и нисходяще-восходящий тоны (в дунганском говоре только первые три). Дунгане, проживающие в Киргизии, пользуются кириллицей.

В данной работе мы проследим закономерности распределения ударения только в удвоенных словах в зависимости от тонов их составных компонентов.

При редупликации в дунганском говоре ханью встречается два вида ударения.

Двусложное слово всегда имеет ударение на втором слоге, если это образовано в результате удвоения односложного слова ровного, относительно длительного тона: *бā* – *бабā* «дядя», *вāн* – *ванвāн* «кривой», *бō* – *бобō* «узлы», *вē* – *вевē* «ямки», *гē* – *гегē* «брат», *гун* – *гунгун* «свекор», *пē* – *пепē* «свекровь», *мā* – *мамā* «мама», *дā* – *дадā* «отец», *дуй* – *дуйдуй* «кучи», *ē* – *еē* «дедушка», *жē* – *жежē* «складки», *кын* – *кынкын* «яма», *лын* – *лынлын*, «бугры», *лēн* – *лēнлēн* «возвышенности», *нīн* – *ниннīн* «крученный», *тā* – *татā* «пачки», *хō* – *хохō* «канавки», *цō* – *цоцō* «канавки», *цын* – *цынцын* «слои» и т.д.

Универсальное предназначение редупликации проявляется в том, что многие из приведенных двусложных слов предполагают перевод на русский язык формами существительных множественного числа.

Чем же объясняется изменение тонов в двусложных повторяющихся словах? Это явление, вероятно, связано с тем, что в пределах одного слова при контактировании двух одинаково слабых тонов первый покрывается вторым: при последовательном их произнесении после «затухания» первого слога начинается звучание второго, и с тем, что невозможно произнести в одном слове подряд два слога одинакового тона с одинаковой силой, что могло бы привести к нарушению целостности слова и возникновению слишком большой паузы между слогами. Ср., например: *кынкын* «ямы» и *кынкын* «яма, яма», *дадā* «отец» – *дāдā* «отец, отец». Вторые двудударные слоги искусственны, предполагают паузы между слогами и создают впечатление, свойственное для двух односложных слов [4, с. 77].

Двусложное слово всегда имеет ударение на первом слоге, если оно образовано в результате редупликации односложного слова нисходящего и восходящего тона. Приведем и прокомментируем отдельные примеры:

1) *бāн* – *бāнбан* «твёрдый», *бō* – *бōбо* «досыта», *бя́н* – *бя́нбян* «плоский», *вāн* – *вāнван* «пиалка», *гì* – *гìги* «отдать», *жìн* – *жìнжин* «срочно», *жè* – *жèже* «сестра», *зō* – *зōзо* «рано», *зú* – *зúзу* «предки», *кāн* – *кāнкан* «густо», *мэ́* – *мэ́мэ* «торговля», *нэ́* – *нэ́нэ* «бабушка»;

2) *бōн* – *бōнбон* «продолговатый», *бу́* – *бу́бу* «на каждом шагу», *бя́н* – *бя́нбян* «каждый раз», *вā* – *вāва* «канавки», *гуāн* – *гуāнгуан* «банки», *гэ́* – *гэ́гэ* «корка», *дā* – *дāда* «с размахом», *дāн* – *дāндан* «жиденъко», *дō* – *дōдо* «полосы», *зú* – *зúзу* «морщины», *лю́* – *лю́лю* «полосы», *нīн* – *нīннин* «насильно» и т.д.

При редупликации происходит столкновение двух одинаково сильных тонов – нисходящего и нисходящего, восходящего и восходящего, когда предыдущий тон подавляет последующий. При последовательном произнесении тонов звучание последующего тона начинается почти сразу и после

момента наибольшего звучания предыдущего и, естественно, покрывается последним. И здесь попытка произнести два одинаковых слога с одинаковой силой привела бы к нарушению звукового единства слова, к акустическому разрыву между слогами в виде паузы и созданию слухового впечатления, характерного для двух односложных слов.

Таким образом, повтор в дунганском слове играет важную смыслообразующую и тонообразующую функцию.

Список литературы

1. Блумфилд Л. Язык. – М., 1968.
2. Большой энциклопедический словарь. Языкознание / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М., 2000.
3. Зулпукаров К.З. Введение в китайско-киргизское сравнительное языкознание. – Бишкек, 2016.
4. Имазов М.Х. Взаимобусловленность тонов и ударения в дунганских двусложных словах // Известия Академии наук Республики Кыргызстан. Общественные науки. – 1991. – №1.
5. Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи. – М.; Л., 1934.
6. Цыкин В.И. Именное словопроизводство в китайском языке: Автореф. дис. канд. филол. наук. – М., 1979.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МАТЕРИАЛЬНЫХ И НЕМАТЕРИАЛЬНЫХ ФОРМ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ УЧЕБНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕМ ВУЗА НА ЗАНЯТИЯХ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Кравец Е.Е.

доцент кафедры иностранных языков и
новейших технологий их преподавания, канд. пед. наук,
Житомирский государственный университет им. Ивана Франко,
Украина, г. Житомир

В статье обосновано мнение, что интенсификация информационных потоков как один из главных факторов вхождение мира в эру глобального информационного общества актуализирует проблему организации образовательного информационного пространства на занятиях иностранного языка в ВУЗе. Предлагается использовать материальные и нематериальные формы подачи информации преподавателем с целью повышения уровня владения иностранными языками среди студентов неязыковых факультетов.

Ключевые слова: материальные и нематериальные формы, информация, учебная информация, преподаватель вуза, структурирование.

Стратегическое направление в украинской высшей школе определяется сегодня программой вхождения в общеевропейское образовательное пространство, формирующееся на принципах Болонского процесса. Коренные изменения в системе образования требуют повышения уровня владения иностранными языками среди студентов неязыковых факультетов с целью их дальнейшей самореализации на рынке труда в Европейском пространстве [1].

На данном этапе развития педагогического образования в нашей стране происходит интерпретация общественно-государственного заказа, и определяются приоритеты профессионально-педагогической деятельности преподавателя в работе с учебной информацией [2]. Это предопределяет переориентацию учебно-профессиональных задач педагога в рамках информационно-образовательного пространства на совершенствование информационного взаимодействия со студентами. Ознакомление с результатами теоретического анализа и практическим опытом профессионально-педагогической деятельности преподавателей высшей школы в контексте данной проблемы позволило выявить следующие противоречия:

– между увеличением объема профессионально-педагогической информации и активным использованием преподавателем традиционных технологий ее представления, что ограничивает уровень компетентностной ориентации в современном информационном пространстве;

– между возрастающей потребностью использования педагогической информации в процессе решения учебно-профессиональных задач и отсутствием необходимых для этого педагогических условий в высших учебных заведениях [2].

Одним из путей их преодоления является совершенствование проектной составляющей образовательной деятельности преподавателя высшего учебного заведения при помощи использования средств материальных и нематериальных форм представления учебной информации на занятиях по иностранному языку. Это обеспечит резерв времени для творческого поиска в рамках современного информационного пространства. Следовательно, процесс обучения строится в рамках ответа на вопрос "С помощью чего обучать?". Опираясь на цель и задачи нашего исследования, а также классификацию источников учебной информации, которые помогают преподавателю организовать эффективное усвоение иностранного языка, а будущим специалистам успешно овладеть ею, представим собственную классификацию форм представления информации студентам (см. табл. 1, 2).

Таблица 1

Материальные формы представления учебной информации преподавателем ВУЗА

МАТЕРИАЛЬНЫЕ			
ТЕКСТОВЫЕ	ГРАФИЧЕСКИЕ		ЦИФРОВЫЕ
Письменные	Пиктографические	Изографические	
<p><i>рукописные:</i> планы лекций, практических и семинарских занятий; произведения, письма; - <i>печатные:</i> - <i>макротексты:</i> (раздел учебника, параграф); - <i>микротексты:</i> (отрывок статьи, анкеты, тесты, карты, контрольные и самостоятельные работы, правила, теоремы, законы).</p>	<p>фотография, картина, технический рисунок, скетч, чертежная работа, схема, знаки и символы.</p>	<p>график, гистограмма, диаграмма, таблица, формула, номограмма</p>	<p>цифры разных систем счисления, таблица умножения, арифметический пример, математические знаки и тд.</p>

Таблица 2

Нематериальные формы представления учебной информации преподавателем ВУЗА

НЕМАТЕРИАЛЬНЫЕ			
Текстовые		Звуковые	Визуальные
Устные	Аудио/видео/ ЭВМ тексты		
<i>монологические высказывания</i> (сообщение, описание, объяснение, инструктаж); <i>диалогические высказывания</i> (беседа, диалог, опрос).	<ul style="list-style-type: none"> • <i>учебное кино</i>; -отрывки телепередач, -примеры занятий, что были сняты на видео; • <i>аудиосказки</i>; джазовые ритмы; звуковые письма; сетевые образовательные программы; видео презентации и др. 	<ul style="list-style-type: none"> • <i>сигналы</i> (шумы различного происхождения – бытовые, на улице, сигнал регулировщика и др.); • <i>звуковые формы</i> (шумы различного происхождения – бытовые, на улице, сигнал регулировщика и др.) 	<i>опыты</i> (химических или физических реакций); <i>наблюдения</i> окружающих явлений, муляжи и др. <i>наглядные средства</i> ; <i>пантомима</i> .

Перечисленные выше формы становятся средствами обучения при использовании их преподавателем на занятиях иностранного языка. В методике обучения иностранным языкам к средствам обучения предъявляются определенные требования, а именно: а) выступать главным образом в материальной форме и выполнять свою основную функцию, а именно: а) быть таким средством труда, который обеспечивает реализацию общественной деятельности преподавателя и студентов в процессе обучения иностранному языку; б) быть ориентированными на цели обучения, то есть способствовать достижению поставленной цели в процессе обучения иностранному языку; в) быть инструментами реализации методов и приемов, применяемых в учебном процессе, и обеспечивать управление общественной деятельностью преподавателя и студентов; с) соответствовать современным достижениям методики обучения иностранных языков и обеспечивать реализацию новейших технологий обучения иностранному языку.

Согласно таким критериям, как значимость, назначение и применение технической аппаратуры средства обучения иностранному языку делятся на основные и вспомогательные; для преподавателя и для студента; технические и нетехнические. Рассмотрим характеристику предложенных форм представления учебной информации, опираясь на то, что эффективность выбранной формы зависит от того, насколько она соотносится с характером учебного материала и соответствует типу мышления тех, кто учится.

Одной из важнейших материальных форм представления информации является текст. Это целостная единица, состоящая из коммуникативно-функциональных элементов, организованных в систему для осуществления коммуникативного намерения автора текста, связанного с речевой ситуацией. Текст отражает определенное коммуникативное событие. Поэтому его элементы должны быть соотнесены с отдельными компонентами (или единицами) текста. Выявление единиц текста и их иерархии в общей структуре помогает вскрыть существенные характеристики текста – содержательные, функциональные, коммуникативные. Текст имеет свою микро и макро семантику,

микро и макроструктуру. Текстовая семантика обусловлена коммуникативными задачами передачи информации, а его структура определяется особенностями внутренней организации единиц и закономерностями их взаимосвязи в рамках целостного сообщения. За средствами представления различают языковые, письменные, аудио – и аудио-видео тексты. Они могут быть представлены как в печатном, так и в рукописном виде. Единицами текста на семантико-структурном уровне является высказывание или ряд высказываний, объединенных семантически и синтаксически в единый фрагмент. На композиционном уровне принято выделять абзацы, параграфы, главы, разделы, а также законченные тексты в виде писем, анкет и тому подобное. В работе с информационными источниками преподаватель может использовать как оригинальные тексты (учебные программы, параграфы учебника), так и созданные лично (тексты лекций, сообщений, письма, рекламу, карты, тесты). В процессе изучения иностранного языка в сочетании с аутентичным представлением они создают ощущение естественной языковой среды. Так, использование текста, оформленного в виде газетной статьи, поможет мотивировать студентов, повысит интерес к выполнению определенных задач. Применение текстовых форм позволяет увидеть употребление грамматических времен в связанном и завершеном смысловом плане, увидеть их функционирования в различных жанрах.

Опорный конспект, или лист опорных сигналов (ЛОС) – это построенная по специальным принципам визуальная модель содержания учебной информации. Понятие опорный конспект связано с именем педагога-новатора В.Ф.Шаталова, который впервые начал применять, и дал обоснование ассоциативных опорных конспектов. Опорный конспект – это система опорных сигналов в виде краткого условного конспекта. Эта модель лаконично отражает основные смысловые пункты темы, которая изучается. Использование графических приемов повышает мнемонический эффект. Этот вид преподавания учебной информации принято считать качественно новым этапом в схематизации учебного материала. Он в большей степени, чем любая другая схема, учитывает психологические особенности восприятия учебной информации, поскольку не имеет постоянной структуры. В обычной схеме информация не кодируется, а представлена в виде суждений или определения понятий. Опорный конспект должен быть очень кратким. Каждый символ, слово или знак отражают только самое главное [3]. Обычно сигнальные опоры – это только намек на то, что надо рассказывать. Текст содержит элементы ориентира, к которым относятся название учебника, текста, раздела, параграфа, именные и предметные указатели, обеспечивающие быстрый поиск необходимой учебной информации. Нетекстовые компоненты, к которым относятся рисунки, схемы, карты, таблицы, фотографии, помогают лучше организовать усвоение учебной информации, изложенной в тексте, облегчить ее понимание, повысить мотивацию обучения.

С целью активизации внимания студентов, преподаватель может использовать различного рода шумы. Такая форма представления информации помогает воссоздать естественную среду, в котором происходили события, и

стать мотивированным фактором для дальнейшего высказывания. Так, например, при изучении английского языка на 1 курсе физико-математического факультета (тема "Мой рабочий день") применяется практика использования бытовых шумов различного происхождения. При изучении темы "Времена года" для определения студентами сезона используются музыкальные отрывки из произведений С.В. Рахманинова, П.И. Чайковского, А. Вивальди. Музыка является средством повышения мотивации, развивает и увеличивает объем слуховой памяти.

Индивидуальной формой проектирования учебной информации является создание презентаций с представлением фрагментов занятий по специальности и использованием слайдов. Простой мастер-шаблон использует один из приложений Word 2010, MS Office 2013. В педагогическое мультимедийное пространство презентации слайдов подключаются графические, звуковые и видео образы. Многофункциональная педагогическая презентация позволяет создавать интегрированные программные среды учебного назначения. Разработка педагогического мультимедийного мастер-шаблона создается в среде Power Point. Подобное задание раскрывает перед преподавателем и студентом возможность организовать условия интеграции профессионально значимых и психолого-педагогических знаний, реализовать критическую и оценочную функции личности, выявить умение быстрого и аргументированного объяснения собственной позиции, корректного использования приобретенных профессиональных знаний, творческой реализации методических знаний, выявление активности, изобретательности и инициативности в подведении итогов профессиональной деятельности, способности к критическому мышлению и честности в суждениях [4].

Процессуальной основой реализации докоммуникативной фазы становится накопление преподавателем учебной информации: библиографический поиск, изучения документов, основных источников темы, составление обзора литературы, выбор аспектов сообщения, выбор и разработка форм представления учебной информации студентам.

Следовательно, обучение и полноценное развитие личности возможно только при условии структурирования всей информации и в нахождении оптимального метода ее поиска. Ориентирование на возможность получения знаний один раз и на всю жизнь в современных условиях становится бесперспективным и, собственно, невозможным. Дальнейшие поиски решения указанной проблемы, на наш взгляд, могут быть решены, во-первых, через определение типа информации, которая является наиболее нужной, во-вторых, ее систематизации, как по категориям, так и в каждой отдельной категории в смысловую структуру, в-третьих, установлением поисковых параметров на основе созданной информационной базы.

Список литературы

1. Закон України "Про вищу освіту" // Педагогіка і психологія професійної освіти, 2000. № 1.
2. Закон України "Про інформацію" // Вісник Верховної ради України, 2003. – N 676-IV (676-15) – 3 квітня.

3. Зеер Э.Ф. Компетентностный подход к модернизации профессионального образования // Высшее образование в России, 2005. – № 4. – С. 23-29
4. Сверчкова Ю. А. Знаково-символическое моделирование учебной информации как средство формирования функциональной грамотности школьников : автореф. дис. на соискание научн. степени канд. пед. наук: спец. 13.00.01 "Школьная педагогика", Санкт-Петербург, 2009. 20 с.
5. Brogger F.Ch. Reseach and Teaching Thinking and Implication for Teacher Traning // European Journal of Teaching Education, 1992. vol.16. № 13. P.195-203.

ОСОБЕННОСТИ МЕТАФОР В ЭКОНОМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Ли Ян

аспирант кафедры русской и сопоставительной филологии,
Башкирский государственный университет, Россия, г. Уфа

В статье рассматриваются метафоры в экономическом дискурсе как смыслообразующие явления, позволяющие глубже постичь реалии окружающей действительности, описывается характер метафор и их роль в формировании понимания ключевых фактов в экономике.

Ключевые слова: метафора, экономика, устоявшаяся метафора.

В настоящее время проявляется особый интерес к метафоре со стороны таких наук, как логика, риторика, семиотика, философия, психология, лингвокультурология. В данной статье объектом исследования являются метафоры, применяемые в экономическом дискурсе.

Метафоры играют особую роль среди языковых средств управления речевыми коммуникациями. Они широко применяются и при обсуждении проблем экономического объединения Европы, и при решении конфликтных ситуаций, которые характеризуют состояние российской экономики [1].

Цель данной статьи заключается в том, чтобы показать смыслообразующий характер метафор языка экономической науки, так как любая метафора представляет собой средство, позволяющее описывать одно явление или состояние изучаемой области с помощью терминов, изначально предназначенных для описания других вещей. Указывая на двойкий характер человеческого понимания, ученые делают различие между распознаванием и пониманием: если распознали метафору, то установили, что данное словосочетание является метафорой; а если поняли, значит уловили ее смысл [12].

Следует также отметить, что метафора не только активно участвует в процессе научного осознания окружающей действительности, но и придает ему творческий характер [5, с. 110; 6].

«Сущность метафоры состоит в осмыслении и переживании явлений одного рода в терминах явлений другого рода» [2].

Актуальные проблемы европейской и российской экономики могут быть обозначены словами через признак «наличие/отсутствие движения впе-

ред». Подобные метафоры отражают различные стороны экономических реалий. Если речь идет об экономике в целом, то это, например:

- Наличие движения – путь – развивается;
- Отсутствие движения – тупик – приостановила свое развитие, находится в состоянии стагнации.

Смыслы образуют ассоциативные цепочки, в результате чего создается целостный образ, представляющий картину экономической действительности. Однако при изучении данного вопроса необходимо четко разделять «мертвые» и только формирующиеся метафоры публичного дискурса. «Мертвые» метафоры уже сформировались и стали общеупотребимыми. Они не вызывают активных мыслительных процессов интерпретации, а создают четкие ассоциации. Использование «мертвых» метафор осуществляется неосознанно и представляет собой применение готовых штампов при описании реальности. Ярким примером этому может служить метафора политического пространства как рынка. Возникновение данной метафоры было обусловлено существующей общемировой тенденцией взаимного переноса образов из экономики в политику и наоборот. Учитывая, что демократия в общественном мнении не мыслится без рыночной экономики, комплекс экономико-политических метафор («политический рынок», «политическая конкуренция», «кредит доверия», «голосовать рублем», «суверенитет потребителя» и др.) служит цели признания законным существованием как политического режима, так и экономической системы, т.е. выполняет идеологические функции [11].

Существуют также устоявшиеся метафоры, основанные на пространственных и перцептивных свойствах предмета [9; 10]. В публичном экономическом дискурсе к таковым можно причислить «высокий/низкий валютный курс», «жесткая/гибкая экономическая политика», «взлет/падение цен».

Наряду с устоявшимися метафорами существуют также еще не институализированные метафоры. Они новы, и только потенциально могут быть взяты в комплекс языковых средств упрощения реальности [3;4]. Так, к примеру, министр финансов Российской Федерации А. Кудрин в интервью телеканалу «Россия» 14 февраля 2009 года сравнил страну во время экономического кризиса с человеческим организмом, а антикризисные меры с таблеткой, упоминая при этом, что следует помнить о дозировке.

По словам В. Е. Чернявской, возможна как естественная, коммуникативно обусловленная смена дискурса, так и «инсценируемая» [8]. В первом случае один специальный дискурс обнаруживает в себе языковые элементы других. Яркими примерами этого явления могут служить примеры использования экономических терминов-метафор, заимствованных из точных наук: 灵活的利率 / гибкий (плавающий) валютный курс; 透明的经济活动 / «прозрачность» экономической деятельности; 需求弹性 / эластичность спроса; 经济杠杆 / экономические рычаги; 流动的供给和需求 / текучесть спроса и предло-

жения. Во втором случае проявляется особая стратегия автора, целенаправленно решающего задачу формирования своего текста.

Креативные метафоры, создающие яркие метафорические контексты, могут выступать маркерами присутствия в экономическом дискурсе иного дискурса:

- политического – 经济奴役 / экономическое рабство; 国家警察 / государство-жандарм;
- юридического – 掠夺国家的汇率 / грабеж страны по валютному курсу; 敲诈税 / грабительские налоги; 价格无极 / ценовой беспредел;
- военного – 价格战争 / война цен; 价格冲击 / ценовой шок; 煤炭将军 / угольные генералы; 瓦斯将军 / газовые генералы;
- мистического – 经济和社会的嵌合体 / экономические и социальные химеры; 银行幻象 / банк фантом; 经济黑洞 / «черные дыры» экономики;
- медицинского – 经济正处于临床死亡状态 / экономика в состоянии клинической смерти; 财政转移 / финансовые метастазы; 经济的蛆虫 / гангрена коррупции в экономике; 病态经济 / застойная экономика;
- спортивного – 在全球经济中的种子选手 / ключевой игрок в мировой экономике; форвардные сделки / 前锋交易 (远期交易) ;
- строительного – укрепление рубля / 巩固卢布 / несущая конструкция стратегии финансовой политики [11].

Таим образом, можно сделать вывод, что метафоры оказывают огромное влияние на понимание того или иного факта [7; 9]. Порой метафоры помогают осмыслить сложные экономические термины, применив относительно их другие термины, знакомые не только специалистам экономической сферы деятельности, но и всем лицам, интересующимся теми или иными экономическими событиями.

Список литературы

1. Булгакова О.В. Функционирование метафорических моделей в имиджевом экономическом дискурсе прессы // Вестник Томского Государственного Университета // <http://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/fil/13/image/13-121.pdf>
2. Лакофф Дж, Джонсон М. – Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС. 2004. 256 с.
3. Скляревская Г.Н. Метафора в системе языка. Файл формата pdf. ... Санкт-Петербург: Наука, 1993. 152 с.
4. Фаткуллина Ф.Г. Категория деструктивности в современном русском языке. Дисс... докт. филол. наук. Уфа, 2002. 343 с.
5. Фаткуллина Ф.Г., Сулейманова А. К. Термин в терминосистеме: теоретические основы и принципы анализа. Монография [Текст]/Ф.Г. Фаткуллина, А.К. Сулейманова – Уфа: РИЦ БашГУ. 2014.– 168 с.

6. Фаткуллина Ф.Г. Некоторые параметрические составляющие терминологического образа научного текста (на примере терминологии физики и математики) // Актуальные проблемы методики обучения русскому языку как иностранному в условиях модернизации образования. Ч.1 Москва: изд-во «МПГУ», 2011. С. 68-75.

7. Фаткуллина Ф.Г. Отражение этнического характера и культуры в концептосфере разноструктурных языков // Русский язык в современном мире: традиции и инновации в преподавании русского языка как иностранного и в переводе. М.: Высшая школа перевода, 2011. С. 702-707.

8. Чернявская, В.Е. Дискурс власти и власть дискурса. Проблемы речевого воздействия/ М.: Флинта, Наука, 2006. 133 с.

9. Fatkullina F., Morozkina E., Suleimanova A., Khayrullina R. Terminological Multifaceted Educational Dictionary of Active Type as a Possible Way of Special Discourse Presentation // International Journal of Environmental and Science Education», volume 11, No 17. p. 10081-10089.

10. Финансовый словарь он-лайн <http://www.finam.ru/dictionary/wordlist000C0/>

11. Экономический словарь он-лайн – http://dic.academic.ru/dic.nsf/econ_dict/5726

12. Электронный ресурс – Универсальная научно-популярная онлайн-энциклопедия «Кругосвет» // www.krugosvet.ru: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/METAFORA.html

13. 世纪经济报道 – // http://epaper.21cbh.com/html/2015-04/29/node_1.htm

14. 王松亭, 隐喻的机制和社会文化模式 [M], 黑龙江人民出版社, 1999年, 第104页

15. 王丽彩, 通感现象的理据及功能特点分析 [J], 外语教学, 2004 (1), 第35页

16. 弗兰克.N.马吉尔主编, 吴易风主译, 《经济学百科全书》(上卷), 北京, 中国人民大学出版社, 2009年, 第805页

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕТАФОР ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЫ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Ли Ян

аспирант кафедры русской и сопоставительной филологии,
Башкирский государственный университет, Россия, г. Уфа

Данная статья посвящена сравнительному анализу метафор, применяемых в экономической сфере в русском и китайском языках, рассматриваются лингвокультурологические особенности метафор и их виды с точки зрения классификации языковых метафор Г.Н. Складневской, проводится разграничение понятий «метафора в экономике» и «экономическая метафора».

Ключевые слова: метафора, экономика, метафора-термин, мотивированная языковая метафора, синкретическая языковая метафора, ассоциативная языковая метафора, психологическая ассоциативная языковая метафора.

Развитие международных экономических контактов и практически неограниченная роль экономики в общественной и частной жизни может быть причиной заимствования из китайского языка ярких, живых метафор-

терминов: 黄金降落伞 / «золотые парашюты» – система защиты менеджеров от увольнений; 财富之父 / «достояние отца семейства» – вид акций, выпускаемых крупными предприятиями; 旋转门 / двери крутящиеся – ситуация, когда высшие чиновники из госаппарата, уйдя со своих должностей, устраиваются в частный сектор и пробивают его интересы, используя старые связи, через крутящиеся двери министерств [1].

Согласно классификации языковой метафоры Г.Н. Складневской, можно выделить мотивированную языковую метафору, синкретическую языковую метафору, ассоциативную языковую метафору и психологическую ассоциативную языковую метафору [3].

Мотивированная языковой метафорой является метафора, в которой присутствует семантический элемент, связывающий метафорическое значение с исходным [4; 5].

Например:

启匙工程 (“交钥匙”工程 дословный перевод – «объект сдачи ключей») – этот термин в Китае обозначает объект комплексного оборудования или предприятие. Эта метафора образно показывает, что производитель отвечает за все работы до сдачи объекта заказчику. В русском языке эквивалентом является метафора «дом под-ключ», в котором строителями предусматриваются все внутренние работы по отделке и прокладке коммуникаций [10].

«Тихая торговля» – обмен товарами без прямых переговоров между участниками сделки. «Тихая торговля» не предполагает вмешательства ни со стороны правительства, как регулирующей системы, ни со стороны финансово-экономических институтов, как надзорных органов. Данная метафора обозначает простой, древний вид торговли, дошедший до наших дней в своем первоначальном виде [14].

В научном труде «Цыхай, том лингвистики» упоминается термин “通感 (синестезия)”, также известный как “移觉 (инестезия)”. Синестезия или инестезия берут свое начало из риторики. Главным постулатом синестезии является обращение к органам чувств людей при передаче информации как в письменной, так и в устной форме. Тогда образы, возникающие под психологическим воздействием на зрение, слух, осязание, обоняние, вкус, становятся ярче, красочнее, живее и тоньше [15].

Так под термином «синкретическая метафора» Г. Н. Складневская понимает «языковую метафору, образовавшуюся в результате смешения чувственных восприятий» [3].

Например:

«Мягкая посадка» – посадка космического аппарата (или его части), при которой скорость аппарата к моменту его соприкосновения с любой поверхностью мала настолько, что не приводит к разрушению конструкций и систем объекта и сохраняет возможность его дальнейшего функционирования.

ния. В сфере экономического знания «мягкая посадка» означает снижение экономического роста без экономического спада и высокого уровня безработицы. Использование синкретической метафоры «мягкий» выражает, что экономика возвращается в стабильное состояние.

«Жёсткие цены» – это цены, которые устанавливаются продавцами; антипод «гибких цен», которые быстро и естественно реагируют на изменение спроса и предложения. «Жесткие цены» препятствуют саморегулированию экономики [11].

В русском языке использование метафоры «жесткие цены» подразумевает стойкость цены. В китайском языке это понятие выражается через осязание «粘» (клейкий), тогда метафора «клейкие цены» подразумевает такое состояние экономики, при котором цены не реагируют на инструменты регулирования, а «клейкость» воплощает медлительность, неловкость и неповоротливость. Метафорой с противоположным значением является метафора «гибкие цены», выраженная в китайском языке через «弹» (упругий или эластичный), которая описывает цены, изменяющиеся в зависимости от сложившихся экономических обстоятельств.

Ассоциативная языковая метафора базируется на способности сознания отыскивать аналогии между любыми объектами действительности. Универсальность такой мыслительной операции по сути дела означает всеобъемлющий характер метафоричности языка. Метафора, образованная по принципу ассоциативных связей, занимает ведущее место в лексической системе как в количественном отношении, так и по своему влиянию на происходящие системно-семантические процессы.

Ассоциативная языковая метафора может быть разделена на признаковую и психологическую.

Ассоциативная языковая метафора признаковая ничем не «скреплена» с исходным значением, кроме некоторых элементов знания о денотате: на базаре обычно шумно, в кабаке и в хлеву грязно, в сарае темно и неудобно и т.д., – эти сведения каждый член языкового коллектива черпает из своего индивидуального жизненного опыта, который вместе с тем отражает коллективно осознанные характеристики [6, с. 70; 7]. Образованные на основании таких характеристик языковые метафоры не требуют «расшифровки» – они воспринимаются всеми членами языкового коллектива одинаково благодаря объективированным связям. Иными словами, совпадают коллективные знания (обиходно-практические или культурно-исторические) – совпадают и ассоциации [10].

В качестве яркого примера рассмотрим понятие из области биржевой торговли – биржевую диаграмму К (японские свечи). Данная диаграмма возникла в Японии в XVII века для визуальной фиксации рекордных изменений цен на рис. Благодаря внешнему виду диаграммы, напоминающему свечу, в русском языке диаграмма К называется «японская свеча», а ее конкретные

графические виды, образующиеся в результате объединения разных форм, получили свои собственные метафоричные названия.

Например:

1) «белая свеча» – сигнал о движении цены вверх (чем длиннее свеча, тем больше разница в цене);

2) «чёрная свеча» – сигнал о движении цены вниз (чем длиннее свеча, тем больше разница в цене);

3) «молот» – важный сигнал разворота цен в основании. Обладает маленьким телом (белым или чёрным), расположенным в верхней части ценового диапазона сессии, и очень длинной нижней тенью. В китайском языке называется «**上吊阳线**» (повышенная линия);

4) «дожди-стрекоза» – сигнал разворота цены (без верхней тени, длинная нижняя тень). Если тело свечи настолько мало, что цены открытия и закрытия равны минимальной цене сессии, она называется дожди. В китайском языке этот сигнал называется «**T 字**», так как его графическое изображение похоже на большую букву английского языка «Т» [16].

Если в ассоциативной языковой метафоре признакового типа символ метафоры содержит набор сем, хотя и не входящих в денотативное содержание исходного лингвистического знания, но легко логически вычленимых, то в ассоциативной психологической языковой метафоре символ метафоры представляет собой аморфное семантическое образование. Именно в этом случае раскрывается область «бессознательной игры логики» (Веселовский).

Например:

«Скальпер» – биржевой спекулянт, действующий в операционном зале и осуществляющий быстрые операции по покупке и продаже с незначительной прибылью или убытками, держащий свои позиции лишь в течение короткого периода во время торговой сессии. Слово «скальпер» образовано от слова «скальп», первоначальное значение которого – кожа головы с волосами, снятая с убитого врага в качестве трофея. В китайском языке метафорой с эквивалентным значением является «**帽客**» (мастер шляп), то есть человек, который специально занимаются «захватом шляп». Таким образом, несмотря на глубокие лингвокультурологические различия в русском и китайском языках, и в том, и в другом присутствуют близкие понятия, описывающие одинаковое поведение игроков валютных и фондовых рынков, которое заключается в продаже активов по высокой цене и покупке их по низкой. Ввиду этого рождается близкая психологическая ассоциация в словах «скальпер» и «**帽客**».

Как видно из статьи, многие метафоры, применяемые в русском языке, являются заимствованиями из европейских языков и применяются также в китайском экономическом дискурсе.

Следует различать понятия «метафора в экономике» и «экономические метафоры». В «экономических метафорах» используются общепринятые экономические термины: «экспорт, экспортировать», «инвестиции, инвести-

ровать» и т.д., которые позволяют говорить о познавательном «переключении» из экономической сферы в государственную идеологию. «Метафоры в экономике» обнаруживают в себе языковые элементы других наук, как социальных, так и технических. Присутствие в экономическом дискурсе иных дискурсов создает креативные метафорические контексты, легко усваиваемые всеми читателями.

Список литературы

1. Булгакова О.В. Функционирование метафорических моделей в имиджевом экономическом дискурсе прессы // Вестник Томского Государственного Университета // <http://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/fil/13/image/13-121.pdf>
2. Лакофф Дж, Джонсон М. – Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС. 2004. 256 с.
3. Склярская Г.Н. Метафора в системе языка. Файл формата pdf. ... Санкт-Петербург: Наука, 1993. 152 с.
4. Фаткуллина Ф.Г. Категория деструктивности в современном русском языке. Дисс... докт. филол. наук. Уфа, 2002. 343 с.
5. Фаткуллина Ф.Г., Сулейманова А. К. Термин в терминосистеме: теоретические основы и принципы анализа. Монография [Текст]/Ф.Г. Фаткуллина, А.К. Сулейманова – Уфа: РИЦ БашГУ. 2014.– 168 с.
6. Фаткуллина Ф.Г. Некоторые параметрические составляющие терминологического образа научного текста (на примере терминологии физики и математики) // Актуальные проблемы методики обучения русскому языку как иностранному в условиях модернизации образования. Ч.1 Москва: изд-во «МПГУ», 2011.с. 68-75.
7. Фаткуллина Ф.Г. Отражение этнического характера и культуры в концептосфере разноструктурных языков // Русский язык в современном мире: традиции и инновации в преподавании русского языка как иностранного и в переводе. М.: Высшая школа перевода, 2011. С. 702-707.
8. Чернявская, В.Е. Дискурс власти и власть дискурса. Проблемы речевого воздействия/ М.: Флинта, Наука, 2006. 133 с.
9. Fatkullina F., Morozkina E., Suleimanova A., Khayrullina R. Terminological Multifaceted Educational Dictionary of Active Type as a Possible Way of Special Discourse Presentation // International Journal of Environmental and Science Education», volume 11, No 17. p. 10081-10089.
10. Финансовый словарь он-лайн <http://www.finam.ru/dictionary/wordlist000C0/>
11. Экономический словарь он-лайн – http://dic.academic.ru/dic.nsf/econ_dict/5726
12. Электронный ресурс – Универсальная научно-популярная онлайн-энциклопедия «Кругосвет» // www.krugosvet.ru: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/METAFORA.html
13. 世纪经济报道 – // http://epaper.21cbh.com/html/2015-04/29/node_1.htm
14. 王松亭, 隐喻的机制和社会文化模式 [M], 黑龙江人民出版社, 1999 年, 第 104 页
15. 王丽彩, 通感现象的理据及功能特点分析 [J], 外语教学, 2004 (1), 第 35 页
16. 弗兰克.N.马吉尔主编, 吴易风主译, 《经济学百科全书》(上卷), 北京, 中国人民大学出版社, 2009 年, 第 805 页

ОПТИМИЗАЦИЯ РАБОТЫ НАД СЕМАНТИЗАЦИЕЙ ЛЕКСИКИ В УСЛОВИЯХ БИЛИНГВАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ

Ни О.П.

доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации гуманитарного института, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Россия, г. Санкт-Петербург

В статье рассматриваются возможности использования знаний английского языка для наиболее эффективного и эмоционально позитивного обучения немецкому как второму иностранному языку в условиях дидактического билингвизма. С этой целью необходимо обращение к идеям сознательно-контрастивного и коммуникативно-когнитивного подходов.

Ключевые слова: дидактический билингвизм, интерференция, трансференция, контрастивный анализ, семантизация.

В условиях динамично-развивающихся международных отношений вопрос о многоязычии становится важным и необходимым. Сегодня знание иностранных языков является естественной составляющей повышения качества личной и профессиональной жизни. Это связано с желаниями, интересами и профессиональными перспективами человека. В настоящее время в общеобразовательных учебных заведениях нашей страны уже с начальных классов ведется обучение иностранному языку, а с пятого вводится обязательный второй иностранный язык, т.е. конечной целью обучения иностранным языкам становится билингвизм выпускников. В высших учебных заведениях владение двумя иностранными языками является в настоящее время не только прерогативой лингвистического образования, но и при подготовке специалистов различных профилей. Для реализации данных задач необходимо использование новых эффективных методик обучения иностранным языкам.

Немецкий как второй иностранный язык после английского приобретает все большее значение и по востребованности в России занимает ведущее место. Идею изучения и популяризации немецкого как второго иностранного языка развивают и поддерживают такие фонды и организации как Goethe-Institut, DAAD, Bosch-Stiftung, Herzen-Programm и другие. Основной задачей исследования данного направления является поиск наиболее оптимальных методик и дидактических приемов при обучении немецкому на базе знаний английского языка и создание практических рекомендаций для организации билингвального учебного процесса. Обучение немецкому как второму иностранному языку происходит в условиях дидактического (искусственного) билингвизма. Дидактический билингвизм, в отличие от бытового (естественного) билингвизма, предполагает управляемый учебный процесс со всеми необходимыми атрибутами – учитель, ученик, учебник, комплекс упражнений. Единой системы обучения немецкому как второму иностранному языку, как и комплексных методических рекомендаций не существует. Это связано

с различным объемом учебного времени, выбором учебно-методического материала, билингвальной компетенцией учителя. Практика обучения немецкому языку студентов, владеющих английским, позволяет сделать вывод о том, что учащиеся сознательно или бессознательно опираются на имеющийся лингвистический опыт и допускают или избегают ошибки во втором языке.

Для наиболее эффективного и эмоционально позитивного обучения немецкому в условиях дидактического билингвизма необходимо использование идей сознательно-контрастивного и коммуникативно-когнитивного подходов.

Сознательно-контрастивный подход предполагает использование методов контрастивного анализа лингвистических систем двух языков с целью выявления сходных и отличных друг от друга явлений. И.Л. Бим, Н.В. Барышников, В.В. Коротенков и другие исследователи утверждают, что при обучении второму иностранному языку «необходимо стимулировать обучаемых к сравнению/сопоставлению языковых средств контактирующих языков во всех тех случаях, когда это поможет предотвратить интерференцию и осуществить перенос» [1, с. 5]. К моменту изучения второго иностранного языка студенты обладают определенным запасом филологических знаний и способны самостоятельно проводить анализ, устанавливая связи и выводить закономерности. Сравнение и сопоставление межъязыковых явлений способствует более эффективному освоению лексических и грамматических явлений языка, а также выстраиванию индивидуального ассоциативного ряда и маршрута изучения второго языка. При этом, необходимо отметить наличие доминантного языка и его влияние на процесс изучения второго иностранного языка. При обучении второму иностранному языку необходимо учитывать положительное и отрицательное влияние первого (доминантного) иностранного языка (интерференция и трансференция). Интерференция, возникающая вследствие отрицательного воздействия первого иностранного языка, охватывает все лингвистические уровни языка (лексику, грамматику, фонетику) и не может не влиять на речевое поведение коммуниканта. Трансференция же стимулирует более эффективное овладение вторым иностранным языком при правильном управлении процессом обучения со стороны преподавателя-билингва. Изучение немецкого языка на основе знаний английского будет эффективнее если опираться на лексическое и грамматическое сходство языков, пользоваться языковой догадкой и использовать лингвистические знания при овладении новым материалом.

Так, лексическая схожесть немецкого и английского языков во многом обусловлена лингво-исторической близостью этих языков. Значительную группу в вокабуляре обоих языков составляют *истинные родственные слова*. Принадлежность немецкого и английского языков к одной группе (западногерманские языки), периодизация, исторические предпосылки и закономерности формирования структуры и содержания языка обуславливают наличие аналогичных лексических единиц в обоих языках. К ним относятся, например, слова, обозначающие названия продуктов питания, напитков, природ-

ных явлений, частей тела, родственников и членов семьи и др. Достаточно большая группа слов в обоих языках имеет не только одинаковое значение, но и правописание. Запоминание этих лексических единиц не представляет сложностей, а, кроме того, создает положительную мотивацию для изучения второго языка.

English	Deutsch
Butter	Butter
Finger	Finger
Hand	Hand
Winter	Winter

Следующая группа слов – *частично совпадающие* слова. Необходимо отметить, что это довольно большая группа слов и при их запоминании может возникнуть некая языковая коллизия. С одной стороны, легко догадаться о значении слова в немецком языке, если это слово знакомо в английском. Например, fruit – Frucht (f), mouse – Maus (n). С другой стороны, род имени существительного в немецком языке и его показатель – артикль, могут вызвать затруднения, поэтому при изучении данной группы лексики необходимо разъяснение со стороны учителя и проведение тренировочных упражнений.

English	Deutsch
Book	das Buch
Angel	der Engel
Fruit	die Frucht
House	das Haus
Summer	der Sommer

Следующая группа – *псевдородственные* слова, это слова, имеющие сходство в правописании и произношении, но абсолютно разное значение. Для их запоминания необходимо проведение тренировочных, контекстных и переводных упражнений. Кроме того, может быть целесообразным составление таблиц с парами лексических единиц в английском и немецком языках.

English	Deutsch
Building	Das Gebäude
Gift	Das Geschenk
Prepare	vorbereiten
Become	werden

Обогащение лексического запаса любого языка происходит за счет *заимствований* из других языков. Удельный вес заимствований в немецком языке из английского является наибольшим по сравнению с другими европейскими языками. Это обусловлено экономическим и политическим успехом и значимостью англоговорящих стран, их лидирующим положением и динамикой развития всех областей жизни. Англицизмы существуют в немец-

ком языке в так называемом «чистом виде», т.е. значение слова, его морфология, написание и, зачастую, произношение полностью переносятся в язык-реципиент. Например:

Job, Team, Management, cool, Profit, Marketing

Работа с англицизмами не вызывает особых трудностей в билингвальной среде. Но, в последнее время, наблюдается тенденция появления в немецком языке глаголов с английским корнем, т.е. корень слова – английский, окончание – немецкое. Такое явление немцы назвали Denglisch (Deutsch+ Englisch)

surfen, joben, mailen, checken, managen, profitieren, timen

Работа с лексикой в билингвальной среде может быть значительно облегчена на этапе семантизации, когда студент использует знания первого языка, сравнивает, сопоставляет, догадывается, что является дидактической основой сознательно-контрастивной модели и коммуникативно-когнитивного подхода.

Список литературы

1. Барышников Н.В. Методика обучения второму иностранному языку в школе / Н.В. Барышников. М.: Просвещение, 2003 – 159 с.
2. Бим И.Л. Концепция обучения второму иностранному языку (немецкому на базе английского). – Тверь, Титул, 2001. – 69с.
3. Гальскова Н.Д. Немецкий как второй иностранный язык 7-11 классы- Москва: Просвещение, 2003. – 31с.

СООТНОШЕНИЕ ПРОПОЗИЦИИ И РЕФЕРЕНТНОЙ СИТУАЦИИ В ВЫСКАЗЫВАНИИ

Поликарпова О.Н.

доцент кафедры иностранных языков, канд. филол. наук,
Алтайский государственный педагогический университет, Россия, г. Барнаул

В статье основное внимание уделяется взаимосвязи пропозиции и референтной ситуации в высказывании. Также рассматривается понятие референции и определяются ее основные составляющие. Выявляется роль референта высказывания в процессе коммуникации.

Ключевые слова: пропозиция, референтная ситуация, высказывание, референция, референт.

Представляя собой область ментальной данности, пропозиция определенным образом отражает некоторое состояние дел и одновременно формирует материал, на основе которого выстраивается формально эксплицирующая это состояние дел вербальная структура. Таким образом, предложение, повествуя о некоторой ситуации, связано с этой ситуацией опосредованно. Искомая связь состоит в том, что «предложение является «логической» картиной ситуации, которую отражает». То есть, оно представляет собой вер-

бальную «картину» [3, с. 21]. Между ситуацией и пропозицией установлено отношение полного структурного изоморфизма, то есть признак ситуации соотносится с предикатом пропозиции, а партиципant ситуации соответствует аргументу пропозиции. Количество и характер партиципантов ситуации полностью отражает количество и характер аргументов пропозиции. Под характером здесь понимаются роли партиципантов в ситуации, которые полностью совпадают с ролевыми, или глубинно-падежными характеристиками аргументов пропозиции. Различие между ситуацией и пропозицией состоит в том, что первая представляет собой онтологический объект, а вторая является мыслительным или логическим феноменом [2, с. 187-189].

Между ситуацией и пропозицией существует неразрывная связь, поскольку пропозиция – это зеркало, отражающее часть окружающей нас действительности. Пропозиция является своего рода отношением, взглядом продуцента на окружающий его мир, действительность, а ситуация – это лишь минимальный фрагмент, кадр той самой действительности, которую пытается интерпретировать говорящий. Данная ситуация получила название референтной.

Смысловая структура предложения, облаченная в высказывание, является собой вырезанный и обработанный мыслью и языком фрагмент действительности, который называется индивидуальной денотативной ситуацией [8, с. 5]. Высказывание определенно соотносится с некоторым событием или ситуацией. Высказывание является абсолютным языковым знаком, а ситуация представляет собой референт высказывания. Под референтом высказывания понимается совокупность элементов, присутствующих в сознании говорящего в объективной действительности, в момент «сказывания» и обуславливающих в определенной мере отбор языковых элементов при формировании самого высказывания [4, с. 358]. Таким образом, в качестве коррелята высказывания между высказыванием и референтной ситуацией выстраивает ментальный образ этой ситуации (то, что выше было обозначено как пропозиция). Ситуация также определяется как выраженная посредством предложения «сложная семантическая единица» [7, с. 373-391], при этом означающее (высказывание) и означаемое (ситуация) неразрывно связаны.

Ряд ученых относят понятие ситуации к области языка. Согласно другой концепции ситуация соотносима с представлением о мире, с окружающей средой либо со способом мышления о мире. Данная точка зрения относит понятие ситуации и к области языка, и к миру, и к мышлению [1, с. 7]. Понимая под ситуацией некое событие, воспринимаемое в пространственно-временном континууме, Ю.К. Лекомцев полагает, что, хотя ситуация и описывается посредством языка, важным представляется понятие психического образа конкретной реальной ситуации, поскольку большая часть знаковых выражений относится не к непосредственному воспринимаемому, находящемуся здесь и сейчас, а к некоему образу памяти [5, с. 446-447]. Наличие прото-ситуации или реальной ситуации вызывает у индивида определенный психологический образ, на основе которого человек описывает данное событие.

По аналогии с треугольником Огдена-Ричардса, моделирующим структуру слова как языкового знака, выстраивается «треугольник» уровнево более высокой единицы – предложения. В вершинах этого треугольника – ситуация, ее ментальный коррелят и его вербальная оболочка. В актуализации эта вербальная оболочка соотнесена с конкретной ситуацией, которая является в этом случае референтной.

В логике референция – это необходимая предпосылка для оценки высказывания, как истинного, так и ложного [1, с. 179]. Под референцией понимается «соотнесение высказывания и его частей с действительностью – с объектами, событиями, ситуациями, положениями вещей в реальном мире (и даже не обязательно в реальном, поскольку высказывание может относиться к миру сказки, мифа, фильма)» [6, с. 291]. Референция имеет место быть лишь в момент продуцирования в речевом высказывании, при этом в каждом последующем высказывании она может иметь новые референты.

Результат коммуникации непосредственно связан с тем, известен ли участникам речевого акта референт высказывания. В том случае, если смысл высказывания понятен, но референт не известен, коммуникация представляется невозможной. Словесный знак необходим для того, чтобы обозначить и идентифицировать предмет, а затем используется в речи, чтобы передать смысл.

Основными составляющими референции являются коммуникативная установка говорящего, коммуникативная организация высказывания, а также определенная база знаний участников коммуникации.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976. 383 с.
2. Богданов В.В. Моделирование семантики предложения // Прикладное языкознание. 1996. С. 161-201.
3. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Философские работы. Ч. 1. 1994. 612 с.
4. Гак В.Г. Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики 1972. 1973. С. 349-372.
5. Лекомцев Ю.К. Психическая ситуация, предложение и семиотический признак // Сборник научных статей в честь Михаила Михайловича Бахтина (к 75-летию со дня рождения). 1973. С. 444-463.
6. Падучева Е.В. Референциальные аспекты семантики предложения // ИАНСЛЯ. 1984. Т.42. С. 291-303.
7. Сильницкий Г.Г. Семантические типы ситуации и семантические классы глаголов // Проблемы структурной лингвистики. 1972. С. 373-391.
8. Храковский В.С. Проблемы деривационной синтаксической теории: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1972. 36 с.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И МАНИФЕСТАЦИИ ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОЙ КАРТИНЫ МИРА

Семенова Т.В.

аспирант кафедры немецкого языка факультета иностранных языков,
Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова,
Россия, г. Владикавказ

В статье предпринимается попытка реконструкции некоторых аспектов индивидуально-авторской картины мира через изучение особенностей идиолекта художника слова. На примере анализа стихотворения У.Х. Одена «In Praise Of Limestone» устанавливается связь между синтаксическими особенностями организации стихотворного текста и картиной мира поэта. На основе выявленной в ходе анализа склонности автора к детализации изображаемых фрагментов действительности делается вывод об экстравертированности психотипа английского поэта.

Ключевые слова: языковая картина мира, индивидуально-авторская картина мира, идиолект, стихотворный текст, синтаксические конструкции.

В рамках гуманитарных исследований последних десяти лет заметно активизировался интерес к изучению проблемы картины мира. Различные аспекты исследования данного понятия можно встретить в работах Ю.М. Лотмана, В.И. Постоваловой, Г.В. Колшанского, Б.А. Серебренникова, Е.С. Кубряковой и других. Однако, многие вопросы, связанные с картиной мира языковой личности, только поставлены на повестку дня и, как подчеркивают ученые, все еще остаются без однозначного решения.

Так, в частности, проблема манифестации авторской картины мира поэта в языке его произведений обладает высоким эвристическим потенциалом и с началом антропологической переориентации филологических исследований становится все более актуальной [4, с. 131].

В рамках **данной статьи** предпринимается попытка реконструкции некоторых аспектов индивидуально-авторской картины мира через изучение особенностей идиолекта художника слова. На примере анализа стихотворения У.Х. Одена устанавливается связь между синтаксическими особенностями организации стихотворного текста и картиной мира поэта. На основе выявленной в ходе анализа склонности автора к детализации изображаемых фрагментов действительности делается вывод об экстравертированности психотипа английского поэта.

В рамках общенаучного понятия *картины мира* ученые выделяют *языковую картину мира*, определяя ее как совокупность зафиксированных в языке на определенном этапе его развития представлений народа о реальности, которые отражаются в системных значениях языковых знаков, так называемом языковым членением мира или языковом упорядочении предметов и явлений [10, с. 43].

Языковые картины мира значительно разнятся у носителей внутри одного языка, так как основную роль в них играет личностное восприятие, которое превалирует над общечеловеческим и национальным аспектами.

Определяя понятие индивидуально-авторской картины мира, Ю.М. Лотман говорит о контурах мира, воплощенного в пространственных формах в произведении искусства, которые напрямую зависят от характера модели, некоей схемы мира, существующей в сознании автора и запечатлённой в виде текста [6, с. 49].

Следовательно, индивидуальная картина мира отдельного автора обладает существенными отличиями от общеязыковой, поскольку представляет собой «субъективный образ объективного мира», который сконструирован сквозь призму сознания и языка писателя как результат его духовной активности [7, с. 42-43], и фиксирует уникальность творческого субъекта ввиду ее индивидуально-личностных составляющих.

Указанные выше составляющие отражают способы взаимоотношения автора с миром и репрезентируются, по мнению Дж. М. Дреевой, в таких аспектах мировосприятия как тональность, эмоциональная окрашенность, субъективные установки, цели и смыслообразующие факторы [5, с. 101], которые формируются во время его контактов с окружающим миром посредством получаемой субъектом информации.

Однако реакция автора на полученную информацию будет определяться избирательностью человеческого восприятия, которое, согласно А.А. Ухтомскому, происходит на основе его доминанты, стоящей между индивидуумом и миром, между его мыслительным процессом и действительностью [13, с. 382].

Развивая мысль А.А. Ухтомского, И.А. Тарасова считает, что «установление системы доминантных смыслов, присущих концептуальной картине мира автора, демонстрирует его склонность к отражению тех или иных реалий объективной действительности и их отношений, что определяет содержательную сторону идиостиля (образ мира, реализующийся в рамках идиостиля)» [11, с. 11].

В.П. Григорьев рассматривает *идиостиль* как глубинные, порождающие текст механизмы создания текстового пространства определенным автором, отличающие его от других [3, с. 68]. В более узком плане идиостиль изучается с точки зрения системы лингвостилистических средств, характерных для креативной манеры языковой личности.

На основе рассмотренных выше аспектов формирования индивидуально-авторской картины мира мировидение и мировосприятие англо-американского поэта У.Х. Одена формировались исходя из философии модернизма, где человеческое существование рассматривается как миг, краткий, хрупкий, полный трагизма, бренности нашего мира, и дело художника слова есть ничто иное, как демонстрация ужаса, величия и красоты, заключенных в мгновеньях земного бытия [12, с. 109]. Подобное мировосприятие поэтов того времени будет направлено на поиск внутренних идеалов и ориентиров, т.е. больше на самоанализ, чем на анализ окружающей действительности.

Однако, как отмечают исследователи творчества У.Х. Одена (Mendelson 2007, Nelson 1969, Rainer 2000, Firehow 2002 и др.), основным

принципом его поэзии является принцип «клинической отстраненности», который помогает сопереживать объекту поэтического изображения и оставаться вне ситуации для вынесения объективной оценки, что говорит о склонности поэта к анализу действительности, а не самого себя.

Роль поэта в этом случае походит на роль врача-психоаналитика, поскольку в стихотворения анализируется сложная взаимосвязь подсознательных мотивов, руководящих как человеческим, так и общественным поведением, поэтому он предоставляет на суд читателя «не чувства, а некоторые события, намеки или импульсы, которые лежат в основе этих процессов» [14, с. 18].

Некоторые исследователи определяют творческий метод У.Х. Одена в большей степени как кинематографичный, где автор занимает позицию режиссера, находясь за пределами самого текста, сосредотачивая свое внимание на точности изображаемых фрагментов и технике их монтажа.

Склонность У.Х. Одена к детализации фрагментов и так называемой технике монтажа, т.е. удачному сочетанию комплекса языковых средств в рамках одного текста, можно наблюдать в синтаксическом рисунке, где он преимущественно оперирует сложными синтаксическими конструкциями, сочетающих в себе особую логико-грамматическую связь компонентов: расположение слов в словосочетании, синтагматических групп в тексте или элементов, составляющих разные синтаксические и ритмико-синтаксические конструкции (стихов, строф) [2, с. 7].

Среди сложных синтаксических конструкций, используемых У.Х. Одемом, наибольший интерес представляет прием амплификации, поскольку этот синтаксический прием встречается с различной частотой в произведениях всех периодов его творчества.

Амплификация представляет собой избыточную конструкцию по сравнению с определенной синтаксической нормой, но прагматически оправданную, [8, с. 18], где избыточность достигается «путем «нагромождения» равнозначных выражений, рассуждений и умозаключений» [1, с. 42].

Ярким примером использования амплифицированных предложений может служить следующий отрывок, который отличается значительным количеством включенных в состав обособленных вводных компонентов, распространенных причастных оборотов и придаточных предложений:

Watch, then, the band of rivals as they climb up and down
Their steep stone gennels in twos and threes, at times
Arm in arm, but never, thank God, in step; or *engaged*
On the shady side of a square at midday *in*
Voluble discourse, knowing each other too well to think
There are any important secrets, *unable*
To conceive a god whose temper-tantrums *are moral*
And not to be pacified by a *clever line*
Or a good lay: for accustomed to a stone that responds,
They have never had to veil their faces *in awe*

Of a crater whose blazing fury could not be fixed;
 Adjusted to the local needs of valleys
 Where everything can be touched or reached by walking,
 Their eyes have never looked into *infinite space*
Through the lattice-work of a nomad's comb; born lucky,
 Their legs have never encountered *the fungi*
And insects of the jungle, the monstrous forms and *lives*
With which we have nothing, we like to hope, in common.

In Praise Of Limestone

Структурная насыщенность и разнокомпонентность отрывка говорит о склонности автора к попытке передать «**вовне**» (термин Юнга) мысли в наиболее точном и эксплицированном виде, что требует подробной детализации, которая проявляется в использовании описательных элементов, таких как однородные члены предложения, определительные и обстоятельственные придаточные предложения и различные типы причастных обороты в тех же функциях.

Например, в начале предложения мы видим ряды однородных конструкций в функции обстоятельства места *Arm in arm, but never, thank God, in step; or engaged // On the shady side* of a square at midday *in // Voluble discourse*, knowing each other too well to think // There are any important secrets, *unable ...//*. Далее идет сложное предложение, соединенное бессоюзной связью, которое распространяется внутри каждого за счет придаточных (Where everything can be touched or reached by walking, *With which* we have nothing, we like to hope, in common).

Приведенный пример демонстрирует расширение текста, связанное с некоторой конкретизацией [9, с. 92], необходимой для многогранной презентации ситуации. Автор намеренно удлиняет речевую цепь, усложняя тем самым не только синтаксический рисунок, но и семантическую нагрузку отрывка.

Таким образом, на основе вышесказанного можно сделать вывод, что авторская картина мира обладает рядом отличий от языковой картины мира, так как является образом мира, воплощённым сквозь призму сознания и языка писателя. В свою очередь формирование индивидуально-авторской картины мира и идиолекта происходит на основе доминанты художника слова, стоящей между индивидуумом и миром, между его мыслительным процессом и действительностью.

Как показывает анализ поэтических произведений, идиостилевые особенности У.Х. Одена могут быть исследованы на синтаксическом уровне, где превалирует использование сложных синтаксических конструкций. Использование сложных синтаксических конструкций, в частности амплификации, демонстрируют склонность автора к детализации фрагментов, что свидетельствует об экстремизированном психотипе английского поэта.

Список литературы

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. – 608 с.
2. Горло Е.А. Синтаксические средства воздействия в поэтическом тексте // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2006. № 22. – С. 344-361.
3. Григорьев В.П. Очерки истории языка русской поэзии XX века. Поэтический язык и идиостиль: Общие вопросы. Звуковая организация текста. – М.: Наука, 1990. – 304 с.
4. Дреева Дж.М. Ироническая картина мира Г. Гейне // Известия ВУЗов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2010. №1. – С. 130-135.
5. Дреева Дж.М. Поэтическая картина мира и феномен свободных ритмов в немецкоязычной поэзии XVIII – XXI вв.: генезис, становление, языковые особенности: Диссертация ... доктора филологических наук. – М., 2012. – 379 с.
6. Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве. – СПб.: «Искусство – СПб», 1998. – 285 с.
7. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: Учебное пособие. – Минск: ТетраСистемс, 2004. – 266 с.
8. Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. – Ростов н/Д., 2010. – 1213 с.
9. Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи. 3-е изд. – Ростов н/Д: Феникс, 2007. – 204 с.
10. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – Москва: АСТ: «Восток-Запад», 2007. – 314 с.
11. Тарасова И.А. Поэтический идиостиль в когнитивном аспекте. – М.: Флинта, 2012.
12. Семенова Т.В. Особенности индивидуально-авторской картины мира // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2016. Выпуск 2. – С.108 – 112.
13. Ухтомский А.А. Письма // Пути в неизвестное. Писатели рассказывают о науке. – М.: Совписатель, 1973. – 435 с.
14. Cambridge Companion to W.H. Auden. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – 246 pp.

ОБ ИМЕНОВАНИИ ВОЛКА В ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ

Семёнова И.П.

аспирант кафедры русского языка и литературы,
Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, г. Чебоксары

В статье проведен анализ чувашского маммалионима *кашкӑр* «волк». Как показало исследование, название *кашкӑр* «волк» имеет соответствия в тюркских языках, главным образом, в языках кыпчакской группы. Для именованя зверя в чувашском языке употребляются также подставные, табуистические названия, имеющие народно-этимологический характер: *тукмак*, *тукмак хӳре*, *шӑнӑр хӳре*, *кукӑр хӳре*. В загадках встречается название *шуру-муру*, в поговорках – *кашаман* (*кажаман*). В детской речи употребляются названия, имеющие подражательный характер (*момма*, *моммо*, *омми* и т.д.).

Ключевые слова: маммалионим, оним, табу, народное название, фоновариант, переносное значение, тюркские языки, чувашский язык.

В чувашском литературном языке в качестве названия волка употребляется маммалионим *кашкӑр*, встречается также фоновариант *каккӑр* [2, Вып. VI. С. 24]. В памятниках старочувашской письменности зафиксированы формы *кашкар*, *кашкыр*, *каскар*, *казкар* [6, с. 45]. Этот оним имеет соответствия в тюркских языках, во всех источниках употребляется в значении «волк»: тур. диал., кар.к., уз. диал. *қашқыр*; уз., уз. диал. *қашқир*; чув. (← тат.) *кашкӑр*; каз., ккал., ног. *қасқыр*; кир. *қарышқыр*; ног. разг. *қарысқыр* [8, Т. 5. С. 352]; ккир. *карышкыр*; бар. *карышкур* [3, с. 352]. Л.С. Левитская со словом *кашкыр* «волк» сопоставляет также тур. диал. *kaşgir* «медведь» [7, Т. 5. С. 352]. Таким образом, выявлены соответствия чув. *кашкӑр* в большинстве языков кыпчакской группы, турецком языке огузской группы, узбекском языке карлукской группы, киргизском языке киргизско-кыпчакской группы.

В «Этимологическом словаре тюркских языков» высказано предположение о проникновении в чувашский язык татарского слова (там же). В татарском языке употребляется оним *кашкыр* «степной волк», тат. диал. *качкыр*. Р.Г. Ахметьянов также отмечает заимствование чув. *кашкӑр* из татарского языка и проводит следующую этимологию *карыш курт* из *карыш* «злой» (ср. чув. *хӑрушӑ* «злой») + старолитературное тат. *корт* < др.-тюрк. *курт* «волк» [1, с. 96]. А.М. Щербак предполагает два варианта этимологизации *кашкыр*: если за исходную принять казахско-узбекскую форму, то слово *кашкыр* связано с глаголом *каскай-* «прямо и ясно выставиться», «оскалить зубы» (ср. там же: *каскар-* «прямо, лбом обратиться к чему-нибудь»); если киргизская форма будет принята за исходную, то основой нужно считать *карыш-*, ср. уйг. *кӑрши-* «скалить зубы». В слове *карышкыр -гур, -гыр* – аффикс одного из древних причастий [7, с. 132]. Следовательно, в *карышқыр ~ қашқыр* получили отражение относительно поздние семантические связи, возникшие вследствие народной этимологии: *қасқай-* «скалить зубы», ср. башк. *қашқар-*, *қашқай-* «оскалить зубы», кир. *қашқай-* «быть смелым, дерзким, наглым», кир. *қарыш-* «сжимать, вцепиться»; башк. *қашқар* «белолобая собака» (< *қашқа* «белая отметина на лбу»)» [8, Т. 5. с. 352–353].

В чувашском языке употребляется также народное табуистическое название волка – *тукмак*, *токмак*. *Токмак тӗлне пол* «встретиться с волком» [Вып. XV. С. 33]. *Такмак* (Красные Четаи) – *кашкӑр* – волк [5, с. 108]. В данном случае запрет именованья волка основан на страхе. С помощью табуистического названия можно повлиять на хищника и избежать нападения с его стороны: *токмак тесен кашкӑрӑн хӳри токмак пек йӑвӑрланать* [2, Вып. VI. С. 13] (перевод: Если назвать колотушкой, то хвост станет тяжелым как колотушка). Употребляются также сочетания *токмак хӳре*, *тукмак хӳре* «волк» [2, Вып. XIV. С. 109]. Отсюда и *токмаклӑх* «обреченный на съедение волков» (Там же), «предназначенный на съедение волков». В диалектах чувашского языка употребляется также народное название *шӑнӑр хӳре* «волк», букв. «жильный хвост». Это название, вероятно, должно повлиять на природу хищника и вызвать столбняк. В примере отмечено, что это название

употребляется при испуге: *Шайнәр хўре-кашкәр, а́ва х́арань чухне калащсе́* [2, Вып. XVIII. С. 309]. Встречается также оним *кукәр хўре* «назыв. волка или собаку» [2, Вып. VI. С. 264], букв. «кривой хвост». Для рифмы в поговорках употребляется прозвище волка – *кашаман (кажсаман)*: *Епё кашкәр кашаман, сурәхсене кышлакан* (там же. С. 179). *Шуру-муру* «так сказано о волке в загадке»: *Шуру-муру килнё те чики-прикине вәрласа кайнә* [2, Вып. XVII. С. 231] (перевод: Пришел шуру-муру (волк) и что-то украл). В детской речи употребляются названия *момма, моммо, момом, момо* «волк» [4, С. 22], *омми* «волк» (там же. С. 27).

Таким образом, чув. *кашкәр* имеет соответствия в тюркских, главным образом, кыпчакских языках. Среди исследователей окончательно не решен вопрос о происхождении этого маммалионима. В чувашский язык общетюркское слово, вероятно, проникло из татарского языка. В чувашском языке также распространены подставные, табуистические названия зверя.

Список литературы

1. Ахметьянов Р.Г. Краткий историко-этимологический словарь татарского языка. Казань: Татарстан китап нәшрияты, 2001. 272 с. На татар. яз.
2. Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка = Чăваш сăмахёсен кёнеки. Вып. 1-17. Казань; Чебоксары: Чувашгосиздат, 1928-1950.
3. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий: в 4 т. / В. В. Радлов. – СПб., 1893-1911.
4. Сергеев Л.П. Детская лексика = Ача-пăча пуплевён сăмахёсем: учеб. пособие. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2010. 70 с.
5. Сергеев Л.П. Диалектологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2006. 160 с.
6. Сергеев Л.П. Старочувашская письменность = Кивё чăваш сырулăхё: учеб. пособие. Чебоксары, Чуваш. ун-т, 1988. 84 с.
7. Щербак А. М. Названия домашних и диких животных в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 82-172.
8. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы: в 7 т. Т. 5. М.: Наука; Восточная литература, 1974-2003.

ФАКТОР ПРАГМАТИЧЕСКОЙ ПОТРЕБНОСТИ В АВТОРСКОМ ДИСКУРСЕ ТВОРЧЕСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Сердийчук Л.П.

преподаватель кафедры иностранных языков и новейших технологий обучения,
Житомирский государственный университет, Украина, г. Житомир

В статье рассматривается творческая языковая личность как продуцент дискурса и прагматические факторы ее деятельности. Внимание уделяется интенциональности дискурса. Потребности являются движущей силой коммуникативной деятельности и базовым элементом прагматического аспекта дискурса.

Ключевые слова: творческая языковая личность (ТЯЛ), потребности, интенциональность, автобиографический дискурс.

В современной психологии творчество понимается как: 1) высоко сознательная деятельность, направленная на создание имеющих общественно-историческое значение продуктов материальной и духовной культуры; 2) теоретическая и практическая деятельность человека, которая обуславливает получение объективно новых результатов. Такими результатами могут быть новые знания, оригинальные способы решения определенной проблемы, научные открытия, новые технологии, высокохудожественные произведения и тому подобное. Личностный аспект творчества предполагает наличие у человека определенных знаний и умений, развитых способностей, высокой мотивации деятельности, которые комбинируются с воображением, хорошо развитой интуицией и стремлением к реализации своих возможностей [7; 9]. Личность, занятая творческой деятельностью, – творческая личность – характеризуется способностью видеть проблемы, готовностью искать новое, информативностью, трудолюбием, самокритичностью [3]. Творческим личностям присущ ряд особенных качеств: самостоятельность суждений, уверенность в себе, способность видеть ценностный компонент трудностей, эстетическая ориентация, способность рисковать. Их самоуверенность, настойчивость, самоуважение способствуют самореализации личностного потенциала [13], важное место занимает дискурсивная реализация; при такой реализации речь идет о *творческой языковой личности*. В этой связи **целью** настоящей статьи является рассмотрение вопроса о прагматических факторах деятельности творческой языковой личности (ТЯЛ) и, в частности, о месте, которое занимают потребности. **Материалом** для исследования послужили автобиографии лауреатов Нобелевской премии в области химии и физики, размещенные на официальном сайте Нобелевского комитета.

Исследователи отмечают, что ТЯЛ присущи такие качества как высокий уровень энциклопедичности, лингвистической и интерактивной компетенции, наивысшая степень навыков употребления языковых систем [10, с.8], способность создавать культурно значимые для современников и потомков тексты [5].

Под творческой языковой личностью мы понимаем творческую личность как носителя языка, владеющую энциклопедическими знаниями, характеризующуюся высоким уровнем лингвистической и интерактивной компетенций, реализующихся в ее профессиональной деятельности и других ситуациях общения; для ТЯЛ творчество является главным занятием, актуализация его результатов требует наивысшего уровня владения речезыковыми навыками. Это – совокупность особенностей вербального поведения творческого человека, использующего язык как средство общения, обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, установок и реакций [11, с.576].

Многочисленные исследования идиостиля писателей – представителей различных культур, являются по своей сути исследованиями индивидуальных творческих языковых личностей в филологическом аспекте. Однако, не достаточно изучена речь ученых, не являющихся филологами. Едва ли мож-

но найти текст без творческой изобретательности автора, индивидуальная оригинальность которого находит выражение в способах использования языка, в стилевых явлениях, связанных с интуицией, жизненным опытом и творческой манерой [4, с. 64-65]. Текст, написанный ученым, – это не только кладёшь научной информации, но и источник представлений о субъекте творческой деятельности – авторе-ученом [8]. Сравнительно небольшое количество работ о речи ученых, не являющихся филологами подчеркивает важность и **актуальность** подобных исследований.

Изучение ТЯЛ на материале их официальных автобиографий предполагает многоаспектность подхода, в частности, закономерным представляется анализ прагматических факторов автобиографического дискурса ТЯЛ. Считаем важным выяснить прагматические составляющие процесса донесения концептуальной информации до читателя. Создавая автобиографию и представляя ее для размещения на официальном сайте Нобелевского комитета, автор-лауреат выполняет определенное задание. Иными словами, автобиографии, служащие материалом для нашего исследования, являются интенциональными по своей сути.

Интенциональность речи стала одной из базовых составляющих коммуникативно-функциональных лингвистических работ [1, с. 220; 2, с. 43; 6, с. 435; 12; 16, с. 28-29; 17 и мн. др.]. Интенциональность рассматривается как сущность сознания, свойство выражать смысловой аспект, несущее информацию о том, что находится вне сознания; проявлениями интенциональности сознания выступают элементы языка в своих внешних и внутренних манифестациях в процессе функционирования [18, с. 20-21]. Интенция интерпретируется как онтологическая черта любого высказывания, как прагматическое программирование, детерминирующее изначальный стратегический вектор его конструирования [14, с. 59].

В изучении интенций важное место принадлежит лингво-психологическим факторам, внимание уделяют понятию прагматических потребностей, в основе которых лежат потребности психологические. Такие потребности являются движущей силой человеческой деятельности, в том числе коммуникативной деятельности, при условии привлечения прагматической парадигмы в изучение дискурса они являются одной из предпосылок возникновения и существования дискурса вообще [15]. В основе теории потребностей лежат работы американских психологов Г. А. Мюррея и А. Х. Маслоу, созданные в середине XX века и нашедшие многочисленных последователей и применение в разных гуманитарных сферах, в том числе в лингвистической прагматике и прагматике дискурса. Система прагматических факторов исследования дискурса может быть представлена таим образом: потребности – коммуникативные интенции – коммуникативная цель (цели) – коммуникативные стратегии – коммуникативные тактики – коммуникативные ходы. То есть, потребности рассматриваются как базовый элемент прагматического аспекта речи и дискурса. В начале 50-х годов XX века приобрела окончательную форму теория, известная как пирамида

А. Х. Маслоу, представляющая собой иерархию из пяти групп потребностей, от элементарных на самом нижнем уровне до более сложных по мере продвижения к вершине этой пирамиды. Психолог выделяет следующие группы: биологические и физиологические потребности, потребности самосохранения, потребности в принадлежности кому-либо и любви, потребности в оценивании (самооценка, достижения, мастерство, независимость, статус, доминирование, престиж, ответственность руководителя/лидера), потребность в реализации личностного потенциала (самовыражение, в том числе профессиональное, поиск личностного роста) [19]. Исходя из приведенной иерархии, потребность в самовыражении принадлежит к наивысшему уровню потребностей личности и детерминирует соответствующие интенции, которые, в свою очередь определяют стратегически-тактические параметры деятельности этой личности.

В аспекте названной теории, автобиографический дискурс ТЯЛ может рассматриваться как реализация определенных стратегий и тактик, которые мотивируются потребностями в профессиональной самореализации лауреатов Нобелевской премии и как способ удовлетворения и реализации такой потребности. Очевидно, что написание автобиографий является далеко не единственным способом самореализации, скорее автобиографии могут рассматриваться как отчет о всей предыдущей жизни ученых в сфере избранной ими науки, однако общедоступность автобиографий Нобелевских лауреатов делает их уникальным способом самораскрытия, самопрезентации, самореализации, подтверждения самооценки и научно-профессионального мастерства, а также подчеркивания личностных статусных параметров.

Перспективу дальнейших исследований видим в комплексном анализе прагматических параметров автобиографического дискурса ТЯЛ.

Список литературы

1. Алефиренко Н.Ф. Современные проблемы науки о языке / Ин-т языкозн. РАН / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 416 с.
2. Демьянков В.З. Намерение в интерпретации и интерпретация намерений в речи / В.З. Демьянков // Текст: структура и анализ: сб. науч. трудов. – М., 1989. – С.41-46.
3. Копець Л. В. Психологія особистості: [навчальний посібник] / Л.В.Копець. – К. : Вид. дім "Києво-Могилянська академія", 2008. – 458 с.
4. Костомаров В.Г. Наш язык в действии. Очерки современной русской стилистики. – М.: Гардарики, 2005. – 288 с.
5. Лаппо М.А. Кого можно назвать носителем элитарной речевой культуры? – 2014. – Электронный ресурс. – Режим доступа: russkayarech.ru/files/issues/2014/4/67-72_Lappo.pdf.
6. Почепцов Г.Г. Избранные труды по лингвистике / Г.Г. Почепцов. – Харьков: ХНУ имени В.Н. Каразина, 2009. – 556 с.
7. Психологічна енциклопедія / Автор-упорядник О.М. Степанов. – К., 2006. – 424 с.
8. Ракитина С.В. Творческий диапазон ученого как языковой личности (на материале работ В.И. Вернадского) / С.В. Ракитина. – 2012. – Электронный ресурс. – Режим доступа: journals.uspu.ru/attachments/article/1478/BRCT_3_10pdf.
9. Риффатер М. Критерии стилистического анализа / М. Риффатер // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1980. – Вып. IX. Лингвостилистика. – С. 69-97.

10. Санченко Э.М. Елітарна мовна особистість: від діалектних витоків до літературної мови: автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.01 "Українська мова" / Є.М. Санченко. – Луганськ, 2009. – 21 с.
11. Селіванова О.О. Сучасна лінгвістика: напрями та проблеми: Підручник. – Полтава: Довкілля – К, 2008. – 712 с.
12. Сусов И.П. Интенциональная структура предложения // Введение в теоретическое языкознание. – 2005. – Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://homepages.tversu.ru>.
13. ТВОРЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http // www.krugosvet. ru/enc/gumanitarnye_nauki/psihologiya _i_pedagogika /LICHNOST_TVORCHESKAYA_LICHNOST](http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/psihologiya_i_pedagogika/LICHNOST_TVORCHESKAYA_LICHNOST) (2011)
14. Худяков А.А. Прагматика: переосмысление термина в свете новых лингвистических идей / А.А. Худяков // Проблемы теории европейских языков – Вып.10. – СПб: Тригон, 2001. – С.51-61.
15. Хурматуллин А.К. Понятие дискурса в современной лингвистике/ А.К. Хурматуллин. – 2009. – Электронный ресурс. – Режим доступа: cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-diskursa-v-sovremennoy-lingvistike.
16. Шевченко І.С. Мовленнєвий акт у когнітивно-дискурсивній парадигмі // Вісник Харківськ. нац. ун-ту ім. В.Н. Каразіна. – 2007. – Т. 10, № 1. – С. 28-36.
17. Brown G. Speakers, Listeners and Communication Exploration in Discourse Analysis. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – 251 p.
18. Ingarden R. Z teorii Jezyka s filozoficznych podstaw logiki. – Warszawa: PWN, 1972. – 508 s.
19. McLeod S. Maslow's Hierarchy of Needs. – 2016. – Электронный ресурс. – Режим доступа: www.simplypsychology.org/maslow.html

ОБ ОДНОМ ОРИГИНАЛЬНОМ ПОДХОДЕ К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Стародубцева З.Г.

доцент кафедры русского языка и литературы, канд. филол. наук, доцент,
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
Россия, г. Таганрог

В работе осмысливается проблема специфики аналитической работы с текстом художественного произведения, представляется опыт постижения природы художественного образа, в формировании которого актуализируются причинно-следственные и анти-следственные отношения.

Ключевые слова: литературно-художественное произведение, текст, художественный образ, художественная деталь, авторская позиция, антиследственное звено.

Литературно-художественное произведение – это неповторимое творение Художника, система, в которой значимы все элементы, их взаимосвязи, взаимодействия и взаимовлияния, это "сложное сплетение специфических "образных" высказываний – мельчайших и простейших словесных образов" [1, с. 187]. Художественный текст многопланов; он является феноменом созданным, вступающим в своеобразные отношения со своими читателями. "Единство текста конституируется прежде всего автором" [2, с. 1064]. В ху-

дожественном тексте актуально не только то, что сказано, но и то, как сказано. То, что и как сказано, реализуется при помощи слова. В контексте данной проблемы следует отметить, что не только писатель владеет словом – само слово владеет сознанием мастера, подсказывая ему и композиционные, и образные решения и открывая ему новые, неведомые прежде смыслы. Слово (знак) – это основной элемент языка.

”Именно язык, знаки языка и другие знаковые системы при чтении литературы выступают в качестве единственного средства общения читателя с автором” [3; с. 137].

В художественном тексте функционально значимо каждое слово, каждая деталь, на первый взгляд, кажущаяся, может быть, несущественной, маловажной. Художественный образ понимается как целостный феномен, пусть даже в его рождении задействуются всего одна-две детали. Подробности, штрихи, части и т.п., из которых складывается изображение человека, явления природы, животного, события, играют важную роль.

Деталь (фр. *detail* – часть, подробность) относится к предметному миру художественного произведения. Детализация – это, собственно, суть образа. Одна-две выразительные художественные детали дают возможность уяснить целостную природу образа. Невозможно здесь переоценить роль воображения.

В основе формирования сюжетной коллизии литературно-художественного произведения могут обнаруживаться как причинно-следственные, так и антиследственные отношения. Антиследственные отношения противоположны причинно-следственным отношениям: исходная посылка предопределяет не логически объективированный результат, а явление противоположное традиционно установленному, предполагаемому, желаемому, ожидаемому т.п.

В тех случаях, когда между планом содержания и планом выражения прослеживаются отношения антиследствия, осмысление функциональной значимости художественной детали представляется еще более весомым, поскольку основанная на вдумчивом творческом прочтении текста ее интерпретация помогает адекватно и полновесно определить авторскую позицию в произведении.

Так, например, оригинальные материалы для проведения подобного вида анализа находим в исторической повести А.А. Бестужева – Марлинского ”Ревельский турнир”.

Метко, тонко, емко писатель изображает чванливое, тщеславное, спесивое остзейское рыцарство. Фрейгерша Книпс-Кнопс запредельно кичится своим происхождением: даже при смерти она не хочет принимать лекарство потому только, что в рецепте не выставлено: ”для урожденной такой-то”! Здесь, безусловно, важно упоминание автора о пребывающей *при смерти* героини. Представление о собственной значимости у фрейгерши гипертрофировано, а поступок ее поражает нелепостью и пустотой: до какой же степени нужно быть самовлюбленной и неумной, чтобы, уже на пороге смерти, отказываться от предлагаемого лекарства лишь в силу отсутствия в рецепте ука-

зания на какой-то штрих в родословной! Одна эта деталь вскрывает сущность фрейгерши: она мелочно тщеславна, глупа, внутренне пуста, беспредельные амбиции заслонили даже естественные реакции тяжелобольного человека.

В художественном произведении глубокий смысл заключен в фамилии и имени героя. Обращаясь к нашей героине, мы можем сказать о том, что фамилия Книпс-Кнопс ассоциируется со словом *кнопка*, которое обозначает предмет бытовой, часто незаметный, не привлекающий внимания, не восхищающий и не рождающий высоких поэтических образов. Антиследственное отношение помогает составить убедительное представление о фрейгерше: дама донельзя горделивая, пафосно утверждающая и подчеркивающая (даже в критических ситуациях) свое высокое происхождение, важная, преисполненная собственной значимости, и т.п. – и внутренне ничтожная, неинтересная, лишенная привлекательной самобытности...

Еще один колоритный образ – фрейлейн Лилиендорф. Вот какая дается ей характеристика:

- ...за ним сидит певица фрейлейн Лилиендорф; знатоки говорят, что голос ее есть смешение соловьиного с совиным...

Согласно толковому словарю, "1 певцом называют человека, который умеет петь. 2 Певцом называют артиста, который поет на сцене. *Чтобы стать певцом, надо иметь талант и работоспособность.* 3 Певцами называют птиц, которые хорошо поют. *Лучшими певцами у нас считаются соловьи*" [4, с. 832].

Итак, важное замечание: фрейлейн Лилиендорф – певица. Следовательно, у читателя складывается впечатление, что фрейлейн обладает соответствующими навыками и умениями, пленяет приятным, мелодичным голосом, это человек, который "умеет петь". Однако люди знающие обращают внимание на то, что голос девушки "есть смешение соловьиного с совиным". Данная художественная деталь красноречива. За исходной посылкой "певица" следует не логически обусловленный результат (талантливая, сладкоголосая, улаждающая своим пением слух и т.п.), а явление, ему противоположное (в голосе обнаруживаются совиные звуки). Это своеобразный антирезультат. Известны певчие птицы варакушка, дрозд, горихвостка, канарейка, иволга, жаворонок, свиристель, чиж, щегол... Смеем осторожно предположить, что если бы голос фрейлейн Лилиендорф воспринимался как смешение пения, например, соловья и жаворонка, можно было бы рассуждать о своеобразии ее вокальных данных. Но ключевой момент в характеристике голоса – смешение соловьиного с совиным – дает читателю вслед за автором возможность утверждать, что речь идет, скорее всего, о горе-певице, которую слушать неприятно: что же это за пение такое, в котором перемешано восхитительное начало (соловьиное) и противоположное ему (совиное)?

Антиследственное звено вскрывает сущность "вокального искусства" фрейлейн Лилиендорф.

Проведение подобного рода работы укрепляет и развивает интерес к внутренней структуре художественного текста, к природе художественного

слова, функциональной значимости художественной детали, актуализирует оптимальный тип анализа текста.

Список литературы

1. Литературный энциклопедический словарь / Под общей ред. В. М. Кожевникова и П. А. Николаева. – М.: Советская энциклопедия, 1987.
2. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. – М.: НПК "Интелвак", 2001.
3. Современные образовательные технологии / Коллектив авторов / Под ред. Н. В. Бордовской. – М.: КНОРУС, 2010.
4. Толковый словарь русского языка. Ок. 7000 слов ст. Свыше 35000 значений. / Под ред. Д. В. Дмитриева. – М.: ООО "Издательство Астрель": ООО "Издательство АСТ", 2003. (Словари Академии Российской).

МОТИВ ОДИНОЧЕСТВА И СРЕДСТВА ЕГО ВЕРБАЛЬНОЙ МАНИФЕСТАЦИИ В ЛИРИКЕ ВЕРОНИКИ ТУШНОВОЙ

Судакова Я.Г.

аспирант кафедры иностранной филологии и методики её преподавания,
Армавирский государственный педагогический университет,
Россия, г. Армавир

В статье исследуются разноуровневые знаки языка, служащие вербальной манифестации мотива «одиночество» в поэтической речи В. Тушновой. Выявлены образные репрезентации концепта ОДИНОЧЕСТВО в лирике поэта.

Ключевые слова: поэтический текст, когнитивная ситуация, замысел, смысл, сема, номинация, предикат, атрибутивные конструкции, образные репрезентации.

Смысловое содержание поэтического текста определяется совокупностью разноуровневых языковых знаков, синтагматика и парадигматика которых обусловлена описываемым автором событием, т.е. когнитивным образом ситуации, реализующим в тексте через своё языковое означивание замысел художника слова.

В отличие от системоцентрического подхода, ориентированного на логику процедурного анализа единиц языка и их описание, антропоцентрический подход предполагает исследование семантики языковых единиц текста, содержательный анализ целого текста, выявление авторских смыслов, изучение языковой картины мира и языковой личности. Основным принципом такого подхода является положение о том, что «единицы текста соотносятся не с логикой изложения содержания, а с логикой специфических, иерархичных *внеязыковых отношений личности* с реалиями действительности, получивших закрепление в смысловой сфере индивида» [7, с. 127].

В статье остановимся на рассмотрении способов языковой объективации мотива «одиночество» в поэтической речи В. Тушновой, являющимся в её лирике одним из основных.

Одиночество как психологическое явление – это деструктивная форма самовосприятия, особое психическое состояние человека, возникающее вследствие фрустрации его потребности в общении с другими людьми [4]. Это состояние всегда эскортируется негативным эмоциональным фоном, связанным с подавленностью, депрессией, отчаянием, тоской, апатией, опустошенностью, чувством вины и сожаления по отношению к прошлому и т.п. Одиночество характеризуется такими признаками, как изолированность, отсутствие социальных контактов, помощи и понимания [6]. При этом важным является тот факт, что чувство одиночества не всегда идентифицируется с физической изолированностью человека от общества, так как люди могут испытывать чувство одиночества, находясь в семье или в компании.

В толковом словаре Д.В. Дмитриева лексема «одиночество» имеет следующее значение: состояние человека, когда он ощущает себя чужим, ничем не связанным с окружающими его людьми, не понятым ими или же оторванным от того, кого он любит, а также связанное с таким состоянием чувство сильной тоски, потерянности, собственной бесполезности, ненужности и т.п. [3, с. 984]. По мнению М.Л. Покрасса, такое состояние транслируется через раскол «отношений и связей внутреннего мира личности» [5].

Структура вербализованного концепта ОДИНОЧЕСТВО в поэтической речи В.М. Тушновой содержит субъективные представления автора о реалиях действительности, обусловленные особенностями смысловой сферы творческой личности, её ценностными ориентациями, задачами художественной коммуникации.

Факты биографии В. Тушновой как экстралингвистические параметры поэтического текста являются во многих стихотворениях основой, семантической составляющей произведений. Так, большая часть её стихотворений о любви посвящена поэту и возлюбленному А. Яшину, состоявшему в браке с другой женщиной. Отсюда грусть, безысходность и усталость лирической героини В. Тушновой.

Рассмотрим стихотворение «И вот опять со мною одиночество...», в котором автор интерпретирует концепт ЛЮБОВЬ через мотив одиночества, означенный лексемами «одиночество», «опять», «уже», синтаксической конструкцией «Которому конца уже не будет»: *И вот опять со мною одиночество, /Которому конца уже не будет.* Так поэт маркирует эмотивную доминанту текста – «безысходность».

Образ возлюбленного, охладевшего к героине, маркирован номинацией «любимый», синтаксическими конструкциями, включающими в свой состав частицу «не» (приём синтаксической негации. – Я.С.), предикатами с отрицательной коннотацией – «поморщится», «скажет и забудет»: *Любимый поцелуем не разбудит. // Ему бродить со мною не захочется, / Рвать для меня кувшинки – не захочется. // «Жарище нынче!» – скажет и поморщится. // «Поедем завтра», – скажет и забудет.* Эти знаки языка служат экспликации смысла «утрата интереса мужчины к тому, что хочет женщина».

Во второй строфе концепт ОДИНОЧЕСТВО объективирован через вербальную манифестацию мотива «утрата смысла жизни», что репрезенти-

ровано в тексте номинацией «жизнь», предикатами, характеризующими «поле жизни»: «поблекла», «стала пыльной, серой, узловатой»: *Ах, жизнь моя, как страшно ты поблекла...// А где же золотая паутина? // А где же разноцветные волокна? // Ты стала пыльной, серой, узловатой...* Эмоциональное состояние героини раскрыто здесь через оппозицию «разноцветный/ однотонный», эксплицированную в языке перцептивами с семой «цвет»: колоративами «золотой», «разноцветные», «серый». Прошлое репрезентировано в тексте атрибутивными конструкциями, включающими в свой состав прилагательные с положительной коннотацией, а настоящее означено лексемами с негативной эмоциональной окраской: а) «золотая», разноцветная», «прекрасный», «горячее», «живое», «любящая», «сильные»; б) «пыльная», «серая», «узловатая», «напрасный», «чужие».

Имя прилагательное «узловатый» служит, на наш взгляд, означиванию смыслов «неразрешимые противоречия в душе героини», «сила душевных переживаний». Синтаксический параллелизм «А где же...» является маркером эмоциональной доминанты второй части стихотворения – растерянности и подавленности женщины; это символ несбывшихся надежд. Счастливое прошлое героини и её возлюбленного контрастирует с днём сегодняшним, где уже нет ни тепла, ни радости взаимной любви. Это есть у других, это уже «чужое счастье», а сама героиня с сердцем, переполненным любви, уже никому не нужна. Но она винит во всём себя: *Вокруг меня как будто бы ограда/Чужих надежд, любви, чужого счастья...// Как странно – всё без моего участия, / Как странно – никому меня не надо. // Сама я, видно, в этом виновата; Как странно – я со всем живым в разлуке...// Зачем же ноги сильные и руки? // И эта любящая солнце кожа? // Глаза, такие жадные до красок? // Зачем моё горячее, живое,/ Любовью переполненное сердце /– Все сто даров прекрасных и напрасных?* В третьей строфе стихотворения мотив «одиночество» маркируется контекстуальными синонимами «слабость», «усталость», предикатами «ненавижу», «презираю»: *О, как я ненавижу одиночество, / Как презираю слабость и усталость!* Единственным средством борьбы с чувством одиночества, способом выжить является для героини В. Тушновой творчество, которое способно победить «солёные слёзы» и «горький мёд воспоминаний»: *О, как я ненавижу одиночество, / Как презираю слабость и усталость! // Поэзия – подруга и помощница, / Как хорошо, что ты со мной осталась!*

Оппозиция одиночества и поэтического творчества маркируется с помощью контекстуально антонимичных словосочетаний «хмель поцелуев» – «ароматы детства», «солёные слёзы» – «сладостные улыбки»: *Мы сядем рядом, близко...вечер длинный.../ НЗ – запас откроем аварийный/ Соленых слёз и сладостных улыбок, /Достанем горький мед воспоминаний, /Раздумья о грядущем хлеб насущный, / Хмель поцелуев, ароматы детства...//Скажи: куда могло всё это деться?* Автор использует предикаты «роздано», «раздарило», отвечая на вопрос, куда исчезли все светлые мысли и чувства. Эмоциональная доминанта, связанная с ощущением полной безнадёжности, объекти-

вирует уверенность поэтессы в том, что «люди сберегут» не только всё прекрасное, чем она с ними делилась, но и её одиночество, «которому конца уже не будет»: *А никуда не делось. Всё осталось. //Всё роздано, раздарено...//И люди всё сберегут –/Любовь твою, усталость,/Надежды, радость... даже одиночество,/ Которому конца уже не будет.*

В других стихотворениях мотив одиночества эксплицируется словоформой «без тебя», предикатом «привыкнуть», посредством антропоморфных образно-метафорических конструкций: *унынье ночи; плач осени в трубе* («Сто раз помочь тебе готова...»). Репрезентантами одиночества у В. Тушновой являются номинации «грусть», «тишь», синтаксические конструкции «хрип счётчика», «шорох книжки» («Не отрекаются любя»), атрибутивно-предикативные конкретизаторы имён существительных (оглохшая, взлохмаченная, чавкающее, усталые («Дорога»). Мотив тяжёлой усталости и невыносимого отчаяния, связанного с разлукой с любимым, в стихотворении «Дорога» объективируют словосочетания со значением субъективной оценки: *ледяные плети, пронизанная сыростью, пронзительный, угрюмый вечер, хрип-лая, бездомная ночь; предикаты хлестать, оцепенеть, вымирать, увязать: Иду одна, оглохшая от ветра,/перехожу взлохмаченную реку.//Мы на реке с тобой бывали вместе,/когда-то шли по этой вот дороге...*

Лирическая героиня в природе черпает силы и вдохновение, обретает душевный покой: *Душа должна уединиться,/ чтобы прислушаться к себе./ И раствориться в блеске этом,/ и слиться с этой синевой,/ и стать самой/ теплом и светом,/ водой,/ и птицей,/ и травой,/ живыми соками напитокся,/ земную силу обрести,/ ведь ей века ещё трудиться,/ тысячелетия расти* («Душа должна уединиться...»). Для творчества нужно одиночество, и в этом смысле номинация «одиночество» приобретает у В. Тушновой сему «свет», осмысливается как способность человека тонко чувствовать красоту природного мира и быть от этого счастливым: *Очертаниями туманными/ Горы высятся над заливом... /Любовался ли ты бакланами/ Утром солнечным и счастливым?.../ Мне от них уплыть не хочется,/ Всплеском вёсел вспугнуть не хочется,/ Мне ничем нарушать не хочется/ Сердца светлое одиночество* («Очертаниями туманными...»).

Таким образом, основные образные репрезентации концепта ОДИНОЧЕСТВО у В. Тушновой следующие:

1. «Одиночество – это безнадёжность и ненужность»: *И вот опять со мною одиночество,/ Которому конца уже не будет; Как странно – все без моего участия,/ Как странно – никому меня не надо.*

2. «Одиночество – это горе и горечь»: *Улыбаюсь, а сердце плачет/ в одинокие вечера; Достанем горький мёд воспоминаний.*

3. «Одиночество – это пустыня»: *И пойму я, что одна в пустыне.*

4. «Одиночество – это разлука»: *Как странно – я со всем живым в разлуке.*

5. «Одиночество – замкнутое пространство»: *Вокруг меня как будто бы ограда/Чужих надежд, любви, чужого счастья...*

6. «Одиночество обостряет восприятие красоты природного мира и располагает к творчеству»: *раствориться в блеске этом,/ и слиться с этой синевой,/ и стать самой/ теплом и светом,/ водой,/ и птицей,/ и травой,/ живыми соками напиться,/ земную силу обрести; Душа должна уединиться,/ чтобы прислушаться к себе. Мне ничем нарушать не хочется/ Сердца светлое одиночество.*

Список литературы

1. Вероника Тушнова. Полн. собр. стихотворений и поэм в одном томе. М.: Эксмо, 2013. 640 с.
3. Дмитриев Д.В. Толковый словарь русского языка. М.: Астрель: АСТ, 2003. 1578 с.
4. Мещеряков Б.Г., Зинченко В.П. Большой психологический словарь. М.: АСТ. СПб.: Прайм-Еврознак, 2008. 868 с.
5. Покрасс М.Л. Освоение одиночества. Самара: Издательский Дом «БахраХ. М», 2005. 280 с.
6. Философский энциклопедический словарь. М.: ИНФРА-М, 2006. 574 с.
7. Четверикова О.В. Знаки авторства как средства вербальной манифестации смысловой сферы творческой языковой личности: монография. Армавир: РИО АГПА, 2013. 236 с.

ОБ УРОВНЯХ ТЕКСТОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Суркеева В.Б.

доцент кафедры русского и сопоставительного языкознания,
канд. филол. наук, Ошский государственный университет, Киргизия, г. Ош

Статья посвящена определению предмета и сущности текстовой деятельности, характеристике схемы смыслового восприятия текста и ее уровней, роли реципиента как получателя текстовой информации.

Ключевые слова: текстовая деятельность, схема восприятия текста, побуждающий уровень, формирующий уровень, реализующий уровень, потребитель текста.

Предметом текстовой деятельности является смысловая информация, составляющая содержание коммуникативно-познавательного намерения участников общения (автора, читателя, слушателя и т.д.) и связывающая их речевые действия.

Текстовая деятельность – процесс, основными звеньями которого являются мотивы, конкретные акты распознавания, осмысления и синтеза составляющих текста, операции с применением средств памяти и воспроизведения. В ней замысел и мотивы предшествуют конкретным операциям чтения и слушания текста. Поэтому текст мыслится как образ и объект мотивированной и целенаправленной коммуникативно-познавательной деятельности.

Ход восприятия текстовой информации представляется И.А. Зимней трехступенчато. В схеме смыслового восприятия текста она выделяет три ступени или уровня:

- 1) побуждающий уровень;
- 2) формирующий уровень;
- 3) реализующий уровень.

Она пишет: «Побуждающий уровень объединяет ситуативно-контекстуальную сигнальную (стимульную) информацию и мотивационную сферу...». Формирующий уровень функциональной схемы смыслового восприятия содержит четыре взаимосвязанные и взаимоисключающие фазы: 1) фазу смыслового прогнозирования; 2) фазу вербального сличения; 3) фазу установления смысловых связей (а) между словами и (б) между смысловыми звеньями и 4) фазу смыслового формулирования. Реализующий уровень на основе установления этого общего смысла формирует замысел ответного речевого действия» [2, с. 73-74; см. также: 3, с. 39-40].

Как видно, уровневое представление смыслового восприятия текста соотносится с положениями теории языковой личности.

1. Побуждающий уровень является подготовительным. Он характеризует предречевое состояние реципиента. Реципиент находится в состоянии готовности к восприятию текста под воздействием совокупности обстоятельств, которые составляют различные ситуации, события, цели, мотивы, причины и т.д. Эти обстоятельства и стимулируют его к совершению перцептивной текстовой деятельности.

2. Формирующий уровень емок и состоит из различных фаз.

Фаза прогнозирования включает в себя сверхзадачу познавательно-текстовой деятельности, предположение об общем содержании текста и его значимости, преднастройку к началу и продолжению перцептивно-речевой деятельности, к выделению лейтмотива и опорных слов, и выражений в тексте.

Фаза вербального сличения охватывает распознавание языковых знаков (графических и звуковых) и их значений, семантизацию составляющих текста на уровне слова. А смысловые связи между словами, между словосочетаниями и между предложениями устанавливаются динамично, по пути от известного к неизвестному, путем синтеза и объединения известного с неизвестным и производятся на фазе осмысления.

Фаза смыслового формулирования отражает этап создания полного образа содержания текста в сознании реципиента – читающего или слушающего.

В тексте содержатся языковые единицы, модели и правила, характеризующие определенные стереотипы речевого поведения в общении и оформленные в знаках конкретного языка. Именно в нем постоянно обнаруживают себя не только сами языковые единицы и конструкции, но и принятые в данном языковом коллективе правила их комбинаторики. Языковые средства здесь выступают в качестве арсенала инструментов коммуникативно-познавательной деятельности, способных производить и воспринимать смысловую информацию, и организованы линейно, последовательно и многоступенчато.

Текст является одновременно образом, продуктом и объектом речевой деятельности. Потребитель текста воспринимает, интерпретирует и исполь-

зует его и субъективно, и объективно. Любая интерпретация текста бывает субъективной и объективной одновременно. Субъективность осмысления и интерпретации связана с индивидуально-психологическими свойствами реципиента (интеллект, образование, социальный статус, возраст, пол и т.д.) и конкретными условиями восприятия.

Объективность истолкования обусловлена содержанием текста как объекта познания, объективным результатом восприятия смысловой информации [4, с. 246].

3. Реализующий уровень отражает результаты перцептивной текстовой деятельности языковой личности, ее готовность к воспроизведению содержания текста, к ответам на вопросы по тексту, к изложению его своими словами.

Как видно, перцептивная текстовая деятельность состоит из различных уровней и этапов, из различных операций и конкретных действий с собственной сверхзадачей и непосредственно реализуемыми задачами, со своими средствами достижения этих задач. Реципиент является получателем, потребителем и интерпретатором текстовой информации. Текст в данном случае выступает не только как продукт и объект речевого общения, но и как образ коммуникативно-познавательной деятельности, поскольку природа текстовой деятельности в основном субъективно-личностная, интуитивная, чувственно-образная.

Исходные коммуникативные намерения автора сообщения реализуются на уровне восприятия и истолкования текста, в ходе воспроизведения его смыслового содержания.

Ясно, что уровни и фазы перцептивной текстовой деятельности происходят по-разному в условиях монолингвизма и билингвизма. Различной может быть преднастройка одного и того же носителя двуязычия к чтению текста на родном и на втором языке. Предъявления мотивов чтения, подготовка чтецов к соответствующим речевым действиям, сами процессы чтения и понимания текста осуществляются в различных условиях общения по-разному.

Но в любом случае, как видно из изложенного, **процесс восприятия проходит этапы мотивации, прогнозирования, распознавания, динамичного осмысления, синтеза и интериоризации.**

Интериоризация текстовой информации характеризует завершающий этап текстовой мыслительно-познавательной деятельности человека, когда смысловое содержание текста свертывается и переходит во внутренний мыслительный план, в план речевых умений и навыков.

Реципиент не производит сообщение, а имеет дело с готовым продуктом речи, с речевым произведением. Он потребляет речевое произведение. Его цели и намерения не всегда адекватны цели и замыслу автора текста.

Восприятие и понимание смысловой информации зависят не только от целей, намерений, стиля, опыта и т.д. отправителя, но и от индивидуальных особенностей ее получателя, его социальной принадлежности.

Естественно, субъектом восприятия текста являются его получатели, потребители. Потребители текстовой информации неоднородны по составу и параметрам, по целеустановке и жизнедеятельности [5, с. 57-58].

Потребитель текста тот, кому нужен текст, кто пользуется им в личных и общественных интересах, кто жизненно заинтересован в получении информации.

Деятельность потребителя текста обуславливается неповторимостью использования смысловой информации, содержащейся в нем, и самого текста для различных целей:

- 1) для формирования умений и навыков письма и чтения;
- 2) для получения базового начального и общего среднего образования;
- 3) для получения оперативной общественно значимой информации (политика, идеология, культура, спорт, религия, прогноз погоды, реклама и т.д.);
- 4) для воспроизведения фактов и событий прошлого (дешифровка письменности, чтение архивных материалов, чтение писем и дневников и т.д.);
- 5) для испытания и переживания эстетического наслаждения (слушание песни и пение, просмотры кинофильма и чтение художественного произведения и т.д.);
- 6) для получения профессии и специальности в процессе самообразования и изучения различных учебных дисциплин по системе среднего профессионального и высшего образования, на курсах переквалификации;
- 7) для ведения научно-исследовательской, учебно-исследовательской и опытно-экспериментальной работы;
- 8) в целях изучения и преподавания языка как неродного;
- 9) для получения информации по линии международных каналов коммуникации и т.д.

Даже такой беглый обзор потребителей текстовой информации по цели перцепции свидетельствует о достаточной обширности сферы их коммуникативно-познавательной деятельности и о разнообразии текстов как носителей и источников полезной для них информации.

Итак, проанализированный во время исследования лингвистический и психолингвистический материал подводит нас к формулированию общих выводов:

1. За каждым текстом стоит не только языковая система, множество знаков языка, но и языковая личность, продуцирующая и репродуцирующая его.
2. Потребитель текста тот, кому нужна текстовая информация, кто пользуется ею в личных и общественных интересах, кто жизненно заинтересован в получении такой информации.

Список литературы

1. Дридзе Т.М. Язык и социальная психология. – М., 1980.

2. Зимняя И.А. Психологическая схема смыслового восприятия // Восприятие речевого сообщения. – М., 1976.
3. Зулпукаров К.З., Кожоева Г.Ж. Эшманова С.К. Основные свойства текста и конфигурации повторов в тексте. – Ош, 2014.
4. Кодухов В.И. Психологическое направление в языкознании и преподавании русского языка. – Ишим, 1993.
5. Суркеева В.Б. Проблемы речевосприятия в условиях киргизско-русского двуязычия. – Бишкек, 2010.

ТЕОРИЯ ТЕКСТА И ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ

Суркеева В.Б.

доцент кафедры русского и сопоставительного языкознания,
канд. филол. наук, Ошский государственный университет, Киргизия, г. Ош

Эшманова С.К.

ст. преподаватель кафедры киргизской филологии
Ошский социальный университет, Киргизия, г. Ош

В статье рассматриваются общие вопросы теории текста, ее принципы организации и общие категории.

Ключевые слова: текст, типология текста, прагматика текста, адресат и адресант в тексте.

Теория текста является сравнительно новой отраслью языкознания. Она имеет ряд аспектов и разделов. Среди них явно выделяются шесть самостоятельных сфер:

- лингвистика текста;
- грамматика текста;
- стилистика текста;
- типология текста;
- прагматика текста;
- семасиология текста [1, с. 16-21; 2, с. 53-67; 3, с. 26-36; 4, с. 8].

В рамках первого направления рассматриваются общетеоретические вопросы текста, принципы его организации и общие категории. Эту сферу исследователи называют общей теорией текста, лингвистикой текста или текстоведением.

В грамматике текста исследуются закономерности устройства речевого произведения как сложного синтаксического целого, отражающие общие и необходимые правила соединения предикативных образований в рамках общего замысла автора. Здесь предложение мыслится как первоэлемент текста. В качестве категорий текста называются категории морфологии и синтаксиса, такие, как предикативность, персональность, наличие адресата и адресанта, темпоральность, модальность, завершенность (наличие начала и конца), развернутость (членимость, разнородность и иерархичность состава), це-

лостность (единство темы, предмета и содержания) и связность (наличие структуры и взаимосвязанных частей, непрерывность и неоднородность связей) и т. д.

В рамках стилистики текста выявляются и описываются функционально-семантические типы текста: статика речи проявляется в функции описания, ее динамика – в функции повествования, аппликативные связи речевых произведений – в функции рассуждения. С другой стороны, текст допускает описание с позиции функциональных стилей речи, поскольку каждый текст относится к тому или иному стилю речи, к тому или иному его жанру и поджанру.

Цель типологии текста – выделить и разграничить наиболее характерные его классы и разновидности.

Тексты классифицируются по объему, по назначению, по форме изложения, по языку, по сфере применения, по характеру и социальному положению адресата и т. д. Невозможно произвести деление текстов на основании одного параметра.

Текст, содержащийся в амулете, имеет одно назначение. Он как бы обладает магической силой, и его содержание часто бывает неизвестным для адресата. Справочные и энциклопедические издания преследуют иные цели, нежели тексты в учебниках для учащихся 1-го класса.

Тексты отличны друг от друга с позиции реципиента. Учащийся 1-го класса не выбирает текст для чтения. Выбор той или иной статьи в энциклопедическом словаре для чтения осуществляет сам реципиент в соответствии со своими задачами, интересами, потребностями.

Тексты многообразны и по объему. «Объемное» деление текста отличается от других классификаций. Огрубляя, можно разграничить три типа текста по объему: малые, средние и крупные тексты. Минимальный объем имеют малые тексты: предложение, пословица.

По принадлежности к функциональным стилям речи различаются публицистические, научные, производственно-технические, официально-деловые и другие тексты.

Тексты различаются по ролям адресата и адресанта. В диалоге они меняются ролями. Текст-диалог характеризуется признаками устной разновидности языка – краткостью, эллиптичностью, недоговоренностью, непоследовательностью, обрывистостью, бессоюзием, употребительностью разговорных слов и фразеологизмов, употреблением экстралингвистических средств (вокальных, кинетических и других). Для текста-монолога свойственны преимущественно литературно-книжная лексика, распространенность и развернутость высказывания, логическая последовательность изложения, синтаксическая оформленность, наличие союзов и другие признаки.

По форме изложения различаются: 1) описательные тексты; 2) повествовательные тексты; 3) тексты-рассуждения.

По отношению к языку реципиента разграничиваются тексты на родном языке, тексты на втором языке (в том числе на иностранном), билинг-

важные тексты. В современном мире широко представлены билингвальные тексты – тексты на двух языках. Достаточно обратиться к вывескам, афишам и рекламам в городах нашей республики, чтобы убедиться в распространенности би- и трилингвального функционирования текста.

Все сказанное говорит о том, что классификация текста так или иначе осуществляется в связи с личностью адресата и адресанта, создателя и потребителя текста, учитывает их особенности. В тексте, следовательно, значительна роль языковой личности [3, с. 31-35].

Языковая личность является емкой категорией теории языка и речевой деятельности, включающей в себя систему «субъект – объект – процесс речи – множество обстоятельств», имея языковое и внеязыковое содержание.

Говоря о языковом сознании личности, мы должны иметь в виду те особенности речевого поведения индивидуума, которые определяются коммуникативной ситуацией, его языковым и культурным статусом, социальной принадлежностью, полом, возрастом, психическим типом, мировоззрением, особенностями биографии и другими константными и переменными параметрами личности. Эти параметры личности, так или иначе, проявляются в ее речи и текстовой деятельности. Текст как продукт речи отражает свойства своего производителя и учитывает особенности потребителя, поэтому он выступает и как субъективно-личностное речевое произведение (наряду с другими характеристиками).

Цель детерминирует производство текста. Она же мотивирует и его потребление. Реципиенты, как и его потребители, интерпретируют и используют тексты по-разному, по-разному ощущают «текстовую деятельность». Рецептивно-текстовые действия являются звеньями общей коммуникативно-познавательной деятельности. Они проявляются во внутренней деятельности как осмысление, переживание и оценка текста и во внешней деятельности в виде чтения или слушания.

Список литературы

1. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М., 1981.
2. Горшков А.И. Русская стилистика. Стилистика текста и функциональная лингвистика. – М., 2006.
3. Зулпукаров К.З., Кожоева Г.Ж., Эшманова С.К. Основные свойства текста и конфигурации повторов в тексте. – Ош, 2014.
4. Солганик Г.Я. Стилистика текста. – М., 1997.

ПРИНЦИПЫ СОЗДАНИЯ ЭПИТЕТОВ В «ШАХНАМЕ» ФИРДОУСИ

Таджибоев Ш.Г.

доцент кафедры таджикской классической литературы, канд. филол. наук,
Худжандский государственный университет, Таджикистан, г. Худжанд

В статье рассматриваются принципы создания эпитетов в персидско-таджикской классической поэзии. Автор на материале эпоса Фирдоуси «Шахнаме» исследует основ-

ные принципы применения эпитетов, которые характерны для поэзии. Выделяются и описываются характерные особенности принципов создания данной фигуры.

Ключевые слова: эпитеты, принципы создания, таджикская литература, «Шахнаме», Фирдоуси, поэтическая фигура.

При анализе эпитетов знаменитой персидско-таджикской поэмы «Шахнаме» Фирдоуси нами было выявлено множество принципов создания данной фигуры, выявляющие их художественную ценность, семантические, стилевые, экспрессивные и изобразительные особенности, в числе которых выделяет следующие:

1. Изафетные эпитеты – изображаемое и изображающее даются в виде словосочетания:

Ҳама ҷанг бо *чаими гирён* кунам,
Ҷаҳон чун дили хеш гирён кунам [2, с. 250].

Как явствует из приведенного бейта, эпитет «чашми гирён» (плачущие глаза) в виде словосочетания приобретает смысловую связь. Подобные выражения характерны как для поэзии, так и для прозы.

2. Эпитеты без изафета – приобретают смысл без всякого вспомогательного средства:

Ба кӯхе дар аст ин замон бо сарон,
Ду дида пур аз обу лаб ночарон [4, с. 183].

В этом бейте имеются в виду выражения «дидаи пур аз об» (глаза, наполненные слезами) и «лаби ночарон» (голодные губы) при дополнении изафета эпитеты становятся более выразительными, тем не менее в данном случае метрика стиха требует без изафетной формы.

3. Превосходство изображения над изображаемым. Обычно в поэзии эпитеты стоят после изображаемого слова, но есть случаи, когда эти компоненты перемещаются. При перемене места изафет не используется:

Чу баргашту омад ба шаҳри Фараб,
Бежанг рухсору пурханда лаб [5, с. 556].

4. Разъединение изображаемого и изображения в бейте. В этом виде эпитетов изображаемое дается в первой строке бейта, а изображение – во второй:

Дили номдорон андар он баста шуд,
Ғамӣ буд пурандешаву хаста шуд [2, с. 184].

5. Разъединение изображаемого и изображения в строке. В этом виде эпитетов изображаемое и изображение даются разрозненно, но в пределах одной строки:

Яке **бод** бархост бас **ҳавлноқ**
Дами чангиён шуд аз он пур зи бок [5, с. 199].

6. Разъединение изображаемого и изображения в пределах нескольких бейтов. В таком виде эпитетов изображаемое дается в первом бейте, а изображение в другом:

Шигифтӣ ба гетӣ зи **Рустам** басест,
 К-аз ӯ дoston дар дили ҳар касест.
 Ба хушкӣ чу пилу ба дарё наҳанг,
Хирадманду бедордил, марди чанг [3, с. 6].

7. Оживление или олицетворение неодушевленного объекта изображения. В этом виде эпитетов неодушевленные предметы приобретают человеческие свойства. Этот вид эпитета позволил поэту использовать определения, не подлежащие эмоциональному или умственному восприятию.

Чу аз ханчари рӯз бигрехт **шаб**,
 Ҳаметохт **тарсондилу хушкляб** [6, с. 16].

В этом бейте эпитеты «тарсондилу хушкляб» (трусливый и с высохшими губами) относятся к слову «шаб» (ночь), что в действительности нереально.

Перечисленные принципы создания эпитетов раскрывают многогранное мастерство поэта. Каждый из названных принципов является не только поэтическим элементом, но, в свою очередь, раскрывает художественную ценность семантико-стилистические и экспрессивно-изобразительные возможности эпитетов. Поэтому названные виды эпитетов следует признать не формообразующими элементами, а средствами передачи смысла и художественной выразительности.

Список литературы

1. Таджибаев Ш.Г. Эпитеты и принципы составления словаря эпитетов персидско-таджикской поэзии (по материалам "Шахнаме" Фирдоуси). дис. ... канд. филол. наук. Худжанд, 1999. 152 с.
2. Фирдоуси А. Шахнаме: в 9 т. (Составители К.Айни, З.Ахрори, Б.Сирус). Душанбе: Адиб, 1988. Т.3. 528 с.
3. Фирдоуси А. Шахнаме: в 9 т. (Составители К.Айни, З.Ахрори, Б.Сирус). Душанбе: Адиб, 1988. Т.4. 408 с.
4. Фирдоуси А. Шахнаме: в 9 т. (Составители К.Айни, З.Ахрори, Б.Сирус). Душанбе: Адиб, 1988. Т.6. 552 с.
5. Фирдоуси А. Шахнаме: в 9 т. (Составители К.Айни, З.Ахрори, Б.Сирус, А.Девонакулов). Душанбе: Адиб, 1988. Т.7. 656 с.
6. Фирдоуси А. Шахнаме: в 9 т. (Составители К.Айни, З.Ахрори, Б.Сирус, А.Девонакулов). Душанбе: Адиб, 1988. Т.9. 496 с.

ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ГЛАГОЛОВ И ИХ КОММЕНТИРОВАНИЕ В «НЕПОЛНОМ ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ» С. АЙНИ

Тилляходжаева М.Н.

доцент кафедры методики преподавания таджикского языка и литературы,
 канд. филол. наук, Худжандский государственный университет,
 Таджикистан, г. Худжанд

В статье рассматриваются вопросы тематической дифференциации глаголов «Неполного толкового словаря» С. Айни, анализ которых позволяет разделить их на две большие группы: однозначные и многозначные глаголы.

Ключевые слова: глаголы, С. Айни, тематическая дифференциация, однозначные глаголы, многозначные глаголы.

При анализе глаголов в «Неполном толковом словаре» основоположника современной таджикской литературы С. Айни было замечено, что многозначные глаголы превалируют чем однозначные. Изученный материал выявляет ценностную ориентацию лексикографических толкований автора словаря и его деятельность по словарной характеристике особенностей семантики 320 непроемных глаголов, составляющих глагольные единицы, которое мы систематизировали и классифицировали в виде пяти тематических групп, обозначающих действие, движение, состояние, отношение и воздействие.

Деление глаголов на эти группы обусловлено тем, что понятие отношения, лежащее в основе грамматического категориального значения этой части речи, определяется в терминах их синтаксических связей и, прежде всего, по субъектно-объектной ориентации действия. В частности, у глаголов движения отсутствует объектная позиция, а глаголы воздействия обладают такой облигаторной интенцией. Естественно, что подобные возможности влияют на актуализацию различных значений предикативного полисеманта, поскольку именно в синтагматике формируются новые семантические значимости, которые иногда квалифицируют как «семантические приращения», формируется новый смысл [1, с. 405]. В этом отношении совершенно прав Ю.Д.Апресян, отмечая, что «модель управления слова мыслится как особая зона словарной статьи данного слова, в которой помещена синтаксическая информация о нём» [2, с. 133].

320 глаголов словаря можно разделить, как отмечено ранее, на две группы: моносемантические и многозначные. Количество полисемантических глаголов значительно больше, чем моносемантических. Видимо, такое соотношение – одна из языковых универсалий.

В ряду 320 простых глаголов 116 обозначают действие, обладая от двух до восьми значений.

Количество глаголов движения равно 94 единицам, подавляющее большинство которых также являются полисемантами. Число значений отдельных глаголов этой группы в словаре С. Айни по сравнению с другими словарями ограничено. С. Айни включал в свой словарь прежде всего те значения глагольных полисемантов (часто только эти), не являющихся по тем или иным причинам массовым достоянием носителей языка. Это либо семантические новообразования, либо классические значения, не усвоенные пока массовым носителем языка. Возможно, такой концепцией словаря и объясняется необычное его название «луцати нимтафсилц» – неполный, т.е. не такой подробный, как если бы он включал все значения, в том числе и общеизвестные.

Сравнивая словарь С. Айни с двумя словарями классического периода, можно легко убедиться в том, что автор глубоко изучил опыт классической таджикской лексикографии и успешно применил его в своей практике составления словаря нового времени.

Следует отметить, что объем отдельного значения полисеманта в словаре С.Айни иногда уже, чем в представлении других авторов. Примером такого явления может служить слово «кашидан», у которого С.Айни находит четыре значения, а «Словарь таджикского языка» («Фаръанги забони тожикц») выделяет двенадцать значений, «Персидский словарь Муина» («Фаръанги форсии Муин») фиксирует шестнадцать значений.

Меньшее число значений полисемантических слов в словаре С.Айни связано также с некоторыми факторами. Так, С.Айни создал свой словарь за два года, тогда как «Словарь таджикского языка» и «Персидский словарь Муина» создавались в течении нескольких лет. Более того, они использовали богатый опыт не только авторов классических словарей, но лексикографов современной эпохи, включая и труд самого С.Айни. К тому же они комментировали и очень редко актуализируемые семантические оттенки полисемантических глаголов.

Что касается глаголов, обозначающих состояние, то их насчитывается в словаре в количестве 53 единиц.

Между значениями многозначного слова существуют иные отношения: они находятся или в отношении однонаправленной детерминации, или между ними существуют отношения не взаимоисключающие дизъюнкции [3, с. 90].

В словаре С. Айни представлены 100 глаголов, обозначающих отношения. Автор первоначально описывает их прямое значение, а затем комментирует производные и переносные их значения и их смысловые оттенки.

В словаре С.Айни мы насчитали 25 глаголов, обозначающих семантику влияния. Глаголы этой тематической группы, по данным С. Айни, обычно многозначны. Наряду с основным значением у них наблюдаются также и переносные значения, и их разные семантические оттенки. Наибольшей многозначностью отличаются глаголы «гурехтан» (убегать, спасаться бегством, скрываться) и «расидан» (доходить, достигать, прибывать), у которых имеется по девять значений. Правда, это число в словаре С.Айни значительно меньше, чем в двух других упомянутых словарях.

Многозначным является также и глагол «шудан», который большей частью используется в качестве вспомогательного глагола, хотя раньше он функционировал и как полнозначный глагол.

В целом в словаре С.Айни глаголы всех указанных тематических групп характеризуются как многозначные, что обычно проявляется в их дистрибуции, т.е. в сфере синтагматики, поскольку в основе лексического значения глагола как слова, обозначающего разного рода отношения, заложено, прежде всего, понятие субъектно-объектной ориентации действия, не говоря уже о роли сирконстантов различных разрядов. Поэтому особенно сложна семантическая структура глаголов, обладающих субъектно-объектной, также сирконстантной валентностью. Отмечая эти особенности указанных глаголов, совершенно справедливо подчеркнуть правомерность суждения Д.Н. Шмелева, что «Когда мы говорим о разных значениях, присущих данному слову,

мы, по существу, и исходим из разных контекстов его употребления» [3, с. 85].

Анализ 5 выделенных нами тематических групп глаголов разных по структуре, производных и составных, выявил, что наиболее полисемантичными являются простые глаголы. Это связано, очевидно, с тем, что аффиксальные словообразовательные морфемы и модификаторы составных глаголов конкретизируют и ограничивают исходное лексическое значение производящих слов, хотя порою и во вновь созданных словарных единицах возникают новые переносные и фразеологически связанные значения.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. – М.: Наука, 1974.
2. Ахмадов М. Толковый словарь Садриддина Айни и его лексикографические особенности. АКД. Худжанд, 2002. – 21 с.
3. Кубрякова Е.С. Семантика производного слова // Аспекты семантических исследований. – М.: Наука, 1980. С. 81-155.
4. Тилляходжаева М. Классификация глаголов в полутолковом словаре Садриддина Айни// Вестник Таджикского национального университета. (научный журнал). – Душанбе. – 2008. №2 (48). С. 81-89.
5. Хакимова Ш.И. Лексические синонимы в поэзии Лоика Шерали. Автореф. дисс...канд. филол. наук. – Худжанд, 2012. – 24 с.

ЯВЛЕНИЕ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В ПЕРЕВОДЕ

Ткачева Ю.Г.

старший преподаватель кафедры теории и практики перевода,
Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко
Луганская Народная Республика, г. Луганск

В статье широко освещается явление интерференции как результата ассиметричного билингвизма. В переводческой деятельности интерференция представляет собой препятствие для достижения эквивалентности, а, следовательно, и адекватности перевода. Переводческий процесс рассматривается как процесс взаимодействия и в то же время процесс столкновения родной и вторичной лингвокультуры. Описывается переводческая стратегия, направленная на преодоление лингвоэтнического барьера и интерференции в переводе.

Ключевые слова: интерференция, билингвизм, перевод, картина мира, лингвокультура, иная ментальность, межкультурная коммуникация.

Перевод – это ситуация двуязычной коммуникации, в основе которой лежит билингвизм, т.е. способность переводчика использовать в коммуникации два языка. Билингвизм профессионального переводчика – это не только знание двух языков и культур, но и умение находить и соотносить коммуникативно- равноценные средства этих языков с учетом особенностей конкретного акта общения, а также знание принципов, методов и приемов, создающих такое умение. Оказавшись в ситуации коммуникации на одном из двух

языков, переводчик, как и всякий билингв, испытывает на себе воздействие системы другого языка, то есть в его речи в большей или меньшей степени возникают факты интерференции. Интерференция проявляется наиболее отчетливо при так называемом ассиметричном билингвизме, когда один из языков, как правило, родной, доминирует над другим, изученным. Интерференция может затрагивать любой уровень взаимодействия языков, оказавшихся в контакте в языковой практике индивида. В ходе взаимодействия языков возникает асимметрия, конфликт парадигматики и синтагматики, столкновение индивидуальной культуры автора оригинального текста и обобщенной культуры, заключенной в единицах языка оригинала и довлеющей над сознанием переводчика, что вполне естественно, если учесть, что способность к обобщению – это то универсальное и важнейшее свойство языка, отличающее его от других семиотических систем.

Наиболее сложные явления интерференции возникают, однако, не на уровне языка как системы, а на уровне узуса, в процессе реализации языка в речи, когда в силу интерференции фонетически, лексически, грамматически и даже интонационно грамотная речь на иностранном языке покрыта налетом чужого. В ней не оказывается того, что должно было бы быть в речи носителя языка и, напротив, может возникнуть то, чего в речи носителя языка, скорее всего не было бы [2, с. 317].

Явление билингвизма и сопутствующее ему явление интерференции не чуждо и переводческой деятельности. «Перевод – это языковой контакт и одновременно явление билингвизма». И в рамках этой деятельности билингвизм и интерференция обладают рядом специфических черт. Перевод – это «предельный случай билингвизма, редкий со статистической точки зрения, где сопротивление обычным последствиям билингвизма более сознательно и более организовано; случай, когда говорящий билингв сознательно борется против любого отклонения от лингвистической нормы, против любой интерференции...» [6, с. 37]. Считаем необходимым заметить, что внимание к межъязыковой интерференции вызвано тем, что она представляет собой препятствие для достижения эквивалентности перевода.

Иначе говоря, для переводческого билингвизма характерно понимание негативных явлений интерференции, знание приемов ее преодоления, стремление к сознательному и последовательному противодействию отрицательной интерференции.

Перевод – это ситуация билингвизма особого рода. Если обычно билингв пользуется то одним языком, то другим в зависимости от ситуации общения, то при переводческом билингвизме в условиях опосредованной коммуникации переводчик использует два контактирующих языка. В процессе перевода оба языка не только присутствуют, но и соотносятся друг с другом в акте речи и функционируют практически одновременно, благодаря механизму переключения с лингвокультуры одного социума на язык и культуру другого социума. Поэтому, как отмечает А. Д. Швейцер: «именно эта соотнесенность, и, в первую очередь, соотнесенность на уровне узуса и нормы и образует языковую базу переводческой компетенции» [7, с. 26].

В данной статье считаем необходимым акцентировать внимание на явлении отрицательной (деструктивной) интерференции. Отрицательная интерференция выражается в отклонении от системы, норм и узуса иностранного языка под влиянием родного. В рамках языка как системы интерференция способна охватывать все уровни языка, но особенно заметна в фонетике (акцент, нарушение интонационного рисунка высказывания). Главный источник интерференции – расхождения в системах взаимодействующих языков: различный фонемный состав, различное соотношение интегральных и дифференциальных признаков, различные правила позиционной реализации фонем, их сочетаемости, различная интонация. На лексическом уровне интерференция обусловлена несовпадениями в отношениях между означающими, означаемыми и знаками в двух языках. Часто можно наблюдать различия ассоциативных полей лексики, несовпадение лексической сочетаемости и многое другое. Источником интерференции является и различный состав грамматических категорий и/или различные способы их выражения [4, с. 197].

В отличие от условий одноязычной коммуникации, переводческая деятельность направлена не на создание или восприятие первичного текста (оригинала), а на воссоздание текста-оригинала на языке перевода. Цель переводческой деятельности есть создание вторичного текста – текста перевода. Имея дело со сложным языковым и речевым знаком – текстом, с воссозданием на языке перевода уже существующего речевого произведения (оригинала), переводчик оказывается во власти не только двух систем языков, но и уже материализованного в знаках одного из этих языков высказывания/текста как сложного знака лингвокультуры. Следовательно, интерференция проявляется как взаимодействие, взаимовлияние на уровне дискурса, на уровне текстовых стратегий и конвенций, имеющих лингвистическую и этнокультурную составляющую.

В процессе перевода осуществляется как контакт, так и столкновение культур на когнитивно-культурологическом уровне, но не только культуры одного народа с культурой другого как объективных способов жизнедеятельности народов, а и культуры исходного этноса, субъективно воспринятой и описанной автором оригинала в рамках текста, с субъективными представлениями переводчика о чужой культуре и об особенностях ее интерпретации автором оригинала. Как правило, автор оригинального речевого произведения создает некую модель как результат отражения воспринимаемого фрагмента действительности. Эта модель – продукт его индивидуальной когнитивной и творческой деятельности. Именно эту модель и должен декодировать переводчик, обратившись к тексту оригинала. Такая авторская (субъективная) отраженная модель действительности, а не сама объективная действительность воспроизводится в переводе, получает свое материальное воплощение в тексте перевода [2, с. 320].

В процессе декодирования оригинала и на этапе порождения текста перевода переводчик делает выбор, исходя из культурно-когнитивных и ситуационных соображений. В данном контексте нам очень близка позиция

З.Д. Львовской, которая отмечает следующее: «без культурно-когнитивной компетенции, которая включает, среди прочего, умение использовать языковые средства на основе определенных представлений, и без учета ситуационных факторов, иными словами, тех внешних обстоятельств, в которых осуществляется акт коммуникации и которые являются релевантными для каждого отдельного случая, «переводчик не сможет десубъективизировать исходный текст и объективизировать текст перевода адекватно новой ситуации» [5, с. 112].

Каждое воплощение текста оригинала в тексте перевода несет отпечаток индивидуальности переводчика. Вариативность, корректность, равнозначность воплощения в переводе исходной авторской модели действительности зависит не только от вариативной способности языка-речи, но и от компетентности и мастерства переводчика. Интерпретируя оригинал, переводчик пытается расшифровать субъективные смыслы исходного текста, оперируя общими, то есть объективными смыслами знаков. Но его интерпретация также субъективна. Как правило, она подчинена его собственному когнитивно-культурологическому опыту в родной и иноязычной культуре, его умению понять частное, субъективное через общее, объективное. Именно поэтому один и тот же текст может быть понят разными людьми по-разному, поэтому же в практике художественного перевода множественные переводы одного и того же произведения – обычное дело [2, с. 272].

В процессе перевода как процессе взаимодействия и столкновения родной и вторичной лингвокультуры переводчику приходится преодолевать «лингвоэтнический барьер»: расхождения языковых систем исходного языка и языка перевода, расхождения речевой нормы/узуса, действующих в коллективах носителей исходного языка и языка перевода, расхождения коммуникативно релевантной преинформации носителей исходного языка и языка перевода, то есть экстралингвистических знаний, которые используются при восприятии и интерпретации текста, в том числе культурно-исторической информации и информации об актуальных текущих событиях, а также несовпадение устойчивых привычек в области восприятия, интерпретации и построения текста [3, с. 104-105].

Преодоление интерференции становится возможным благодаря переводческим трансформациям, которые состоят в перемещении, замене элементов или изменении числа элементов – добавлении или опущении. В контексте преодоления интерференции при переводе В.Г. Гак выделяет трансформации трех типов: 1) структурная трансформация – замена слова словосочетанием, изменение порядка слов или актантной структуры высказывания; 2) семантическая трансформация, состоящая в том, что меняется семантическая структура слова, а не число слов и их функции; 3) структурно-семантическая трансформация, когда при переводе имеет место и структурное и семантическое преобразование [1, с. 513].

Таким образом, интерференция явление, неизбежно возникающее в процессе перевода, которое, как правило, проявляется в нарушении нормы и

узуса переводящего языка и препятствует достижению эквивалентности, а, следовательно, и адекватности перевода. Вместе с тем переводчик, обладающий достаточным набором профессиональных компетенций и знаний, всегда сознательно использует некоторые технические приемы, позволяющие преодолеть трудности, вызванные данным явлением. В противном случае межъязыковая интерференция может привести к блокированию передаваемой текстом информации и не будет воспринята реципиентом.

Список литературы

1. Гак В.Г. Семантическая экономия и избыточность как средство преодоления интерференции при переводе // Гак В.Г. Языковые преобразования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – С. 512-519.
2. Гарбовский Н.К. Теория перевода. – М.: Изд-во моск. ун-та, 2004.
3. Латышев Л.К., Семенов А.Л. Перевод: теория, практика и методика преподавания. – М.: Изд. центр «Академия», 2003.
4. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990.
5. Львовская З.Д. Современные проблемы перевода / Пер. с исп. – М.: Издательство ЛКИ, 2008.
6. Мунэн Ж. Перевод как языковой контакт // Вопросы перевода в зарубежной лингвистике. – М.: Международные отношения, 1978. – С. 36-41.
7. Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. – М.: Наука, 1988.

ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ РОМАНА-ЭССЕ АНАТОЛИЯ ДЗАНТИЕВА «НЕБЕСНЫЕ ШАХМАТЫ»

Тотиева А.Н.

доцент кафедры русской филологии, канд. пед. наук, доцент,
Северо-Осетинский государственный педагогический институт,
Россия, г. Владикавказ

Статья посвящена творчеству современного осетинского писателя Анатолия Дзантиева. В ней анализируются жанровые особенности романа-эссе писателя «Небесные шахматы».

Ключевые слова: эпизод, тема, композиция, диалог, идейный смысл, художественное своеобразие.

Творчество современного осетинского писателя Анатолия Дзантиева характеризуется жанровым и тематическим разнообразием, остротой и неординарностью проблематики, богатством изобразительно-выразительных средств. Проблемы, затрагиваемые писателем, отличаются многогранностью, неординарностью и включенностью в определенный культурный контекст. Это история и современность, философия жизни и смерти, проблема человеческих отношений, любви, памяти, сопричастности к культуре и традициям своего народа. В своих произведениях писатель предстает как мастер художественного слова: выразительной метафоры, цветового эпитета, меткого

сравнения, яркой антитезы. Структура его повествования необычайно разнообразна: это и авторская речь, и повествование, включающее голоса персонажей, повествование от первого лица и от третьего [1, с. 175].

Художественно-философский роман-эссе А. Дзантиева «Небесные шахматы» не случайно имеет подзаголовок «Мысли вслух». Это размышления писателя над вечными вопросами жизни и смерти, бессмертия души и потустороннего мира. Своеобразная композиция романа-эссе, отсутствие сюжета как такового, что соответствует жанру романа, яркие мысли и образы, высказывания мудрецов, эпические фольклорные образы, сновидения не могут оставить читателя равнодушным и вызывают душевный отклик. Книга состоит из множества отдельных главок – больших и малых, часть из которых укладывается в несколько слов. «Размышления автора о жизни и смерти соседствуют с текстом песни, которую исполняют при цоппае, осетинском обрядовом танце, совершаемом по убитому молнией. Записи сновидений – своих и чужих – перемежаются жанровыми картинками, а детский вопрос (“Папа, я знаю, что дядя Азамат умер, но почему он не приходит к нам хотя бы по воскресеньям?”) – литературной стилизацией: ответом покойной Делии Елены Сан Марко на адресованное ей письмо Борхеса» [2]. В книге читатель находит эпизоды из нартского эпоса, рассказы осетинских классиков (особенно впечатляет предание «По законам гор» осетинского прозаика Ашаха Токаева в переводе автора), народные пословицы, суры из Корана... Воспоминания о детских и юношеских впечатлениях при первых встречах с чужой смертью, историю-быль об охотнике, который лишил себя жизни после странных встреч в горах с девушкой, в которой его бабушка, по описаниям внука, опознала горного духа... Белые стихи...

Философское осмысление темы смерти, ее вечной тайны и обратной стороны бытия человека характерно для прозы А. Дзантиева: его рассказов «Всадник», «Торжество жизни», «Амулет», «Никогда, никогда!», – а в романе-эссе «Небесные шахматы» становится основной идейно-смысловой составляющей содержания произведения.

В предисловии к роману, говоря о его замысле, А. Дзантиев пишет: «Жизнь и смерть – это две неразлучные сестры, возможно, даже близнецы. Согласившись с этим, следует признать, что жизнь все-таки постарше своей печально известной близняшки. Рождение первой предопределило появление второй, а не наоборот. Более того, в отсутствие жизни смерть становится полнейшей нелепицей, жизнь без смерти еще возможна (хотя бы теоретически), тогда как смерти без жизни – не жить никак. Тень, как известно, сама по себе существовать не может. Сказанного, на наш взгляд, вполне достаточно, чтобы прийти к выводу о доминанте жизни над смертью. «Цардай тыхджындар ницы ис» («Нет ничего сильнее жизни»), – говорят осетины, и это лучше всего подтверждается на примере существования самой Жизни» [3, с. 11-12].

Смысловым и композиционным центром романа, на наш взгляд, следует считать эпизод игры в шахматы молодой женщины со смертью, представляющий собой драматическую сцену с тремя действующими лицами: ОН,

ОНА и СМЕРТЬ. Именно эта сцена отсылает читателя к названию романа-эссе – «Небесные шахматы».

Первая часть эпизода – диалог женщины с ее тяжело больным любимым мужем. Из него читатель узнает о том, что ОН выписан из больницы как безнадежный больной, а ОНА участвовала в турнире и выиграла его:

«ОН. Поздравляю, ты у меня умница. Так, глядишь, и чемпионкой мира станешь.

ОНА. Я только ради тебя старалась. Целую кучу денег заработала. Лекарств тебе самых современных накупила, с хорошими врачами консультировалась... Вместе мы одолеем любой недуг, можешь в этом не сомневаться, а как поправишься, обязательно отправимся путешествовать...» [3, с. 199-200].

Однако ОН делится своим странным ощущением присутствия кого-то неведомого рядом с ними: «Можешь не сомневаться, я чуть ли не кожей это чувствую» [3, С. 202]. ОНА старается успокоить ЕГО, говорит нежные слова о своей любви и о том, что они никогда не умрут.

Вторая часть эпизода – диалог женщины со смертью, которая не замедлила явиться с наступлением ночи. Смерть сообщает женщине, что пришла за ее больным мужем:

«ОНА. Но он еще так молод!.. Ему рано умирать...

СМЕРТЬ. Я выбираю свои жертвы не по возрасту.

ОНА. Нет, нет, так просто я тебе его не уступлю! Это дорогой для меня человек. Я не смогу без него жить. Мы скоро должны отметить годовщину нашей свадьбы, позволь нам немного насладиться жизнью.

СМЕРТЬ. Я не принимаю в расчет доводы людей, какими бы вескими они ни выглядели, и тем более не могу позволить себе быть великодушной. Иначе человечество очень скоро обрело бы бессмертие, а оно свойственно только богам» [3, с. 206-207].

Женщина в отчаянии просит поделить оставшиеся ее годы жизни с мужем, и тогда Смерть, тронутая ее бескорыстием, предлагает сыграть партию в шахматы, ставкой в которой будет жизнь ее мужа. Шахматная партия завершается победой шахматистки, однако победа ее условна, потому что человек все же смертен. Смерть заявляет женщине: «Я не проиграла, а только отложила нашу партию, перенесла ее на более поздний срок. Придет время, и мы обязательно к ней вернемся. Ну, а мат, который ты мне с таким восторгом объявила, можешь считать моим скромным подарком на годовщину вашей свадьбы... Но только помни, я могу появиться каждую минуту, слышишь, каждую минуту... каждую...» [3, с. 216]. И видение, напоминающее бесформенную медузу, исчезает.

Третья часть сцены – взволнованный разговор потрясенной женщины с мужем. Она, плача, рассказывает о своем поединке со Смертью, о том, что поставила мат и выиграла пари, что он будет жить. Эпизод заканчивается словами: «Верно, мы никогда не умрем! Никогда! И смерти не удастся нас разлучить!» [3, с. 217].

Философский смысл анализируемого эпизода понятен читателю: не смерть движет миром, а именно жизнь – созидаящая, бесконечная, вечно об-

новляющаяся и прекрасная. И феномен жизни, несмотря на ее сложности и трудности, утраты и разочарования, как категории вечной и незыблемой становится понятен даже герою-подростку из рассказа Дзантиева «Торжество жизни»: «Мне вдруг подумалось, что смерть не властна над жизнью. Она способна унести лишь крошечную ее частицу, а земля, люди на этой земле и все, что окружает их в жизни, – все это пребудет вечно. А смерть, что ж, она только помогает ощутить радость и торжество жизни.» [4, с. 52].

Список литературы:

1. Тотиева А.Н. Интертекстуальность в рассказах Анатолия Дзантиева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 10. Ч. 2. С. 175.
2. Владимир Медведев. В поисках утраченной смерти. <http://magazines.russ.ru/druzhba/2005/8/med8.html> [Электронный ресурс]. Дата обращения: 18.02.2017.
3. Дзантиев А.А. Небесные шахматы. – Мысли вслух: Роман-эссе. – Владикавказ: ИПП им. В.А. Гассиева, 2004. С. 11-12.
4. Дзантиев А.А. Деревья в бурю: Рассказы, пьесы, притчи, миниатюры – Владикавказ: Ир, 2003. С. 52.

КОНЦЕПТ «BEAUTY» В РОМАНЕ ОСКАРА УАЙЛЬДА «ПОРТРЕТ ДОРИАНА ГРЕЯ»

Фасоля В.В.

Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово

Научный руководитель – старший преподаватель кафедры физического воспитания Кемеровского государственного университета Сметанин А.Г.

Статья посвящена выявлению особенностей компонента концепта «beauty» в романе Оскара Уайльда «Портрет Дориана Грея» при помощи выявления лексико-семантического поля данного концепта и рассмотрения представлений о красоте самого Оскара Уайльда.

Ключевые слова: концепт, красота, «beauty», роман, Оскар Уайльд «Портрет Дориана Грея», компонент, особенность, анализ, понятие.

Актуальность данного исследования заключается в том, что именно исследование концепта "красота" позволяет обратиться к национальным и культурно – специфичным аспектам картины мира определённого народа, отражаемым языком. Красота представляется многогранным и одним из самых сложных явлений в человеческом мировосприятии. Она окружает человека во всех сферах его деятельности. Красота выражается во внешности, в поступках, в словах.

Объект исследования: концепт «красота» в романе Оскара Уайльда «Портрет Дориана Грея».

Предмет исследования: особенности компонента концепта «красота» в романе Оскара Уайльда «Портрет Дориана Грея».

Цель: выявление особенностей концепта «красота» в романе Оскара Уайльда «Портрет Дориана Грея».

Поставленная цель предусматривает решение следующих **задач**:

1. Изучить концепт как объект лингвистического исследования.
2. Определить лексико – семантическое поле концепта «beauty».
3. Рассмотреть специфичность мировоззрения Оскара Уайльда – символа культуры Англии.
4. Определить личностный компонент концепта «beauty» в романе «Портрет Дориана Грея».

Материал исследования:

Текст – роман «Портрет Дориана Грея».

Методы исследования:

- дефиниционный анализ;
- анализ текстов художественного дискурса;
- метод выборки примеров из текста;
- метод концептуального анализа;
- метод компонентного анализа.

Гипотеза предпринятого исследования заключается в следующем: мировоззрение автора является специфическим и концепт «красота» в романе Оскара Уайльда приобретает собственные особенности.

Заключение

К концу прошлого века традиционный интерес к проблеме взаимоотношений культуры и языка послужил основой для появления ряда дисциплин на стыке культурологии и лингвистики: лингвоконцептология, лингвокультурология и др. Одним из ключевых понятий для этих дисциплин стал концепт. Для получения полной и достоверной информации о содержании концепта красота нами проанализирована специфика концепта «красота» в романе Оскара Уайльда «Портрет Дориана Грея».

Для установления понятийной основы концепта были проанализированы дефиниции ряда словарей. В результате дефиниционного анализа выделено ядро концепта и его периферия.

Выбрав из романа 54 цитаты о красоте, я отметила, что они подчеркивают основную идею романа, что эстетизм – просто абстрактное явление, и что он приводит только к разочарованию, а не к возвеличиванию понятий о красоте. Парадокс в том, что, декларируя прекрасное как суть жизни, герои совершают поступки, которые нельзя считать прекрасными.

В процессе работы был проведен статистический частотный анализ использования слова «красота». Чаще всего слово «красота» используется при описании внешности, а на втором месте – описание предметов быта и явлений природы.

Формирование картины мира, культуры личности неразрывно связано с понятием «концепт». Усваивая концепты с помощью иностранного языка, человек не только повышает уровень владения иностранным языком, но и формирует данные концепты на базе сразу двух культур, что приводит к более глубокому пониманию изучаемых явлений. Усваивая концепты другого языка, мы не только овладеваем культурой иного народа, но и обогащаем свою за счет синтеза понятий и ценностей, заключенных в концепте. Кроме того, посредством овладения концептами иноязычной культуры мы повышаем общий уровень владения иностранным языком.

Список литературы

1. Аскольдов, С.А. Концепт и слово [Текст] / С. А. Аскольдов // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М., 1997. С. 267-279.
2. Бабушкин, А.П. Концепты разных типов в лексике и фразеологии и методика их выявления. [Текст] / А. П. Бабушкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Научное издание / Под ред. И. А. Стернина. Ъ Воронежский государственный университет, 2001. С. 52-57.
3. Бабушкин, А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. [Текст] / А.П. Бабушкин. Ъ Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 1996. – 103 с.
4. Болдырев, Н.Н. Концепт и значение слова [Текст] / Н.Н. Болдырев // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: научное издание. Ъ Воронеж, 2001. Ъ С. 25-45
5. Вежбицкая, А. [Текст] /Понимание культур через средство ключевых слов// М., 2001.
6. Лихачев, Д.С. Концептосфера русского языка. [Текст] / Д.С. Лихачев Русская словесность. Антология М.Academia, 1997. С. 28-37.
7. Маслова, В.А. Когнитивная лингвистика. [Текст] / В.А. Маслова Проблемы когнитивной лингвистики. Минск, 2004.
8. Уальд, Оскар. Портрет Дориана Грея: роман; на англ. языке [Текст]. – Новосибирск, 2011. – 191 с. – (English Fiction Collection).
9. Степанов, Ю. С. Концепт. Тонкая пленка цивилизации [Текст] / Ю. С. Степанов// Языки славянских культур. – Москва, 2007. – 248 с.
10. Арутюнова, Н. Д. Логический анализ языка: Культурные концепты [Текст] / Н. Д. Арутюнова // Наука, 1991. – 204 с.
11. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В. И. Карасик // Перемена, 2001. – 477 с.
12. Нерознак, В. П. От концепта к слову: к проблеме филологического концептуализма [Текст] / В. П. Нерознак // Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. – Омск, 1998. – С. 80-85.
13. Плотникова, С.Н. Языковой знак и концепт [Текст]/С. Н. Плотникова// Материалы IV регионального научного семинара по проблемам систематики языка и речевой деятельности. – Иркутск, 2001. – С.11-113.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ФУНКЦИИ МОТИВА ВОСКРЕСЕНИЯ В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»

Федорова А.В.

бакалавр, Институт филологического образования и межкультурных коммуникаций, Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы, Россия, г. Уфа

В статье рассматривается значение мотива воскресения в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». В ходе работы выявлена и проанализирована специфика соотношения евангельских мотивов в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». Разработана и представлена система целостного изучения мотивов воскресения по роману Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание».

Ключевые слова: «Преступление и наказание», Ф.М. Достоевский, мотив, воскресение, Евангелие, христианство, Православие, Библия, роман.

Ф.М. Достоевский, как глубоко верующий человек полагал, что русский народ – богоизбранный и для русского человека главной духовной идеей есть Православие. Православие для Достоевского, является последним направлением в христианстве, сохранившим Божественную истину в апостольской преемственности. Библия в целом и Новый Завет, в частности, занимают совершенно особое место в романе Достоевского «Преступление и наказание». Это произведение по праву считается шедевром даже среди пяти великих романов этого писателя. Он как бы своеобразный эпицентр его творчества, в нем заложены зерна всех тех идей, что будут подробнее разрабатываться в других его произведениях [1, с. 207].

Используя в романе «Преступление и наказание» библейские реминисценции и мотивы, Ф.М. Достоевский размышляет о трагических судьбах мира и России. Во времена писателя была популярна идея революции как самого быстро и радикального средства переустройства страны.

По мнению писателя, огромную роль в этом должно сыграть христианство. Это обусловило появление в романе библейских мотивов. Образы из Библии перекликаются с образами романа. Евангелие издано только на французском языке и только во второй половине XIX века появился уникальный перевод Евангелия. Теологи, поэты, философы переводили или уточняли формы и глубину Евангелия. Ф. М. Достоевский: «Евангелие – книга человечества. Эта книга непобедима». Христианские ценности и Евангелие связаны [4, с. 67].

В центре «Преступления и наказания» помещен эпизод чтения XI главы Евангелия от Иоанна о воскрешении Лазаря. Эта сцена формирует вокруг себя остальную ткань романа. Раскольников совершил злодеяние, он должен «уверовать» и покаяться. Это является его духовным очищением. Герой обращается к Евангелию и должен, по мысли Ф.М. Достоевского, найти ответы на мучающие его вопросы, должен постепенно переродиться, перейти в но-

вую для него действительность. Писатель проводит идею, что человек, совершивший грех, способен духовно воскреснуть, если уверует во Христа и примет его нравственные заповеди.

Образ воскресения Раскольникова действительно связан с евангельским повествованием о воскрешении Лазаря Христом, которое читает Раскольникову Соня. Раскольников спрашивает, откуда Евангелие здесь? Выясняется, что Евангелие принесла Соне незадолго о своей гибели Лизавета (продолжающая участвовать в судьбе Раскольникова). Это поражает его. «Все у Сони становилось для него как – то страннее, чудеснее, с каждой минутой» [3, с. 59]. Вспомнив вопрос Порфирия, он просит Соню прочесть ему из Евангелия от Иоанна о воскресении Лазаря. Отметим, что в начале их беседы Раскольников ведет себя агрессивно, а Соня только «защищается», чем ближе к чтению Евангелия, тем более осуждающим и «суровым» становится ее голос [5, с. 32].

Сама же Соня при чтении мысленно сравнивает его с иудеями, присутствовавшими при совершении неслыханного чуда воскрешения уже смердящего Лазаря и уверовавшими во Христа. В конце романа, когда Соня издала сопровождает Раскольникова, отправившегося в свой крестный путь – добровольно признаться в совершенном им преступлении и понести соответствующее наказание, главный герой явно сопоставляется с Христом, за которым на его крестном пути издала следовали жены-мироносицы.

Можно сказать, что Раскольников романа воплощает сразу три персонажа: и самого Лазаря, и сомневавшихся иудеев, и даже Христа. Чтение Евангелия имеет важнейшее значение для Родиона Раскольникова, мечущий между верой и неверием. Преступление и наказание – лишь незначительная часть евангельского сюжета. Роман заканчивается в тот момент, когда «вышел умерший» и Иисус сказал: «развяжите его; пусть идет». Последние слова, прочитанные Соней Раскольникову – уже не о романном сюжете, но о воздействии, которое должно быть им оказано на читателей. Недаром эти слова выделены Достоевским курсивом: «Тогда многие из иудеев, пришедших к Марии и видевших, что сотворил Иисус, уверовали в Него» [2, с. 51].

Таким образом, легенда о воскресении Лазаря, поставленная Ф.М. Достоевским в четвертую часть, четвертую главу романа, действительно, становится идейным стержнем произведения, что подчёркивается даже композиционным решением, которое становится символическим: Раскольников пришёл к Соне на четвёртый день после совершённого злодеяния – Лазарь был воскрешён Иисусом на четвёртый день после смерти. Раскольников идёт в комнату Сони по тёмному коридору, не знает, за какой дверью может быть вход в комнату девушки, где первое, что он видит, – свеча – всё это может символизировать интуитивный поиск спасения, то есть поиск Бога. Так, история о Раскольникове, казалось бы, рассказанная в романе – это история Лазаря, воскресающего из мёртвых с помощью Бога.

Подводя итог, отметим, что сюжетное и композиционное включение притчи о воскресении Лазаря в роман свидетельствует, что именно религиоз-

но-философский аспект его проблематики подчёркивался автором; другими словами, в стратегию писателя входило не только художественное исследование преступления и наказания, но и возможности воскресения, возрождения преступившего человека.

Роман «Преступление и наказание» – это не просто история о преступлении, но ещё и произведение, посвященное тому, как долго и трудно идёт через страдания и ошибки мятущаяся человеческая душа к постижению истины, открывая для себя единственно возможный закон человеческих отношений – закон любви.

Мотив воскресения играют важную роль в произведении, где религиозная вера и христианский смысл являются всё определяющими силами.

Список литературы

1. Белов С.В. Федор Михайлович Достоевский: Книга для учителя. М.: Просвещение, 1990. 207 с.
2. Захаров В.Н. Православные аспекты этнопоэтики русской литературы // Евангельский текст в русской литературе XVIII-XX веков: Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Сб. научн. тр. Петрозаводск, 2008. С 51.
3. Кириллова И.А. (Англия) Отметки Достоевского на тексте Евангелия от Иоанна // Достоевский в конце XX века: Сб. статей / Сост. К.А. Степанян. – М.: Классика плюс, 2007. 59 с.
4. Степанян К.А. Путеводитель по роману Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» Учебное пособие – Издательство Московского университета, 2014. 67 с.
5. Тарасов Ф.Б. «Евангельский текст» в художественном произведении Достоевского. Дис. канд фил наук. М., 2008. 32 с.

ЖАНРОВО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МАЛОЙ ПРОЗЫ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Федорова О.О.

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы,
Россия, г. Уфа

В статье рассматриваются жанрово-типологические особенности малой прозы великого русского писателя Ф.М. Достоевского. В состав малой прозы Ф.М. Достоевского в основном входят тексты из «Дневника писателя». Этим определена типология произведений и их родо-жанровая специфика. Жанровая природа «Дневника писателя» Ф.М. Достоевского спорна и сложна. Это связано, прежде всего, с его оригинальностью, как в плане содержания, так и в плане формы.

Ключевые слова: малая проза, жанровое своеобразие, жанрово-типологическая особенность, родо-жанровая специфика.

Одним из нескольких писателей мировой литературы, которому были подвластны вершины романной формы и малой прозы, можно считать великого русского писателя Ф.М. Достоевского.

Ф.М. Достоевский – это автор романов, которые прославили его на весь мир. Также интересной и не менее значимой можно считать малую прозу пи-

сателя. Талант Ф.М. Достоевского в произведениях малой прозы раскрылся по-новому. Его произведения из малой прозы содержат в себе разные индивидуально-авторские жанры, отличаются незаурядным единством творческих целей и своеобразными особенностями организации художественной речи.

Небывалое явление в истории русской литературы, неподражаемое жанровое образование «Дневник писателя» Ф.М. Достоевского подобно его известным романам. В силу обобщенности своего жанра «Дневник писателя» состоит из непосредственной публицистики, которая несет на себе отпечаток художественного типа мышления писателя.

Жанровая природа «Дневника писателя» Ф.М. Достоевского спорна и сложна. Это связано, прежде всего, с его оригинальностью, как в плане содержания, так и в плане формы.

Все данные тексты малой прозы «Дневника писателя» можно распределить на две группы. Тексты, относящиеся к фантастической трилогии («Бобок» (Записки одного лица), «Кроткая», «Сон смешного человека»), Художественно-публицистические произведения («Мальчик с ручкой», «Маленькие картинки», «Мальчик у Христа на елке», «Мужик Марей», «Фельдгегерь», «Столетняя», «Приговор», «Похороны «общечеловека»», «Фома Данилов, замученный русский герой» и т.д.) [2].

Можно сказать, что данные тексты достаточно изученные, хорошо известные творения великого писателя Ф.М. Достоевского.

Более точная со стороны науки жанровая характеристика произведений малой прозы Ф.М. Достоевского может быть дана с учетом различных форм его риторического обсуждения. В структуре литературных произведений значимой является, например, мнемоническое начало.

Это может быть «воспоминание» в таких произведениях, как «Мужик Марей», «Фельдгегерь» или заменяющее его «домысливание» в таких произведениях, как «Мальчик с ручкой», «Столетняя», «Маленькие картинки». Так, в пасхальном очерке «Мужик Марей», вся структура повествования обретает концентрический характер, так сказать, «тройного воспоминания», организованного по «принципу матрешки» [1].

С точки зрения риторики различаются также тексты – так называемые «отклики»: «Похороны «общечеловека»», «Фома Данилов, замученный русский герой»; также тексты «рассуждения»: «Парадоксалист», «Приговор». Следовательно, все данные тексты принимают определенный личностный или мемуарный характер, отмеченный самим автором. Это является значимой типологической особенностью произведений малой прозы «Дневника писателя», наравне с определяющим их признаком таким как «неразделенность и неслиянность» от общего публицистического отрывка издания Ф.М. Достоевского.

Все жанры малой прозы Ф.М. Достоевского неординарны, носят индивидуально-авторский характер. Хотя каждому своему произведению автор дает то или иное жанровое определение, оно, все же видоизменяется, оставаясь неоднозначным. Ввиду этого практически все произведения малой прозы писателя предусматривают комплексную и вариативную характеристику.

Так, очерк «Мужик Марей» назван Ф.М. Достоевским и «анекдотом» и «одним далеким воспоминанием». Данные определения автора друг другу не противоречат, отмечая документально-жизненное содержание мемуарного по сущности произведения [4].

Также можно сказать, что в очерке «Мужик Марей» Ф.М. Достоевского воплощается в действительность один из мениппейных вариантов кризисного сна, изменяющего героя. По всем данным признакам можно утверждать, что «Мужик Марей» относится к пасхальному произведению, в котором главным становится мотив воскресения, преобразование мира и человека.

В силу своей многосторонности произведения малой прозы Ф.М. Достоевского входят в разные жанровые контексты, иногда даже противоположные друг к другу. Например, в произведении «Сон смешного человека» отражаются элементы фантазии. Картина хорошей жизни, созданная Ф.М. Достоевским, обретает двойственный характер, так как изображается как райское счастье, так и его потеря. Все произведение как бы находится у той утопической черты, за которой находится мир антиутопии [3].

Исходя из выше сказанного, в «Дневнике писателя» выделяется, так сказать «фантастический цикл». Наглядными примерами служат следующие произведения: «Сон смешного человека», «Мальчик у Христа на елке», «Кроткая» и «Бобок», подчеркнутые сжатым соединением «реального» и «фантастического». «Фантастичность» в данных произведениях имеет типологический характер, но возникает по-разному. К примеру, в рассказе «Кроткая» выделена «фантастическая форма»; в рассказах «Мальчик у Христа на елке», «Сон смешного человека» и «Бобок» подчеркнута фантастическое содержание. В результате, в «Дневнике писателя» действительно осуществлены принципы, так сказать, «фантастического реализма» Ф.М. Достоевского.

В плане литературной традиции «фантастический цикл» также связан с жанровыми принципами мениппеи: с изображением «мира мертвых», «сновидений», с гротеском, который по-разному проявляется, например, в рассказах «Бобок» и «Сон смешного человека». В рассказе «Бобок» развертывается гротескный спектакль, а в рассказе «Сон смешного человека» воспроизводится процесс грехопадения и воскрешения.

Также соотношение фантастического и реального элементов наблюдается в произведении «Мальчик у Христа на елке». Изображение петербургской жестокости и рождественской утопии оказываются во многом зеркально соположенными. Ряд образов из петербургской яви перерастает в предсмертное сновидение мальчика, об этом нам говорят куколки-игрушки, увиденные за окном, которые во сне оживают и кружатся с ним вокруг елки. Такое сопоставление отражает заветную идею писателя о осуществимостирая на земле, которую люди не исполняют. Вследствие этого Христова елка не может загладить детского страдания, утолить мучительные переживания его смерти. Представляя перед читателем две елки (на земле и на небесах), писатель обдуманно образом допускает жанровую, как бы «двусоставность» своего

произведения, именно поэтому рождественский рассказ принимает вид трагической сатиры [3].

Так сказать, «лукавый» авторский подзаголовок имеет и фантастический рассказ «Бобок» («Записки одного лица»). Благодаря приему неопределенного лица писатель проводит дистанцию между собой и невезучим фельетонистом, которому вручается право публикации. Рассказ «Бобок» беспредельно наполнен автобиографическими выступлениями и заимствованиями из собственных произведений Ф.М. Достоевского. Писатель, можно подумывать, играет в своеобразную «игру» с издателями, публицистами и с самим собой. В итоге данный рассказ также приобретает сатирический характер.

Другие произведения малой прозы из «Дневника» Ф.М. Достоевского «Маленькие картинки», «Столетняя», «Фома Данилов, замученный русский герой», «Единичный случай» представляют собой разновидности жанра «картинки» как наглядного описания, позволяющего представить действительность в конкретных визуализированных образах-эмблемах.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что при создании произведений малой прозы в своем моножурнале «Дневник писателя» Ф.М. Достоевский разработал систему необыкновенных авторских жанров.

Список литературы

1. Бакирова Л.Р. Жанровая специфика и типология малой прозы «Дневника писателя» Ф.М. Достоевского: дис. канд. филол. наук. Барнаул, 2009. С. 100-105.
2. Борисова В.В. Малая проза Ф.М. Достоевского: принцип эмблемы: учебное пособие. Уфа, 2011. 144 с.
3. Борисова В.В. Христианская диалогия Ф.М. Достоевского // Словесность: приложение к Вестнику Башкирского государственного педагогического университета. Уфа, 2001. – № 1. С. 28-39.
4. Захаров В.Н. Система жанров Достоевского. Типология и поэтика. – Л.: ЛГУ, 2010. С. 171-206.

СРЕДСТВА ЯЗЫКОВОГО ОЗНАЧИВАНИЯ МОТИВА «ПАМЯТЬ» В ПОВЕСТИ С.Т. АКСАКОВА «ДЕТСКИЕ ГОДЫ БАГРОВА-ВНУКА»

Фортуна Н.А.

магистрант кафедры отечественной филологии и журналистики,
Армавирский государственный педагогический университет,
Россия, г. Армавир

Четверикова О.В.

профессор кафедры отечественной филологии и журналистики, д-р филол. наук,
доцент, Армавирский государственный педагогический университет,
Россия, г. Армавир

В статье рассматриваются знаки языка, служащие экспликации мотива памяти, в частности, памяти «младенческой». Эти знаки образуют семантическое поле и могут рассматриваться как средства текстообразования, так как, с одной стороны, они участвуют в

формировании связности текста, а с другой, являются сигналами субъективности изложения, дискретности воспоминаний.

Ключевые слова: мотив, текста, автобиографическая проза, память, номинация, предикат, акцентуация.

Н.А. Николина в книге «Поэтика русской автобиографической прозы» отмечает, что «Автобиографическая проза – своеобразный мемориал вещей, приобретающих знаковый смысл» [2, с. 49]. Предметом изображения в такого рода произведениях становится «не былое само по себе, а “былое” в связи со становлением внутреннего мира автора текста» [2, с. 9]. Как следствие, в автобиографической прозе устанавливаются два временных плана: а) план настоящего писателя как автора произведения; б) план прошлого автора, о котором он вспоминает. Это обстоятельство и формирует жанр автобиографической прозы, коммуникативная цель которой – сохранение во времени и коллективной памяти информации о своей жизни, что обуславливает наличие в таких произведениях трёх «героев»: *времени, собственного «Я», памяти*. В рамках статьи рассмотрим, как объективированы в тексте младенческие «воспоминания» героя С. Аксакова, какие средства языка избирает автор для их означивания. Но вначале обратимся к словарям и выясним лексические значения слов, которые являются базовыми для нашего анализа.

ВОСПОМИНАНИЕ, -я, ср. 1. Мысленное воспроизведение чего-н. сохранившегося в памяти. 2. Записки или рассказы о прошлом [3, с. 81].

МЛАДЕНЧЕСТВО, -а, ср. Ранний детский возраст. В младенчестве. || прил. младенческий, -ая, -ое [3, с. 287].

ПАМЯТЬ, -и, ж. 1. Способность сохранять и воспроизводить в сознании прежние впечатления, опыт, а также самый запас хранящихся в сознании впечатлений, опыта. 2. То же, что воспоминание о ком-чём-нибудь. 3. То, что связано с умершим (воспоминания о нём, чувства к нему) [3, с. 396].

Мотив «память» эксплицирован в повести С.Т. Аксакова через языковые единицы разных уровней [4]. Прежде всего, через номинации «воспоминание», «память», синонимом которой с первых страниц выступает оценочное словосочетание «ветхая картина давно прошедшего». Рассказчик начинает повествование с «отрывочных воспоминаний» о времени своего младенчества, сосредоточиваясь на припоминании отдельных предметов и образов, «которые ещё носятся в памяти». Это образы кормилицы (*таинственное, невидимое существо*), сестры и матери.

Другая единица языка, объективирующая мотив младенческой памяти, – ментальный предикат «помню», который часто имеет при себе распространителей, характеризующих степень яркости, последовательности и достоверности воспоминаний: *Все начинается с бессвязных, отрывочных, но ярких воспоминаний о младенчестве; Я помню себя лежащим ночью в кровати, то на руках матери и горько плачушим <...> кто-то являлся в сумраке слабоосвещенной комнаты, брал меня на руки, клал к груди... и мне становилось хорошо; Потом помню, что уж никто не являлся на мой крик и призывы,*

что мать, прижав меня к груди, напевая одни и те же слова успокоительной песни, бегала со мной по комнате до тех пор, пока я засыпал [1, с. 233-234]. Каждое воспоминание Сережи «сливается с постоянным присутствием матери». В описании С. Аксакова образ матери означает конструкцию, включающей глагол внутреннего зрения, выступающий в роли сигнала припоминания (*Как теперь гляжу...*), оценочными прилагательными: *чёрная ко-са; худое жёлтое лицо; уставшая; беспокойная; бедная моя мать*; предикатами активного действия: *вскочила, ласкала, называла, плакала: Как она меня ласкала, какими называла именами, как радостно плакала... этого не расскажешь!* [1, с. 235].

Образ кормилицы маркирован в тексте синтаксически: «страстно любящая меня», «украдкой смотрящая на меня», «целующая мои руки, лицо», «плачущая надо мною». Предикат «помню», конструкция «является в моих воспоминаниях» – репрезентанты поля памяти, которые в рамках текста синонимичны друг другу, однако в то же время образуют оппозиции синтаксических конструкций: *Кормилица, страстно меня любившая, опять несколько раз является в моих воспоминаниях <...> Помню, что она один раз приходила, а может быть, и приезжала как-нибудь, с моей молочной сестрой, здоровой и краснощёкой девочкой* [1, с. 234]. Образ сестры («сестрицы») появляется в более поздних воспоминаниях Серёжи и маркирован предикатом «любить», номинацией «любовь», синтаксическими конструкциями «беспреданное желание её видеть», «чувство жалости», «беспреданно хотел одеть её... кормить». Эти знаки языка служат актуализации смысла ‘проявление любви и заботы по отношению к сестре’: *Сестрицу я любил сначала больше всех игрушек, больше матери, и любовь эта выражалась беспреданным желанием её видеть и чувством жалости: мне всё казалось, что ей холодно, что она голодна и что ей хочется кушать; я беспреданно хотел одеть её своим платьицем и кормить своим кушаньем; разумеется, мне этого не позволяли, и я плакал* [1, с. 234]. Жалость и внимание к сестре – репрезентанты особенностей устройства внутреннего мира маленького мальчика, уже способного к переживанию и сочувствию.

В произведениях автобиографического характера часто используются лексемы, обозначающие особенности чувственного восприятия ребёнком окружающего мира. В повести С.Т. Аксакова использована лексика чувственного восприятия с семами ‘цвет’, ‘слуховое восприятие’, ‘запах’. Так, описывая болезнь мальчика, его восприятие комнаты, в которой он лежал, писатель использует синтаксические конструкции с ольфакторной лексикой, означающей психологическое состояние ребёнка (*сильный смолистый запах; любил запах сосновой и еловой смолы; понюхать; как хорошо пахнет; душистый*). Память навсегда сохранила одоративные впечатления мальчика: *Я очень любил запах сосновой и еловой смолы, которую курили иногда в наших детских комнатах. Я понюхал, полюбовался, поиграл душистыми и прозрачными смоляными сосульками; они растаяли у меня в руках и склеили мои худые, длинные пальцы...* [1, с. 235]. Мы видим, что в памяти мальчика

отдельные предметы вещного мира приобретают «лирическую ценность» [5, с. 303], основанную на духовном опыте человека.

«Младенческие воспоминания» С. Аксакова связаны, с одной стороны, с беспокойством, страхом, плачем, а с другой – с ощущением успокоения, удовольствия (руки матери, кормилицы; кормление грудью; милая сестрица. – Н.Ф.). Предикаты «плакать», «хныкать» частотны в начале повести и маркируют смысл ‘болезненный и нервный мальчик’: *...я хнычу, повторяя слабым голосом: «Супу, супу»...; Мне сказали, что в карете я плакал менее и вообще был гораздо спокойнее.* Данный предикат употребляется не только в семантическом поле «мальчик», но и в семантических полях «кормилица», «мать», «отец»: *Слышал, как плакал отец и утешал отчаянную мать, как горячо она молилась, подняв руки к небу.* Болезнь «довела до крайней восприимчивости» нервы мальчика. Но даже в самые ранние годы своей жизни Серёжа чувствовал безграничную любовь и заботу матери: *Моя мать не давала потухнуть во мне догоравшему светильнику жизни; едва он начинал угасать, она питала его магнетическим излиянием собственной жизни, собственного дыхания* [1, с. 240]. Таким образом, в повести С.Т. Аксакова «Детские годы Багрова-внука» автор использует разные знаки языка, характеризующие процесс воспоминания и выделяющие отдельные отрезки прошлого.

Список литературы

1. Аксаков С.Т. Семейная хроника. Детские годы Багрова-внука. М.: Правда, 1987. 544 с.
2. Николина Н.А. Поэтика русской автобиографической прозы. М.: Флинта: Наука, 2002. 424 с.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1988. 750 с.
4. Четверикова О.В. Авторское мировидение и смысловое поле художественного текста: монография. Армавир: РИЦ АГПУ, 2009. 196 с.
5. Эпштейн М.Н. Вещь и слово. К проекту «лирического музея» или «мемориала вещей» // Вещь в искусстве. М.: Сов. художник, 1986. С. 302-324.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СИНОНИМЫ И ИХ ПРИМЕНЕНИЕ В ПОЭЗИИ ЛОИКА ШЕРАЛИ

Хакимова Ш.И.

доцент кафедры методики преподавания таджикского языка и литературы,
канд. филол. наук, Худжандский государственный университет,
Таджикистан, г. Худжанд

В статье рассматриваются лексические категории и их стилистические особенности в произведении современного таджикского поэта Лоика Шерали. Рассмотрено так же синонимы, в том числе синонимия прилагательных в поэзии Лоика.

Ключевые слова: Лоик Шерали, синонимия, лексические синонимы, синонимия прилагательных, таджикская поэзия.

Изучение, исследование и анализ особенностей художественных произведений той или иной эпохи, того или иного автора или отдельного произведения эксплицирует важные, актуальные проблемы современного языкознания, так как состояние литературного языка каждой эпохи во многом определяется наследием мастеров художественного слова.

Исследование лексических категорий и их стилистических особенностей в произведениях современности представляет наиболее ценный и обширный по своему составу лексический ресурс, богатый арсенал словесной культуры нации и поясняет логику возникновения данной лексической категории, классов лексики в современной лингвистике. В сокровищнице таджикской национальной культуры хранятся уникальные творения человеческого гения, олицетворяющие собой язык и культурные ценности, представляющие неразрывно связанные друг с другом социальные феномены. Нужно введение в научный обиход и лингвистическое осмысление лексической природы синонимов современного таджикского языка, и мы рассмотрим это на примере творчества одного из талантливых таджикских поэтов XX века – Лоика Шерали.

Мы рассмотрели синонимы в поэзии Лоика под общими значениями признаков. Примеру синоним *назокат* – нежность и *зебой* – красота. Здесь подвергнуты анализу лексемы, применяющиеся в области любовной лирики. В стихотворениях поэта прекрасный лик возлюбленной воспевается при помощи красочного и многообразного спектра синонимов прилагательных, которые проявляют полисемантические отношения не только в рамках лексико-семантических групп, но и вообще между собой. В поэзии Лоика с этой целью используются простые широко употребляющиеся прилагательные, например, такие, как «*зебо*» (красивая). С помощью этой лексики построены десятки приятных для слуха и наполненных смыслом метафор.

Простые прилагательные могут служить материалом для построения сложных лексем, при этом они сохраняют свое признаковое содержание. Например:

Сафеду *покру* дидам туро субх,
Ки хамчун барфи *навборида* будй [2, с. 607].
Белой и чистоликой увидел тебя в утро,
Была подобна свежесвыпавшему снегу.

Семантико-стилистические возможности сложных прилагательных, конечно, более широки, так как благодаря таким лексемам выражаются сложные понятия. Наряду с этим большинство таких лексических единиц обладает переносным значением. К примеру, сложное прилагательное Худодод – данный Богом – в переносном значении выражает «наивысший», «наилучший». Эта сложная лексема корнями уходит в разговорную речь. Однако в поэзии, и особенно в лирике, сложные лексемы закладывают основу метафор и гиперболизации в силу обширной семантико-стилистической нагрузки становятся словами – поэтическими образами.

Известно, что не каждая метафора и отождествление становятся образами, для этого они должны быть поэтическими находками. Таковым является становление всех слов – поэтических образов. Например, в поэзии Лоика Шерали можно встретить десятки сложных слов, одним из компонентов которых является лексема *гул* – цветок. В сложных лексемах один из их корней обозначает одно из свойств цветка. К примеру, в слове «гуландом» имеется в виду внешность, подобная цветку. Такое свойство синонимов сохраняется и в синонимических парах.

Вообще, в стихотворениях Лоика Шерали синонимы не используются сами по себе, т.е. без соответствующих пар, они находятся в семантико-стилистической взаимосвязи с другими лексемами.

Поэт при употреблении слова старается не повредить его прямое значение и мастерски связывает его с переносными значениями. На основе анализа сделан вывод о том, что в поэзии, по сравнению с качественными прилагательными, наиболее часто употребляются и относительные прилагательные, так как они выражают значение путем образного сравнения.

Синонимы слова *сафед* выражаются как признаки безличных имён существительных. Они в данном случае являются важной частью образной речи. Лоик в стихотворении «Рез, борон, рез, борон!» от избытка чувства свежести и чистоты дождя называет его *тўри булўрин*, т.е. хрустальной сетью, что, несомненно, является творческой находкой поэта.

Группа относительных прилагательных, отображающих чистоту и белизну, строится при помощи существительных *булўр* хрусталь, *сим* – серебро, *нуқра* – серебро, *шир* -молоко и других с помощью словообразовательных аффиксов (-*й*, -*гун*, -*ваш*, -*фом*, -*осо*). Далее в разделе детально анализируются степень употребления и смысловые оттенки различных синонимий прилагательных, основанных на качественных и относительных именах прилагательных.

В системе изучения языка и стиля художественного произведения важнейшим вопросом является его словарный состав, а в лексико-семантической системе самым актуальным является её лексические синонимы, так как она наглядно демонстрирует богатство языка, стиль изложения и мастерство поэта. Лексические синонимы в качестве семантических единиц проявляются во всех самостоятельных частях речи. Среди этих лексических синонимов в творчестве Лоика наибольшую активность проявляют СС (синонимы существительных) и СП (синонимы прилагательных).

В поэзии Лоика Шерали синонимия прилагательных применяется намного реже по сравнению с СС, однако в отношении семантико-стилистических функций она более значима. В СП, наряду с номинативной функцией, ярко выражены эмоции и оценки поэта. В творчестве Лоика немало примеров, когда СС использована в строке или в строфе в качестве цепи (однородно). Прилагательные в качестве основы (корневой части) также принимают участие в построении СС, выражающих эмоции.

Лексические синонимы во всех случаях истолковываются как неотъемлемый компонент системы формы и содержания в диалектической связи с идейно-художественными аспектами. Они во взаимосвязи с творческими намерениями поэта воспринимаются как художественные образы и в качестве яркой поэтической риторики.

Список литературы

1. Ишанова Д.Т. Лексико-стилистические особенности поэзии Лоика Шерали (полисемия, омонимия, паронимия). Автореф. дисс... канд. филол.наук. – Худжанд, 2006. – 26 с.
2. Лоик Ш. Куллиёт. – Чилди 1 (китоби якум). – Хучанд: Нашриёти давлатии ба номи Р.Чалил, 2001. – 722 с. Чилди 1 (китоби дуум). – 710 с.
3. Тилляходжаева М.Н. Многозначные глаголы в неполном толковом словаре С.Айни. Автореф. дисс... канд. филол. наук. – Худжанд, 2009. – 41 с.
4. Хакимова Ш.И. Лексические синонимы: достижения и проблемы // Вестник Таджикского национального университета. -2010.- №7 (63). – С. 55-61.
5. Хакимова Ш.И. Лексические синонимы: споры и размышления // Вестник Таджикского национального университета. – 2010.-№7 (63). – С. 78-82.

СТРУКТУРНО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АНГЛИЙСКИХ ВОЕННЫХ ТЕРМИНОВ

Чуб А.С.

студент Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации, Северный (Арктический) федеральный университет, Россия, г. Архангельск

В статье английская военная терминология рассматривается как система терминов, образующихся по определённым словообразовательным моделям и по своим функциям отличающихся от нетерминологической лексики. Изучение структурно-словообразовательных характеристик военных терминов позволяет выделить основные тенденции развития военной терминологии в целом, что особенно важно при переводе специализированной лексики, чтении и составлении документов военно-административного характера на английском языке.

Ключевые слова: английская военная терминология, модели словообразования, термин, метафора, морфологическое словообразование.

Общие тенденции развития научно-технической сферы современного общества приводят к увеличению объёма терминологической базы языка, в том числе в области военной лексики. Под военной терминологией следует понимать «совокупность установленных военных терминов – слов и словосочетаний, имеющих строго определённое значение, являющихся названием или обозначающих военные понятия с оттенком специального (научного) значения и относящихся к вооружённой борьбе или обеспечению армии в мирное и военное время» [2, с. 62].

Военная терминология английского языка представлена четырьмя типами частей речи: существительным, прилагательным, глаголом и наречием.

Количественно они распределены неравномерно, терминология имеет преимущественно субстантивный характер. Анализ словарей Campaign Dictionary Of Military Terms Dictionary. Macmillan, 2004 и словаря Dupuy T.N., Johnson C., Hayes G. P., Dictionary of Military Terms. 2nd edition. US. Washington, 2003 показал, что процентное соотношение существительных к остальным частям речи составляет более 80% [5].

Говоря о структурно-словообразовательной характеристике военных терминов, следует отметить, что для них характерны способы словообразования, использующиеся в современном английском языке: морфологическое словообразование, лексико-семантическое словообразование и заимствования.

В структурном плане военные термины подвергаются аналогичному морфемному членению, что и слова нетерминологической лексики. Наиболее распространёнными способами морфологического словообразования являются аффиксация, словосложение, конверсия и аббревиация.

К числу наиболее продуктивных суффиксов, с помощью которых образуются военные термины-существительные можно отнести следующие: -er, -ability, -age, -ance, -ancy, -ing, -er, -ant и т.д. Прилагательные образуются с помощью суффиксов -able, -al, -ary, -ous, -less и т.д. Распространёнными являются префиксы существительных и глаголов со значением совместной деятельности (co-) или деятельности, направленной против действия, выраженного основным глаголом или существительным (anti-, counter-). Помимо указанных префиксов, с глаголами могут употребляться такие префиксы, как em-, de-, dis-, mis-, out-, sub- и т.д. [3]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что образование новых военных терминов посредством аффиксации происходит на основании тех же моделей, которые применяются по отношению к общеупотребительной лексике.

Основосложение как способ образования военных терминов расширяет сферу использования простых по структуре слов и способствует их переходу в разряд моносемантических терминов, что соответствует одному из требований, предъявляемых военной терминологии – однозначности. Так, например, основа термина «танк», имеющего несколько значений, включая «рядовой», «солдат», «оператор», присоединяясь к термину «artillery» уточняет, суживает его значение до «артиллерист».

Конверсия также представляет собой распространённый способ образования военных терминов. Он заключается в переходе термина из одной части речи в другую без изменения исходной формы слова. Такой способ наиболее типичен для образования глаголов от существительных: an attack – to attack, fire – to fire, assault – to assault. При этом образованный глагол обозначает действие, связанное со значением исходного слова.

Одним из наиболее распространённых способов морфологического словообразования применительно к военным терминам является аббревиация и акронимия как разновидность аббревиации. В.В. Борисов отмечает, что столь активное использование различного рода сокращений – это «своего рода ответ языка на происходящую в мире научно-техническую революцию»

[5, с. 3]. Словари сокращений включают огромное множество словарных статей. Так, например, в «Словаре английских и американских военных сокращений» Блувштейна содержится свыше 30 тысяч сокращений [5, с. 12]. Наиболее часто аббревиация и акронимия используются для обозначения международных организаций, что обуславливается ролью английского языка как языка международного общения, а также для наименования структурных подразделений армии. Особую роль играют сложносокращённые слова (H-bomb, A-bomb и т.д.).

Под лексико-семантическим способом словообразования понимается перенос значения слова применительно к образуемому термину. Таким образом формируются новые термины: Maxim – фамилия конструктора и пулемёт, Tommy – английский солдат, Kalashnikov – фамилия изобретателя и автомат.

Военная терминология, ориентируясь на общеупотребительную лексику, в которой метафора является одним из основных способов наименования, сама характеризуется высокой степенью метафоричности [5]. При этом особую роль метафора играет при использовании термина в СМИ с целью эмоциональной экспрессии. Метафорический перенос осуществляется за счёт ассоциативных связей, которые выстраиваются человеком при восприятии субъектов сравнения. Для образования термина при этом возможен перенос слова из общеупотребительной лексики: bloodbath, friendly fire, parent division и т.д.

Ведущая роль английского языка в сфере технологий и международного общения, а также наличие внутренних языковых ресурсов для образования новых терминов во многом ограничили приток заимствованных военных терминов из других языков.

Для изучения структурно-словообразовательных характеристик английской военной терминологии нами было проанализировано 50 военных терминов, полученных методом произвольной выборки. Источниками отобранных терминов являются Англо-русский военный словарь под редакцией В.Н. Шевчука [4], Dictionary of Military and Associated Terms [6], а также тематический сайт, включающий наиболее полный список актуальных военных аббревиатур и акронимов [7].

Выбранный корпус терминологической лексики неоднороден по способу образования. 14% терминов данной выборки представляют собой словосочетания, то есть термины, состоящие из двух или более терминоэлементов, связанных между собой семантической связью: ceremonial drill, minesweep team, accidental attack и т.д. Говоря о морфологических способах словообразования, следует отметить, что в данной выборке аффиксация, словосложение и аббревиация являются наиболее распространёнными способами образования новых терминов. Их процентное соотношение к общему числу терминов выглядит следующим образом: 22%-аффиксация, 20%-словосложение и 18%-аббревиация. Конверсия как способ словообразования составляет 2% от всей выборки: посредством данного способа образуется глагол to attack от существительного an attack.

Как уже упоминалось выше, при образовании военных терминов зачастую используется общеупотребительная лексика, для которой характерна высокая степень метафоричности. Таким образом, военная терминология сама получает свойство метафоричности. Подтверждением того, что метафоризация представляет собой высокопродуктивный способ образования военных терминов, является достаточно высокий процент терминов из полученной выборки, которые были образованы при помощи переноса значения – 20%. Ярким примером военных терминов, образованных при помощи метафоризации, являются следующие термины: *dogfight*, *loop*, *dead space*.

Заимствования из других языков представлены в нашей выборке двумя терминами (*howitzer* и *legion*), что составляет 4% от общего числа представленных терминов. Слово «*howitzer*» – немецкого происхождения, означает «гаубица, короткоствольная пушка». Его проникновение в английский язык обуславливается, по-видимому, историческим процессом создания новых видов оружия, в ходе которого именно Германия стала первой страной, которая изобрела данный тип артиллерийского орудия и дала ему название, которое сохранилось и в английском языке. Слово «*legion*» восходит к истории Британских островов периода расцвета Римской империи. Обозначая в общем смысле структурное подразделение армии, слово «легион» сохранило данное значение и в настоящее время.

Таким образом, английская военная терминология представляет собой сложноорганизованную систему военных терминов, находящихся в тесной взаимосвязи друг с другом. Совершенствование военной сферы обуславливает динамический характер данной системы, что находит отражение в активном процессе появления новых терминов, изменении или отмирании устаревших терминологических единиц.

Список литературы

1. Борисов В.В. Аббревиация и акронимия. Военные и научно – технические сокращения в иностранных языках. М.: Воениздат, 1972. 320 с.
2. Грачёв П.С. Военная энциклопедия. М.: Воениздат, 2004. Т. 8. 639 с.
3. Кочарян Ю.Г. Языковая природа военного термина // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2, Филология и искусствоведение. 2012. № 1. С. 256-261.
4. Судзиловский Г.А., Шевчук В.Н., Полюхин В.М. Англо-русский военный словарь. В 2 томах. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Воениздат, 1987. 1343 с.
5. Чеботарева В.В. Английский военный термин в лингвистическом и социокультурном аспектах: автореф. дисс. на соискан. учен. степ. канд. филологич. наук; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. М., 2012. 24 с.
6. Department of Defense Dictionary of Military and Associated Terms. – US, 2001. 780 p.
7. Military Acronyms and Abbreviations [Электронный ресурс]: база данных содержит полный список американских военных акронимов и аббревиатур. URL: <http://www.militaryacronyms.net/> (дата обращения: 14.12. 2016).

МОТИВЫ МОЛОДОСТИ И ВОЗРОЖДЕНИЯ В ВЕСЕННИХ ТЕКСТАХ РУССКОЙ ПОЭЗИИ НАЧАЛА XIX ВЕКА

Шохина Е.В.

аспирант кафедры русской литературы филологического факультета,
Воронежский государственный университет, Россия, г. Воронеж

В статье рассматривается весна как время года, воплощающее в себя саму пору молодости / юности в жизни человека. При этом делается вывод о том, что многие поэты чувствуют разочарование или тоску из-за быстротечности хода времени, вследствие чего в поэтических текстах возникает тема памяти / воспоминаний об ушедшей юности. Другим важным мотивом, сопровождающим весенние тексты, является мотив воскрешения природы, обновления всего живого, сопряженный с евангельскими коннотациями.

Ключевые слова: весенние тексты, мотив возрождения, мотив молодости, мотив чуда, русская поэзия начала XIX века.

Понятие времени поэты стремятся наполнить различными образами, одним из которых является образ весны, соотнесенный с периодом юности в жизни человека. Традиционное для элегий и идиллий отождествление весны с молодостью обнаруживает себя в лирике В.А. Жуковского, Д.И. Хвостова, Ф.И. Ленкевича, В.В. Капниста, В.И. Козлова. Оно же прослеживается и в стихотворениях А.С. Пушкина 1810-20-х годов, где подчеркивается быстротечность этого прекрасного времени: «Мне вас не жаль, года весны моей...» («К Каверину») [10, с. 31]. Пушкинское переживание весны сопряжено с чувством утраты или желанием хоть ненадолго остановить движение времени.

В поэтике В. Жуковского изображение весны как молодости состоит из определенных констант: бесконечности, таинственности, непрерывности, текучести: «О дней моих весна, как быстро скрылась ты / С твоим блаженством и страданьем!» («Вечер») [5, с. 48]. В тех текстах, в которых время весны обозначает время давно ушедшей молодости героя, весна-юность возводится в особенный ранг: это время отличается от настоящего, окружено мифологическим ореолом.

В любом случае все мотивы весны-молодости так или иначе пересекаются в точке скоротечности, а таким образом и жестокости времени, ход которого невозможно замедлить или обратить назад. Циклическое движение времен года, времен дня и ночи, времени жизни человека возможно только принять и философски осмыслить. Однако в ряде стихотворений наблюдается отстраненность лирического субъекта от всеобщего праздника жизни: он равнодушен, холоден или даже испытывает негативные чувства: «Я молод, но весна моей не греет крови: / Моя весна не придет вновь!» (М.А. Дмитриев «Весна») [4]. Действие стихотворений может разворачиваться в ретроспективном ключе – от старости к воспоминаниям о прежних летах, и тогда мотив памяти будет ведущим в весенних текстах.

И все же описание весеннего преображения природы и в связи с этим души лирического субъекта становится доминантой весенних текстов.

У В.А. Жуковского образ весны имеет «архетипическую связь с темой сотворения мира, провоцирующую творческую активность мироздания» [6, с. 84]. Для В.А. Жуковского одним из характерных образов становится образ майского утра или вечера на лоне природы, поднимающийся до уровня метафизического времени и универсального пространства. В стихотворении «Овсяный кисель» образ зерна и его превращений воспринимается как аналог всего годового цикла, а также сакральной жертвы, приносимой ради плодородия и грядущего Воскресения [9, с. 21].

В весенних текстах А.А. Фета лирический субъект чутко реагирует на любые погодные изменения в природе, находясь в гармонии с миром [8]. Тексты о возрождении природы выявляют необыкновенную чувствительность души фетовского героя: он поддается всеобщему оживлению и радости, вследствие чего весна наступает не только для окружающего мира, но и для внутреннего мира человека: «Какой-то тайной жаждою / Мечта распалена – / И над душою каждою / Проносится весна» (А.А. Фет «Уж верба вся пушистая...») [12]. Весеннее очарование природы и музыка в стихотворении «Весеннее небо глядится...» пробуждает в герое воспоминания о минувших днях, отсылает к прошлому.

Для многих поэтов пушкинской поры художественное время весны сопряжено с категорией чудесного, а именно чуда воскрешения: «Но возрожденная весть живая / Уж есть в пролетных журавлях» (А.А. Фет «Еще весны душистой нега...») [12], «Что, как мелькнувшая весна / Там оживляет все творенье...» (А.А. Дельвиг «К Илличевскому») [3, с. 136]. При описании воскрешения природы взгляд лирического субъекта движется по вертикали от неба, солнца, к полям и лесам, охватывая всю природу с высоты птичьего полета: «Всё творенье воскресает, / Сокрушились цепи вод, / Мрачну душу оживляет / Проясненный неба свод» (В.И. Козлов «Весеннее чувство») [7, с. 23]. Отдельно взятые локации природы поднимаются до уровня вселенских масштабов, как будто весна совершает свое чудо обновления во всем мире.

В интерпретации Тютчева природа опoэтизирована и неразрывно связана с человеком. В ранней лирике отчетливо проступает идея о тождестве духа человека и природы [2, с. 247]. В изображении времен года у Тютчева превалирует весна, олицетворяющая «любовь земли и прелесть года. Исследователи отмечают, что в сознании Тютчева сопрягались и христианские воззрения, и натурфилософия, что проявляется в его медитативной и пейзажной лирике [1, с. 266]. Прослеживается параллелизм между душевным состоянием человека и природными процессами пробуждения всего живого: «И вот, я чую, надо мною, / Не наяву и не во сне, / Как бы повеяло весною, / Как бы запело о весне...». («Графине Е.П. Ростопчиной») [11, с. 168].

Таким образом, устойчивые весенние мотивы в поэтических текстах интересующего нас периода образуют пары антитез, представая в разных izvодах. Традиционному мотиву возрождения, имеющему не только натурфилософскую, но и евангельскую основу, противостоит мотив угасания / уми-

рания. Если первый маркирован радостью / восторгом, то второй, соответственно, тоской / разочарованием. Сюда же примыкает мотив торжествующей во всей красе молодости, пару которому составляет мотив быстротечности жизни, окрашенный в минорные тона. Мотиву памяти / воспоминания о прошлых годах сопутствует мотив забвения, жестокости времени.

Список литературы

1. Вересов Д.А. Концепция евангельского слова в поэтике Ф.И. Тютчева // Проблемы исторической поэтики. 1998. № 5. С. 265-269.
2. Голованевский А.Л., Сычева Е.Н. Семантическое поле «природа» в поэтической афористике Ф.И. Тютчева // Вестник Брянского государственного университета. 2015. № 1. С. 246-250.
3. Дельвиг А.А. Сочинения. Л.: Худож. лит., 1986. 459 с.
4. Дмитриев М.А. Стихотворения URL: http://az.lib.ru/d/dmitriew_m_a/text_0050.shtml (дата обращения 16.02.2017)
5. Жуковский В.А. Собрание сочинений в 4 т. М.; Л.: Сов. писатель, 1959. Т. 1. 480 с.
6. Калашникова А.Л. Мотив весеннего преображения души в художественном творчестве Ф.И. Тютчева: фольклорные и христианские традиции // Фольклорная картина мира: сборник научных работ. Вып. 2. Кемерово, 2012. С. 83-91.
7. Козлов В.И. Весеннее чувство // Поэты 1820–1830-х годов. Л.: Сов. писатель, 1972. Т. 1. 175 с.
8. Константинова С.К. Синтагматика слов-репрезентантов концепта «душа» в лирике А.А. Фета // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2009. №3(11). URL: <http://www.scientific-notes.ru/index.php?page=6&new=11> (дата обращения: 15.02.2017).
9. Поплавская И.А. Текст «времена года» и художественная философия «весеннего чувства» в творчестве В.А. Жуковского // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 388. С. 17-23.
10. Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10 томах. М.: ГИХЛ, 1959. Т. 1. 643 с.
11. Тютчев Ф.И. Стихотворения 1850-1873 // Полное собрание сочинений и писем: В 6 т. М.: «Классика», Т. 2. 2003. 640 с.
12. Фет А.А. Собрание сочинений в двух томах. Т.1. URL: http://az.lib.ru/f/fet_a_a/text_0042.shtml#107 (дата обращения: 16.02.2017).

Подписано в печать 10.03.2017. Гарнитура Times New Roman.

Формат 60×84/16. Усл. п. л. 8,14. Тираж 500 экз. Заказ № 77

ООО «ЭПИЦЕНТР»

308010, г. Белгород, ул. Б.Хмельницкого, 135, офис 1

ИП Ткачева Е.П., 308000, г. Белгород, Народный бульвар, 70а